

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Н.А. Магомедов

**РЕГИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ
ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ В ЗАПАДНОМ
ПРИКАСПИИ В XVII – XVIII ВВ.**

instituteofhistory.ru

α
aleph

Махачкала – 2015

УДК 94(470.67)

ББК 63.3(2)5

М-12

Редактор – Х.А. Амирханов, чл.-корр. РАН,
доктор исторических наук, проф.

Рецензенты:

Д.С. Кидирниязов, доктор исторических наук, проф.;

Ю.У. Дадаев, доктор исторических наук, проф.;

Ш.А. Магарамов, кандидат исторических наук.

Магомедов Н.А.

М-12 Региональная и международная транзитная торговля в Западном Прикаспии в XVII – XVIII вв. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2015. – 184 с.

ISBN 978-5-4447-0030-3

В монографии исследуется экономическое состояние Западного Прикаспия и его место в кавказской экономической политике России, изучено место и роль торговых центров Западного Прикаспия в торгово-экономических контактах России с народами Северного Кавказа и со странами Востока в XVII – XVIII вв., показано значение этой торговли для всех ее участников. В работе предпринята попытка показать роль восточного купечества в развитии международной транзитной торговли через Западный Прикаспий.

Книга предназначена как для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов ВУЗов и других учебных заведений, так и для всех интересующихся историей Дагестана.

ISBN 978-5-4447-0030-3

© ИИАЭ ДНЦ РАН, 2015

© Магомедов Н.А., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Социально-экономическое развитие и политическое положение Западного Прикаспия в XVII–XVIII вв.	23
§ 1. Природно-географические условия	23
§ 2. Экономическое развитие.....	27
§ 3. Социальные отношения	33
§ 4. Политическое положение	39
ГЛАВА II. Западный Прикаспий в контексте российской экономической политики на Кавказе в XVII–XVIII вв.	52
ГЛАВА III. Региональная торговля в Западном Прикаспии в XVII – XVIII в.....	70
§ 1. Роль Астрахани и Терки в прикаспийской региональной торговле.....	70
§ 2. Крепость Святого Креста и Кизляр – центры западно-прикаспийской торговли	80
§ 3. Торговые центры Засулакской Кумыкии в развитии региональной торговли на Северо-Восточном Кавказе	93
§ 4. Значение Дербента, Низабата и Баку в региональной торговле	105
ГЛАВА VI. Международная транзитная торговля в Западном Прикаспии в XVII – XVIII вв.....	117
§ 1. Предпосылки и условия торговли России со странами Востока через Западный Прикаспий.....	117
§ 2. Место Западного Прикаспия в российско-закавказских торгово-экономических отношениях	125
§ 3. Российско-иранские торговые отношения через Западный Прикаспий	137
§ 4. Роль восточного купечества в транзитной торговле через Западно-прикаспийский регион	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	161
БИБЛИОГРАФИЯ	168

ВВЕДЕНИЕ

Западный Прикаспий, отличающийся своим выгодным географическим положением и стратегическим значением, издавна служил транзитным пунктом международной торговли, связывающей народы Кавказа и страны Ближнего и Переднего Востока с Россией, а через нее – с Западной Европой. Здесь проходила древняя трасса международного торгового пути, получившее название «Малого шелкового пути», по которому велась крупномасштабная торговля товарами широкого ассортимента между Западом и Востоком. В XVII в. в связи со стабилизацией политической обстановки на западном побережье Каспия, эта торговля значительно оживилась и здесь сложилась целая сеть торгово-экономических и ремесленных центров.

В планах восточной экономической политики России, в развитии российско-кавказских, торгово-экономических контактов западно-прикаспийский регион в изучаемый период играл роль связующего транзитного звена. Присоединение Западного Прикаспия к России в результате петровского похода дало большой импульс к дальнейшему развитию российско-северокавказского и российско-восточного торгово-экономического взаимодействия. Мероприятия, проводимые правительством Петра I по оживлению торговли в регионе, сыграли свою положительную роль. Однако данная проблема в отечественной исторической, в частности кавказоведческой науке, несмотря на свою значимость, не получила до сих пор всестороннего и более полного освещения, что и предопределило выбор нами темы исследования.

Следует заметить, что Западный Прикаспий служил и главной военно-стратегической опорой кавказской политики Российского государства. Здесь была сосредоточена вся российская военная сила на Кавказе. Этот регион сыграл важную роль в исторических судьбах народов Северо-Восточного Кавказа, став главной опорой в освоении региона, закончившийся включением его в состав Российской империи.

В XVII – XVIII вв. внешнеполитические планы России весьма удачно совпали с интересами отечественных торгово-промышленных кругов в отношении азиатских государств. Более того, необходимость решать внешнеполитические задачи опосредованно подталкивала государственную власть к развитию внешнеторговых связей, видя в них один из резервов укрепления позиций России на мировой арене, внутри страны – собственных позиций. Вместе с тем внешняя торговля подчинялась решению общей задачи подъема производительных сил страны и, в частности, промышленности.

Торговля с Кавказом и Востоком, несмотря на то, что она занимала в XVII – XVIII вв. относительно небольшое место во внешнеторговых оборотах страны, играла важную роль для России. Но успехи (особенно в текстильной промышленности), которые были очевидны, а также весьма активная внешняя политика России на восточном направлении, в частности в отношении Ирана, подготовили интерес российских торговых кругов к этому региону, создали возможность для увеличения здесь объемов торгового взаимодействия. Не случайно в правительственных и торгово-промышленных кругах она была предметом особого внимания.

Интерес к торговым связям России со странами Востока через Западный Прикаспий приобретает к тому же и современное звучание: после распада СССР и пересмотра своих внешнеполитических интересов России приходится по новому строить свои отношения, в том числе, и экономические, со странами Южного Кавказа и Азии. Это способствует возрастающему интересу исследователей к истории внешне-торговой деятельности России на Кавказе и Ближнем Востоке и определяет ее значимость.

В настоящей работе впервые в отечественной историографии на основе тщательного изучения и широкого использования всей совокупности, имеющихся литературных и документальных источников, а также с учетом достижений отечественной исторической науки освещается роль Западного Прикаспия как транзитного узла в торговле России с народами Северного Кавказа и со странами Востока в указанных хронологических рамках. В работе на конкретном материале показана, какую роль играл тот или иной торгово-экономический центр западно-прикаспийского региона в российско-северокавказской и российско-восточной торговле, обосновывается взаимовыгодность, жизненная необходимость и взаимообусловленность этих торгово-экономических взаимоотношений. Кроме того, в работе исследуется торговая политика российского правительства на Востоке и ее приоритеты, обоснована выгодность и перспективность российско-восточной торговли по Волжско-Каспийскому пути.

В работе поднят ряд вопросов не нашедший достаточно полного и объективного освещения в российской историографии. В частности, исследуется экономическое состояние Западного Прикаспия, благодаря чему этот регион занимал одно из важнейших мест в кавказской экономической политике России.

Результаты исследования способствуют расширению и углублению исторических знаний о Западном Прикаспии. Поскольку Запад-

ный Прикаспий в изучаемый период играл важную роль как связующее звено в торгово-экономических взаимоотношениях не только народов Северного Кавказа с Россией, но и России со странами Востока, то изучение этой проблемы приобретает общероссийское и даже международное значение.

Главной целью исследовательской работы является показ места и роли торговых центров Западного Прикаспия в торгово-экономических контактах России с народами Северного Кавказа и со странами Ближнего Востока в XVII – XVIII вв., показ значения этой торговли для всех ее участников.

Объектом исследования является Западный Прикаспий и его роль в развитии региональной и международной транзитной торговли на Северо-восточном Кавказе в XVII – XVIII вв.

Предметом исследования является значение торгово-экономических центров Западного Прикаспия в осуществлении связей народов Северо-Восточного Кавказа между собой и с Россией, а также как транзитного узла в российско-восточной торговле; мероприятия правительства Петра I по оживлению торговли в регионе. К предмету отнесены также роль восточного купечества в развитии международной транзитной торговли через Западный Прикаспий.

Указанный период истории связан со временем активизации политики России на Кавказе. С выходом России на побережье Каспийского моря Западный Прикаспий оказался в сфере внешней политики российского правительства, что в свою очередь усилило и укрепило взаимовыгодные торгово-экономические взаимоотношения России с Прикаспийским регионом, а через него и с народами Северного Кавказа. Этому в определенной мере способствовала политика царских властей в регионе. Наиболее тесными стали экономические контакты Западного Прикаспия с Россией в период правления Петра I. Западный Прикаспий как регион богатый природными ресурсами и экономическим состоянием занимал в планах императора важную роль.

Кроме того, исследуемый период является совершенно новым этапом в истории развития российской восточной торговли. В это время вопросы восточной торговли, наряду с торговлей с Западом, приобретают важное значение во внутренней и внешней политике Российского государства. Торговые связи с Востоком приобрели постоянный характер и отличались широким охватом стран и большой интенсивностью товарооборота. Соответственно все это выдвинуло Прикаспийские области на положение главных районов торговли России со странами Востока.

Территориальные границы западного побережья Каспия охватывают территорию от Апшеронского полуострова до низовьев реки Кумы. Но в нашем исследовании мы рассматриваем это побережье в более узких пределах: начиная от линии пристань Баку на север до низовьев реки Терека и от моря до предгорного Дагестана. Именно здесь находились более или менее значительные центры торговли западного побережья Каспийского моря.

Торговля России с народами Северного Кавказа и со странами Востока в XVII – XVIII вв. в дореволюционной и советской историографии получила достаточно широкое освещение. В рамках нашего исследования обоснованным является историографический обзор литературы по истории торговых отношений России с северокавказскими народами и со странами Востока через Западный Прикаспий в XVII – XVIII вв.

Говоря о дореволюционной историографии, следует заметить, что в трудах дореволюционных авторов собран и систематизирован ценнейший фактический материал по нашей теме. Многие из этих работ появились еще в XVIII – нач. XIX в. и посвящены периоду деятельности Петра I. Однако следует заметить, что эти работы скорее являются первоисточниками, нежели историческими исследованиями. Поэтому они будут проанализированы в источниковой базе данной работы.

Из дореволюционных исследователей, внесших определенный вклад в изучение темы, следует отметить прежде всего С.М. Броневского, участника Персидского похода 1796 г. В его работе¹, написанной на основе большого фактического материала с привлечением трудов русскоязычных и западноевропейских авторов и сведений, собранных самим автором, имеются сведения о развитии морской и сухопутной торговли на Западном Прикаспии, характеризуется роль таких центров внутренней и международной торговли, как Дербент, Кизляр, Астрахань, освещается англо-российское соперничество на Каспии.

Значительный интерес для нас представляет труд дореволюционного исследователя Н. Костомарова², посвященный изучению торговой деятельности Русского государства в XVI – XVII вв., в котором большое место отводится вопросам восточной торговли, раскрывается характер восточной экономической политики Московского государства.

Не менее важны для нашего исследования работы, изданные в начале прошлого столетия С. Остапенко³ и П. Мельгуновым¹, посвя-

---

¹ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1 – 2.

² Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. СПб., 1862.

³ Остапенко С. Внешние рынки России. Киев, 1903.

ценные изучению русской торговли на протяжении нескольких столетий, в которых также содержится интересный материал о русско-восточной торговле в изучаемый период и о роли Прикаспийских областей в международной транзитной торговле Русского государства со странами Востока.

Среди работ, появившихся в середине XX в. и имеющих непосредственное отношение к проблеме, следует отметить монографию В.П. Лысцова². Она посвящена изучению экономических и военно-политических предпосылок похода Петра I на западное побережье Каспийского моря. В ней на большом фактическом материале раскрываются экономические потребности российской мануфактурной промышленности в восточном, в частности, западно-прикаспийском сырье, делаются интересные наблюдения о развитии экономики региона. Здесь имеются сведения и об освоении Россией в начале XVIII в. торговых путей вдоль западного побережья Каспия и о том, какие меры предпринимал Петр I с целью оживления торговли в регионе.

Определенный интерес для нашего исследования представляет работа Н.Г. Кукановой³, посвященная русско-иранским торговым отношениям в конце XVII – начале XVIII в. В работе автор делает вывод, что торговые отношения России и Ирана в указанный период и предшествующее время имели большое значение для развития их экономических и других связей и теснейшим образом были связаны с дипломатическими отношениями, все время переплетались между собой. Особенно важно для нас здесь то, что в ней показывается роль армянских, кизлярских, дербентских, шемахинских, джувльфинских и других восточных купцов в русско-иранской торговле.

Вопросам торгово-экономических взаимоотношений России с Закавказьем и Ираном через Каспий в XVIII в., экономической политики на Востоке посвящены работы А.И. Юхта.⁴ В этих же работах освещается роль сухопутной торговли вдоль западного берега Каспия, торговых центров Западного Прикаспия в российско-восточной торговле.

---

¹ Мельгунов П. Очерки по истории русской торговли XI – XVIII вв. М., 1905.

² Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. М., 1951.

³ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII в. // Исторические записки / Отв. ред. А.А. Сидоров. Т. 57. М., 1956. С. 232 – 254.

⁴ Юхт А.И. Восточная торговля России в 30 – 40-е годы XVIII в. // Известия АН Арм. ССР. 1956. № 8; Его же. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // История СССР. № 1. М., 1961. С. 131 – 146; Его же. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 177 – 192.

Нельзя особо не отметить труды известного кавказоведа Е.Н. Кушевой¹, посвященные изучению взаимоотношений народов Северного Кавказа, в том числе и Дагестана, с Россией в XVI – XVII вв. В ее работах параллельно с вопросами политических отношений, освещаются проблемы зарождения и углубления русско-кавказских экономических взаимоотношений.

Монография М.В. Фехнера² посвящена торговым связям Русского государства со странами Ближнего и Среднего Востока в XVI в. В работе рассматривается структура русско-восточной торговли и ее организация, оценивается значение этой торговли в общем ходе экономического развития страны, а также дается характеристика торговых путей из Русского государства в страны Востока, в том числе Волжско-Каспийского торгового и западнокаспийского сухопутного пути.

В числе работ, внесших весомый вклад в историографию изучаемой проблемы, следует считать монографию О.П. Марковой³, посвященной изучению восточной политики России. Особый интерес представляют главы, посвященные экономическим связям России со странами Закавказья и с Ираном в XVIII в., в которых показаны экономическая политика России и в Западном Прикаспии, англо-российское экономическое соперничество в бассейне Каспийского моря, освещается торговля России с Закавказьем и Ираном, приводятся данные о морской и сухопутной торговле Кизляра, Дербента и других торговых центров.

Небезынтересна для нашего исследования работа Ю.П. Тушина⁴, посвященная прошлому русского и украинского народов, которые в трудной борьбе с турецко-татарской агрессией завоевывали право на свободу мореплавания на Азовском и Черном морях, одерживали победы над турецким флотом, овладевали приморскими крепостями. Особый интерес в ней для нас представляет то, что автор показывает значение морского пути вдоль западного побережья Каспия для торговли России со Средней Азией и Ираном, рассказывает о развитии судостроения на Каспии.

---

¹ Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI – XVII вв. Махачкала, 1954; Ее же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963.

² Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1956.

³ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966.

⁴ Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М., 1978.

Вопросы, касающиеся торговых связей Восточной Грузии с народами Северного Кавказа в XVIII в. получили освещение в работе В.Н. Гамрекели.¹ Кроме того, значительное место здесь отводится исследованию роли западно-прикаспийских торговых центров в отношениях Грузии с северокавказскими горцами и народами Дагестана. Автор отмечал, что «Западный Прикаспий представлял собою в XVII – XVIII вв. и ранее крупнейшую торговую магистраль Кавказа и что прикаспийская торговля имела большее значение и влияние в экономическом развитии горного Дагестана»².

В плане изучения вопроса о торгово-экономических отношениях в Западном Прикаспии большой интерес представляет монография Н.Б. Голиковой «Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в.»³. В работе автор, основываясь на богатой источниковой базе, исследует экономическую историю Астрахани, которая к тому времени была одним из центров торговли России с Прикаспийским регионом. Здесь же проанализирована роль других российских городов Западного Прикаспия в торговых отношениях России с восточными странами в изучаемый период.

В работе Н.П. Гриценко⁴ рассматриваются вопросы социально-экономического развития городов Северо-Восточного Кавказа, в том числе в западно-прикаспийском регионе, в изучаемый нами период, их влияние на развитие производительных сил региона.

Наибольший вклад в разработку различных аспектов рассматриваемой проблемы внесли труды азербайджанских исследователей. Среди них особого внимания заслуживает монография Г.Б. Абдуллаева⁵, посвященная изучению взаимосвязей Азербайджана с Россией, написанная на основе богатого архивного материала и других источников. Для нас наибольший интерес представляет глава, в которой освещены торгово-экономические связи народов Азербайджана с Россией в XVIII в., показана роль Баку и Дербента в этих торговых отношениях. Этой же

¹ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968.

² Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 16.

³ Голикова Н.Б. Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.

⁴ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов-на-Дону, 1984.

⁵ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965.

теме посвящена монография другого азербайджанского историка Ф.М. Алиева.¹

Большое внимание интересующему нас вопросу уделено в трудах дагестанских ученых-историков советского периода. Нельзя обойти вниманием фундаментальные труды корифеев дагестанской исторической науки Р.М. Магомедова² и Х.-М.О. Хашаева³, посвященные социально-экономическому и общественно-политическому развитию Дагестана в XVIII – XIX вв. В этих трудах имеются весьма важные сведения и выводы по теме нашего исследования.

Важное значение для нас представляет совместная монография Х.Х. Рамазанова и А.Р. Шихсаидова⁴, посвященная истории народов Южного Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Здесь среди множества вопросов, в ней раскрыта и роль Дербента как торгово-ремесленного центра Северо-Восточного Кавказа, а также как посредника в торгово-экономических контактах России с народами Восточного Кавказа и со странами Востока в изучаемый период.

Значительным вкладом в историографию исследуемой проблемы является фундаментальная монография В.Г. Гаджиева «Роль России в истории Дагестана»⁵, в которой впервые в отечественном кавказоведении освещаются российско-дагестанские взаимоотношения во всей их многогранности. Ценность этой работы в том, что она написана на основе обширного материала местных и центральных архивов, большого круга литературных источников. Немаловажное место автор уделит и вопросам экономической политики России в первой четверти XVIII в. в Западном Прикаспии.

Наше внимание привлекает еще одна работа В.Г. Гаджиева⁶, посвященная анализу источника первой четверти XVIII в. Автор сумел здесь не только в полной мере установить информативные возможно-

---

¹ Алиев Ф.М. Торговля в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1978.

² Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957; Его же. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала, 1961.

³ Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959; Его же. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.

⁴ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX века. Махачкала, 1964.

⁵ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965.

⁶ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979.

сти такого источника, как записки И.-Г. Гербера, но также смог дать глубокий анализ российско-кавказским отношениям. Значительное место в работе уделено мероприятиям Петра I по развитию торговли и оживлению экономики Западного Прикаспия.

Немаловажное значение для нас представляют работы Ф.З. Феодаевой¹, посвященные изучению русско-дагестанских взаимоотношений во второй половине XVIII – начале XIX в. Автор на основе широкого круга архивных документов, извлеченных из центральных и местных архивов, исследует торговую политику России в Дагестане, освещает перечень и ассортимент товаров с обеих сторон, показывает роль наиболее крупных торговых центров (Кизляр, Дербент и др.) в развитии российско-дагестанских торговых контактах, с другой – подчеркивает рост заинтересованности и влияния России в политических событиях в Дагестане.

Вопросы, касающиеся торгово-экономических отношений Западного Прикаспия с Россией в изучаемый период, затронуты и в публикациях известного краеведа Д.С. Васильева.² Значительное место автор уделит истории развития Кизляра, а также его предшественников, их экономических взаимоотношений с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа.

Значительный вклад в разработку проблемы внесли работы М.-С.К. Умаханова³, в которых с привлечением местного архивного материала освещаются некоторые стороны исследуемой темы. Автор показывает пути интегрирования российского капитала в экономику Дагестана в изучаемый период, освещает роль торговых путей как внутри Дагестана, так и вдоль западного побережья Каспия, а также торговых центров Дагестана, в том числе прикаспийской низменности, в развитии товарно-денежных отношений в изучаемом регионе.

---

¹ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XIV. Махачкала, 1965. С. 155 – 174; Ее же. Русско-дагестанские экономические отношения во второй половине XVIII – начале XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1973.

² Васильев Д.С. Загадка Старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 35 – 38; Его же. Очерки низовьев Терека (Досоветский период). Махачкала, 1986.

³ Умаханов М.-С.К. Торговые пути в средневековом Дагестане // Древние промыслы, ремесло и торговля в средневековом Дагестане. Махачкала, 1984; Его же. Торговые центры Дагестана XVII – XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1992. С. 9 – 20.

Определенное место различным аспектам изучаемой проблемы уделено в исследовании Б.Г. Алиева¹, в котором освещаются вопросы социально-экономического развития и административно-политического управления союзов сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Для нас большой интерес в этой работе представляет глава, посвященная хозяйственной деятельности союзов сельских общин, где освещаются торговые пути и торговые центры, как внутренней, так и внешней торговли, в частности с Россией.

В 1999 и 2001 г. Б.Г. Алиев и М.-С.К. Умаханов издали «Историческую географию Дагестана XVII – начала XIX в.»², в которой также содержатся важные сведения о развитии торговли внутри региона, а также с Россией и Закавказьем, описываются торговые пути и центры торговли западного побережья Каспия.

Для нашего исследования весьма интересны работы М.Р. Гасанова³, посвященные истории Табасарана и российско-кавказских отношений. Наряду с другими вопросами автор характеризует торговые связи Табасарана с Дербентом, а через него и с Россией в изучаемый период, приводит данные о предметах торговли, торговых путях, останавливается на вопросах экономических взаимоотношений народов Кавказа с Россией и со странами Востока.

Большой интерес для нас представляют труды чеченских ученых-историков. Так, в работе Я.З. Ахмадова⁴ освещаются вопросы экономических взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа между собой и с Россией в изучаемый период. В трудах Ш.Б. Ахмадова⁵

---

¹ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Кн. 1. Махачкала, 1999; Их же. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Кн. 2. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала, 2001.

³ Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994; Его же. Каспийский поход Петра I – важный этап в истории российско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. № 2 – 3. Ростов-на-Дону, 1995. С. 67 – 72; Его же. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала, 2004.

⁴ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1977.

⁵ Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – XIX века (Очерки истории социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии). Грозный, 2002; Его же. Кизляр как главный торгово-экономический центр на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 205 – 215.

эти же вопросы исследованы в более широком диапазоне. Одну из своих работ Ш.Б. Ахмадов посвятил изучению роли торговых центров Западного Прикаспия, в частности, Кизляра, в осуществлении региональной и российско-северокавказских торговых отношений.

Определенный интерес для нашего исследования представляет монографическое исследование Х.А. Атаева¹, посвященное торгово-экономическим связям Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. В нем определенное внимание уделено роли Волжско-Каспийского торгового пути и торговых центров Западного Прикаспия и Закавказья в российско-иранской торговле, а также деятельности Петра I по развитию торговли в изучаемом регионе.

Среди работ, опубликованных в постсоветский период, несомненный интерес для нашего исследования представляет монография Н.А. Магомедова «Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в.»². Глава IV этой работы посвящена торговой деятельности жителей Дербентского ханства в указанный период, где автор делает вывод, что ведущее место во внешнеторговой деятельности Дербента занимала Россия. Здесь же Н.А. Магомедов освещает степень участия дербентских и иноземных купцов в транзитной торговле России со странами Востока, показывает роль Дербента как связующего звена в торговых контактах народов Дагестана, стран Закавказья и Востока с Россией.

Для изучения заявленной проблемы немаловажное значение имеют и другие работы Н.А. Магомедова³, в которых исследуются торгово-экономические отношения Дербента с Россией в изучаемый период, показано место Дербента как восточного торгового центра, куда стекались товары со всего Кавказа, стран Востока и России.

Важным вкладом в освещение некоторых аспектов поставленной перед нами проблемы следует считать труды А.С. Акбиева⁴, в которых автор, исходя из конкретных архивных данных, наряду с широким кру-

---

¹ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М., 1991.

² Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998.

³ Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа XVIII – 70-х гг. XIX в. Грозный, 1982. С. 284 – 287; Его же. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII – XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2008.

⁴ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. Махачкала, 1998; Его же. Общественный строй кумыков в XVII – XVIII вв.: Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 2000.

гом вопросов, рассматривает и торгово-экономические связи кумыков с Россией в изучаемый период, показывает роль центров торговли Засулакской Кумыкии в региональной и международной транзитной торговле.

Некоторые аспекты исследуемой нами проблемы затронуты в трудах Д.С. Кидирниязова¹, посвященные взаимоотношениям разносторонних связей ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – начале XIX в. Значительное внимание в них автор уделил вопросам торгово-экономических отношений ногайцев с соседними народами и сопредельными странами, при этом показана роль российских городов Западного Прикаспия в этих взаимоотношениях.

Непосредственно русско-дагестанским торгово-экономическим взаимоотношениям посвящены работы Р.К. Киласова и Е.И. Иноземцевой. Кандидатская диссертация Р.К. Киласова² базируется на солидном пласте архивных материалов Астраханской таможни, которые позволили автору осветить ассортимент товаров, ввозимых из России в Дагестан через Астрахань, Дербент, Терекский город, крепость Святого Креста, объем торговых сделок, состав торгующих и т.п. В своих публикациях Р.К. Киласов³ исследует историю развития экономических связей Дагестана и России в конце XVII – первой половине XVIII в., основываясь на данных не только Астраханского архива, но и Центрального государственного архива Ленинградского отделения Института Истории АН СССР.

Кандидатская диссертация⁴ и монография⁵ Е.И. Иноземцевой базируется, что очень важно, на местном, дагестанском фактическом материале, извлеченном из Центрального государственного архива Республики Дагестан. Это первая попытка специального обобщающего

¹ Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. Махачкала, 2000; Его же. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – начале XIX в. Махачкала, 2008.

² Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1971.

³ Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII – начало XVIII в.) // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Т. XX. Махачкала, 1970. С. 205 – 220; Его же. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – первая половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 5. Махачкала, 1974. С. 151 – 167.

⁴ Иноземцева Е.И. Русско-дагестанские торгово-экономические отношения в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс.. канд. ист. наук. Махачкала, 1996.

⁵ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала, 2001.

изучения процесса взаимовыгодного и взаимообусловленного торгово-экономического взаимодействия Дагестана и России в XVIII – первой половине XIX в. Автором раскрываются характер, интенсивность, место и роль торгово-экономической интеграции, показана степень участия народов, особенно, приморского Дагестана в транзитной торговле России с государствами Востока.

Отдельные аспекты изучаемой проблемы затрагиваются и в других публикациях Е.И. Иноземцевой¹. В них освещается роль армянского купечества в торговых отношениях России и народов Дагестана, исследуется кавказское направление во внешней политике России в первой четверти XVIII в., раскрывается позитивное влияние морской торговли на экономическое развитие Дагестана и т.п.

Среди работ, появившихся в последнее время, и имеющих непосредственное отношение к нашей теме, следует отметить монографию Н.Н. Гаруновой². В ней исследуется система многогранных методов и форм кавказской политики России в XVIII – первой половине XIX в., осуществлявшейся через российские города-крепости на Северо-Восточном Кавказе, освещается их роль в процессе вовлечения народов региона в сферу влияния, а затем и власти Российской империи. Что очень важно для нашей темы, показано роль и место городов нижнего Притеречья в контексте торгово-экономической политики России на Кавказе.

Для понимания отдельных аспектов исследуемой проблемы немаловажное значение имеет совместная работа Аганесовой Д.В. и Суздальцевой³, посвященная формированию армянских общин Дагестана, их участию в социально-экономической и общественно-политической жизни региона в XVIII – XIX вв. Здесь мы находим интересующие нас вопросы, связанные с появлением армянских общин в Западном При-

---

¹ Иноземцева Е.И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // *Iran&Caucasus* (Иран и Кавказ). Vol. 2. Yerevan, 1998. С. 5 – 12; Ее же. Роль и место морской торговли в экономическом развитии Дагестана (с древнейших времен по XVIII в.) // *Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции.* Москва – Ставрополь, 2001. С. 28 – 31; Ее же. Кавказское направление во внешней торгово-экономической политике Петра I // *Романовы и Северный Кавказ.* Краснодар, 2008. С. 3 – 10.

² Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007.

³ Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала, 2007.

каспии, с их посреднической ролью в международной транзитной торговле между Россией и Востоком, а также между народами региона.

Различные аспекты исследуемой нами проблемы затрагиваются и в ряде квалификационных работ, защищенных в качестве кандидатских диссертаций. Среди них следует отметить диссертации Н.В. Барышниковой¹, посвященную кавказскому направлению во внешней политике Петра I и Н.К. Касумова², в которой исследуется роль Дербента как центра региональной и международной транзитной торговли на западном побережье Каспия в XVIII – первой половине XIX в.

Ценные наблюдения и обобщающие выводы по теме нашего исследования содержатся и в обобщающих академических изданиях «Очерки истории Дагестана»³, «История Дагестана»⁴, «История народов Северного Кавказа»⁵ и т.д. В этих работах показаны многообразные аспекты прогрессивной роли России в исторических судьбах народов региона, показана роль торговых центров Западного Прикаспия и Приморского Дагестана в развитии российско-кавказских отношений.

Приведенный выше историографический анализ литературы показывает, что исследователи дореволюционного, советского и постсоветского периодов уделяли определенное внимание роли торговых центров Западно-прикаспийского региона в торгово-экономических отношениях России с народами Северо-Восточного Кавказа и со странами Востока в XVII – XVIII вв. Однако проблема в целом поставленная нами не получила должного и всестороннего освещения, нет до сих пор в российской исторической науке монографического исследования, посвященная изучению роли и места Западного Прикаспия в торговых отношениях России с северо-кавказскими народами и восточными странами в XVII – XVIII вв.

Источниковой базой работы послужили материалы и документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Республики Дагестан (ЦГА РД), центральных архивохранилищах страны (Санкт-Петербург, Москва), Рукописном фонде Института истории, археоло-

---

¹ Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

² Касумов Н.К. Дербент – центр региональной и международной торговли в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2006.

³ Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1.

⁴ История Дагестана. М., 1967. Т. 1; История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до начала XX в. М., 2004.

⁵ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988.

гии и этнографии ДНЦ РАН, опубликованные сборники архивных документов и материалов, сочинения русскоязычных, западноевропейских и восточных авторов XVII – XVIII вв. и др.

Ценные документы сосредоточены в ЦГА РД. Наибольший интерес для нашего исследования представляют Ф. 379 («Кизлярский комендант»), Ф. 341. («Комендант крепости Терки»), Ф. 335. («Комендант крепости Святой Крест»), Ф. 18 («Дербентский комендант»), Ф. 20 («Дербентский карантинно-таможенный пост Дагестанской области»). Хранящиеся в этих фондах материалы представляют собой документы официального характера: отчеты, рапорты, донесения местных административных органов вышестоящим должностным лицам, письма местных феодальных владетелей к русским царям, которые проливают свет на экономические контакты Северо-Восточного Кавказа с Россией и Закавказьем.

«Кизлярский комендантский архив», являющийся уникальнейшим собранием документов по истории взаимоотношений народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе Западного Прикаспия, с Россией в XVIII – XIX вв. в 70 – 90-е годы прошлого столетия был подвергнут планомерному изучению и анализу дагестанскими учеными-историками В.Г. Гаджиевым¹, Г.М.-Р. Оразаевым², Р.С. Шихсаидовой³, Д.С. Кидирниязовым⁴, Е.И. Иноземцевой⁵, результатом чего явился выход в свет ряда научных публикаций в виде статей.

Ценные документы по нашей проблеме хранятся и в Рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. Здесь имеются документы как местного происхождения, так и заверенные

---

¹ Гаджиев В.Г. Архив кизлярского коменданта // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (СКНЦВШ). Ростов-на-Дону, 1978. № 2. С. 6 – 12.

² Оразаев Г.М.-Р. Фонд «Кизлярский комендант» как источник по истории русско-дагестанских взаимоотношений // Тезисы докладов и сообщений на научной сессии ДФ АН СССР 22 – 24 апреля 1985 г. Махачкала, 1985. С. 18 – 19.

³ Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых отношений в XVIII – XIX вв. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С. 96 – 104.

⁴ Кидирниязов Д.С. Архив Кизлярского коменданта – важнейший источник по истории русско-ногайских отношений в XVIII в. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987.

⁵ Иноземцева Е.И. Кизлярский комендантский архив как источник для изучения русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа. Махачкала, 1991. С. 144 – 148.

копии архивных документов, выявленных известными кавказоведами и дагестанскими исследователями в центральных архивохранилищах страны (РГАДА, РГВИА, РГВИА СПб., АВПРИ). Отличительной чертой собрания Рукописного фонда ИИАЭ является оригинальность материалов.

Использованы нами и опубликованные источники из сборников документов и материалов «Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв.» (М., 1957. Т. 1 – 2.), «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.» (Сост. Р.Г. Маршаев) (Махачкала, 1958), «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» под ред. В.Г. Гаджиева (М., 1988), «Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в.» под ред. А. Иоаннисяна (Ереван, 1964. Т. 2. Ч. 1.), куда вошли извлечения из центральных архивов и материалы Кизлярского комендантского архива ЦГА РД.

В XVII в. Северо-Восточный Кавказ посетило значительное количество европейцев, среди которых были посланники правительств Западной Европы к правителям Кавказа и восточных стран, а также купцы, побывавшие в Западном Прикаспии в торговых целях. Все авторы, побывавшие в регионе, оставили важные сообщения об экономическом состоянии Прикаспийского региона.

Важная информация по нашей теме содержится в сочинении московского купца Ф. Котова¹, который в 1623 г. с восемью своими товарищами по царскому указу ездили в Иран. Обратный путь Ф. Котова лежал от Низабада на север, через Дербент, Кайтаг, Тарки, Терек и далее до Астрахани.

Среди них следует отметить и немецкого ученого А. Олеария², побывавшего в 1636 г. в Москве, а затем и в Иране. Целью посольства А. Олеария было заключение договора с Россией и Ираном о торговле. Обратный путь А. Олеария пролегал вдоль западного берега Каспия через Шемаху, Дербент, Тарки, Терки.

Не менее важный интерес для нашего исследования представляют сведения голландского путешественника Я. Стрейса³, побывавшего в 1670 г. в Астрахани и в Дагестане, в частности Тарках, Дербенте и в Шемахе.

---

¹ Котов Федот. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

³ Стрейс Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М., 1935.

Следует остановиться и на материалах турецкого путешественника Э. Челеби¹, также побывавшего на Кавказе, в том числе и в Дагестане. Для нас интересны его сведения о городах Западного Прикаспия, о развитии торговли в регионе.

Интерес к изучению западно-каспийского региона со стороны России в начале XVIII в. возрастает. Российское правительство начинает субсидировать научные экспедиции в Прикаспий. Для изучения западного побережья Каспийского моря Петр I снарядил большую экспедицию под руководством посланника А.П. Волынского в Иран. Им было составлено описание пути своего следования, в том числе вдоль западного берега Каспия. Миссия полковника А.П. Волынского была изучена в советский период разными исследователями².

В составе посольства А.П. Волынского находился доктор медицины – Джон Белл, шотландец по происхождению, состоявший на российской службе с 1714 г. Он участвовал и в походе Петра I на западное побережье Каспийского моря. После того как вернулся на родину, он написал свое сочинение, увидевшее свет в 1776 г.,³ в котором содержатся важные сведения по теме нашего исследования.

В 1718 г. для разведки Прикаспийского региона А.П. Волынский отправил дворянина А.И. Лопухина, которому было дано задание, чтобы «он осмотрел и описал тамошний путь от Низовой пристани до Терека». А.И. Лопухин, проезжая через Кубу, Дербент, Тарки, оставил подробное описание своего пути. Его «Журнал путешествия...»⁴ является для нас важнейшим источником.

Более значимым источником начала XVIII в. является широко известное кавказоведам сочинение участника похода Петра I на побережье Каспия немца по происхождению И.-Г. Гербера «Описание стран и народов...»⁵, состоявшего на российской службе в 20-х гг. XVIII в.

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979.

² Лебедев В.И. Посольство А. Волынского в Персию // Известия АН СССР. № 6. М., 1948; Бушев П.П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715 – 1718 гг. М., 1978.

³ Бель Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. М. Попова. Ч. I – III. СПб., 1776.

⁴ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII – XIX вв.: Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. (Далее – ИГЭД). С. 6 – 59.

⁵ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60 – 120.

Ему было дано задание объехать побережье Каспия с целью обозрения пути следования предстоящего похода Петра I в Прикаспий. Здесь он оставался до 1728 г. Его наблюдения и выводы широко использованы в настоящей работе.

С целью обследования и описания западного побережья Каспия от устья реки Волга до Астрабада накануне похода российских войск в Прикаспий, была отправлена морская экспедиция во главе Ф.И. Соймоновым. В последующем им была составлена первая наиболее достоверная карта Каспийского моря и описание его, где содержится богатый материал и по истории торговли на нем¹.

Несомненный интерес для нас представляют известные работы И.И. Голиковой², И.Я. Лерха³, М.Чулкова⁴, в которых содержится богатый фактический материал о восточной экономической политике, торговле России на Каспии и т.д.

Российские военные, чиновники, исследователи стали регулярно посещать Северо-Восточный Кавказа, в том числе и Западный Прикаспий, в конце XVIII в., особенно в период так называемой «Персидской экспедиции» В. Зубова в 1796 г. с целью изучения культурно-исторического наследия и экономического состояния региона. В результате появился ряд работ о социально-экономическом развитии, политическом строе, взаимоотношениях народов региона с соседними народами и сопредельными странами, часть из которых вошла в сборник архивных материалов «История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв.» под редакцией М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева (М., 1958).

Важные сведения о торговых путях, предметах и центрах торговли, торговых связях Прикаспия с Россией, народами Закавказья и с Востоком в изучаемый период, а также об экономической политике России в регионе содержатся в трудах Ф.Ф. Симоновича⁵, А.Г. Сереброва¹, Д.И. Тихонова², П.Г. Буткова³, А.И. Ахвердова⁴, А.А. Кремского⁵.

---

¹ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763.

² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VI. М., 1789.

³ Лерх И.Я. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790 – 1791. Ч. 48 – 62.

⁴ Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1781 – 1788.

⁵ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

Ценной публикацией является «Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв.», составленный проф. В.Г. Гаджиевым⁶, в которую также включены выдержки из работ ряда вышеупомянутых иностранных и российских авторов, побывавших в Дагестане и других регионах Кавказа с разными целями.

Таков круг основных источников и литературы, на который опирается наше исследование. Следует отметить, что не все аспекты исследуемой проблемы нашли в них полного и объективного освещения. Тем не менее, комплексно используя и критически осмысливая всю совокупность источников и материалов, имеющейся литературы в какой-то мере удалось нам реконструировать относительно полную картину о роли Западного Прикаспия, его торгово-экономических центров в торговых контактах России с народами Северного Кавказа и со странами Ближнего Востока в XVII – XVIII вв.

instituteofhistory.ru

---

¹ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

² Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. I – III. СПб., 1809; Его же. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958.

⁵ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. М., 1958.

⁶ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв./Сост., введ., вступ. к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ В XVII – XVIII вв.

§ 1. Природно-географические условия

Западный Прикаспий выделяется как условная территориально-географическая единица всего побережья Каспийского моря. Границ, которого в изучаемое время простирались от низовьев реки Терека на севере до Апшеронского полуострова включительно на юге, с востока от побережья Каспийского моря до предгорного Дагестана на западе. На этой территории находились Тюменское княжество, Эндирейское, Аксаевское и Костековское владения, Тарковское шамхальство, нижние части Кайтагского уцмийства и Табасаранского кадийства, Дербентское владение, союзы сельских общин кюринцев, а также территории азербайджанских политических образований, расположенные вдоль побережья Каспий до Баку включительно.

Учитывая важную роль, которую играет географическая среда в историческом развитии общества, кратко остановимся на характеристике природно-географических условий изучаемого региона. «Географический фактор, – отмечал Н.А. Бутинов, – несомненно, оказывает свое влияние на формы хозяйственной деятельности, на жилище, одежду и даже на психологию людей»¹.

Территория Западного Прикаспия по рельефу делится на единую основную зону – низменную. Характеристика равнинной зоны данного региона приводится в работах различных путешественников, купцов, ученых-историков, географов и т.д.

Здесь, прежде всего, следует оговориться, что в целом природно-географические условия на протяжении нескольких столетий остались неизменными. В исследуемый нами период и в более позднее время и в наши дни были и остаются одни и те же реки, озера, почвы, растительный и животный мир и т.д. Поэтому при характеристике изучаемого периода будем опираться на имеющиеся работы по данной проблеме, составленные в более позднее время, в частности, XVIII – первой половине XIX в.

Описание северной части Западного Прикаспия, непосредственно территории между рр. Терек и Сулак содержит коллективный труд уче-

---

¹ Бутинов Н.А. Проблема «Природа и культура» в этнографической науке // Роль географического фактора в истории докапиталистических обществ. Л., 1984. С. 102.

ных-географов. В нем отмечается, что «Терско-Сулакская низменность охватывает поймы и дельты рек Терека и Сулака, слегка повышается к западу и юго-западу и плавно опускается к Каспийскому морю. Терско-Сулакская низменность представляет собой почти идеальную равнину с небольшими малозаметными для глаз поднятиями-наносами рек, преимущественно Сулака и Терека»¹.

Терско-Сулакское междуречье является составной частью Прикаспийской низменности, которая «тянется от реки Кумы до предгорий Дагестана, отличается крайним разнообразием и представляет собой почти совершенно плоскую равнину, значительная часть которой лежит ниже уровня океана, постепенно опускаясь к берегу Каспийского моря»².

Участник Персидского похода 1796 г. Ф.Ф. Симонович о Южном Дагестане писал, что он разделен «на две равные половины к полдню и к северу»³. По строению поверхности он выделил в Южном Дагестане пять полос, которые имели свои особенности, отличавшие друг от друга. Характеризуя равнинную зону, он отмечал следующее: «Пятая полоса отраслей занимает всю плоскость по Каспийскому морю... способна к произведению всех плодов и составляет тем богатства Южного Дагестана».⁴

Ф.Ф. Симонович описывал только горную зону и практически не говорил о низменной зоне. Как известно, Дагестан включает в себя и часть Прикаспийской низменности, тянущейся от реки Терек до реки Самур. Над южной частью Прикаспия с юго-запада поднимаются невысокие хребты, которые в двух местах очень близко примыкают к морю. У самого Дербента отроги гор образуют узкий проход, известный в истории под названием «Каспийских» или «Дербентских» ворот. Южнее Дербента низменность снова расширяется (25 км) и переходит в дельту Самура.⁵

Разнообразие рельефа Западного Прикаспия привело и к разнообразию климата. Климат большей части Приморской низменности и восточной Терско-Сулакской низменности определяется как климат сухих степей и полупустынь. Морское побережье низменности, особенно остров Чечень, Аграханский полуостров, а также значительная часть Ногайской

---

¹ Викторин А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулин И.Н., Эльдаров М.М. Дагестанская АССР. Физико-географический и экономико-географический обзор. Махачкала, 1958. С. 11-12.

² Там же. С. 10.

³ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 138.

⁴ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. С. 138-139.

⁵ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 25.

степи в связи с господством подвижных дюнных песков и барханов напоминает типичные пустыни.¹

Южная часть Западно-прикаспийского региона характеризуется умеренным климатом с большим увлажнением. Если на большей части Дагестана климат умеренно-теплый, то на юго-востоке климат приближается к субтропическому. Как отмечал В.А. Гиммельрейх, «климат дельты р. Самур переходит к сухим субтропикам, однако не субтропический, так как средняя температура самого холодного месяца здесь всего 1, 2, а морозы достигают 17⁰»². Но это самый теплый участок. На протяжении 3-х летних месяцев среднемесячная температура превышает 20⁰, сильных морозов не бывает. В Дербенте продолжительность безморозного периода наибольшая – 248 дней, а число дней с морозами составляет – 37. В горной и высокогорной зонах выпадает много снега и температура поднимается до 15-20⁰ мороза. В целом климат в Южном Дагестане значительно ровнее и мягче, чем в Западном или Северном Дагестане.

По территории Западного Прикаспия протекает множество рек и небольших речек. Самыми крупными и известными из них является Терек с рукавами, Сулак, Самур, берущие начало в горах Главного Кавказского хребта от ледников, заключающие с севера и с юга Кумыкскую низменность реки. Терек и Сулак принадлежат к крупнейшим речным системам Северного Кавказа. Поверхность Терско-Сулакской низменности расчленена сравнительно глубокими речными долинами рек Аксяя, Ярыксу и Акташа.

Протяженность реки Самур – 213 км. Ширина русла реки Самур от 30 до 60 м в верховьях и от 200 до 300 м в низовье. Река Самур, отмечал путешественник XVII в. А. Олеарий, «течет с горы Эльбрус и, разделившись на пять рукавов, течет весьма широко по мелкому каменистому руслу; она так неглубока, что не покрывала лошадям даже бедер»³. У сел. Лучек Рутульского района в р. Самур сливается Кара-Самур, у сел. Ахты – Ахты-чай, а через 17 км – Усук-чай. При выходе на Прикаспийскую низменность р. Самур распадается на ряд рукавов, один из которых ныне служит границей с Азербайджанской Республикой.

Среди других рек Южного Дагестана следует отметить Рубас, Ахтычай, Усукчай, Гюльгерычай, Курахчай и Чирахчай.

---

¹ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – XIX вв. Книга I. Махачкала, 1999. С. 108.

² Гиммельрейх В.А. География Дагестанской АССР. Учебное пособие для 8 класса дагестанской школы. Махачкала, 1963. С. 26.

³ Дагестан в известиях в русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 107.

Разнообразием характеризуется почвенный покров Западного Прикаспия, что было обусловлено высотой местности, сильной расчлененностью рельефа, различными новообразующимися породами, климатическими условиями, характером растительности и, конечно, деятельностью человека.¹ На низменностях сесеврной зоны «широко распространены различные виды лугово-степных и луговых почв, образовавшихся на аллювиальных отложениях, а также лугово-болотные и пойманные почвы»². которые хорошо дают урожай при тщательной их обработке. Характерными для южной зоны были горно-луговые, горно-луговые черноземноводные, каштановые, бурые горно-лесные, горные черноземные, коричневые почвы сухих лесов и кустарников и аллювиальные солончаковые почвы.

Большим разнообразием отличался и растительный мир Западного Прикаспия. Особенностью южной части Прикаспийской низменности в дельте Самура является наличие лиановых лесов. В понижениях и по берегам рукавов Самура произрастает тополевый лес, где встречаются ольха серая и черная, ива белая и ломкая, лиана. Участки лианового леса встречаются и на территории Дербентского владения, Табасарана, кюринских союзов сельских общин.

Животный мир региона тесно связанный с растительностью, также очень разнообразен. Низовья Самура богаты разнообразием видов водоплавающих птиц, где много диких уток и гусей, цапель, есть и кулики, и разнообразные виды чаек, кавказский фазан и тетерев, рябчик и многие другие птицы. В лиановых лесах дельты Самура значительную часть животных составляют косули (дикие козы) и олени, камышовый кот. На Самурском хребте и на гребне Главного Кавказского хребта обитают туры.

Акватория Западного Прикаспия богата разнообразием рыбы, здесь водятся: сельдь, вобла, красная рыба (осетровые) и многообразная частиковые виды.

Таким образом, природно-географические условия Западного Прикаспия являлись наиболее благоприятными для деятельности человека здесь, они и наложили определенный отпечаток и на историю, и на различные виды хозяйства, и на взаимоотношения местных этносов, как между собой, так и соседними народами и сопредельных стран.

---

¹ Гюль К.К., Власова С.В., Кисин И.М., Тертеров А.А. Природа Дагестана: Очерки. Махачкала, 1959. С. 239.

² Викторин А.Ф., Гиммельрейх В.А., Львов П.Л., Микулин И.Н., Эльдаров М.М. Указ. соч. С. 71.

§ 2. Экономическое развитие

Хозяйство народов, населявших Прикаспийскую низменность в XVII–XVIII вв., развивалось на основе веками установившегося естественного разделения труда. Экономические процессы, развивавшиеся в регионе, были обусловлены как общим развитием производительных сил в изучаемом регионе, так и изменением внешнеполитической обстановки на Кавказе.

В то время в хозяйственной деятельности дагестанских народов оформились отраслевая специализация и основные линии производства по отдельным зонам и даже аулам. «XVI – XVII вв., – отмечал М.-З.О. Османов, – тот период, когда основные тенденции разделения труда между отдельными зонами полностью определяются, и в последующее время эти тенденции проявляются в дальнейшем углублении и расширении этого процесса, т.е. более четком становлении зон и складывания многих микрозон».¹

Как и в предыдущее время, в XVII–XVIII вв. основными занятиями жителей Западного Прикаспия были земледелие и животноводство. Больше всего жители плоскостной части занимались преимущественно земледелием. Особенно это было характерно для северной зоны, а также Дербентского владения, Табасарана и Кюре. Сеяли здесь в основном пшеницу, ячмень, просо. Так, Ф. Котов отмечал, что в районе Дербента и к югу от него «из хлебных злаков произрастают пшеница, просо, арпа, а по-русски – ячмень; другого хлеба нет».²

О том, что в Западном Прикаспии в исследуемый период хорошо было развито земледелие, отмечал и Адам Олеарий. Характеризуя область Мюшкюр, что расположена к югу от Дербента, он отмечал, что она «...повсюду весьма приятна на вид, так как деревья и трава еще зелены; почва здесь тучна и плодородна, и вся область богата рисом, пшеницей, ячменем, а также хорошими плодами. Она заросла отдельными деревьями и немногими рощами, в которых птицы весело распевали еще в декабре месяце».³

Развито было земледелие и в Табасаране, в особенности в равнинной его части. Как отмечал И.-Г. Гербер, «...половина Табасарани, к

---

¹ Османов М.-З.О. Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана // УЗ ИИ-ЯЛ ДФ АН СССР. Серия общественных наук. Т. 20. Махачкала, 1970. С. 295–296.

² Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. С. 64.

³ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. С. 93–94.

Дербенту лежащие, имеет хорошие поля и хлебородную землю, а другие, к горам живущие не имеют пашен или хлеба».¹

Вслед за И.-Г. Гербером Ф.Ф. Симонович о табасаранцах писал, что «...главный их промысел есть хлебопашество, состоящее в сорочинском пшене (рис), пшенице и ячмене. Они напоением (поливом) полей посредством проведенных из речек и ручьев канав весьма в хлебопашестве успевают. Разведены также у них и плодовые деревья разных родов. Полуденной Табасаран, хотя отложе севернаго, но по жаркому воздуху не имеет сих произведений, так как и лесов в довольном количестве, и есть большею частию каменистой и бесплодной. Напротив того, северная онаго половина изобилует всеми родами произведений и есть по умеренному воздуху и свойству грунта земли самая приятнейшая и для жительства полезнейшая сторона»².

К традиционным земледельческим культурам в исследуемый период добавились новые. Как отмечают исследователи, к XVII в. относится проникновение кукурузы в Южный Дагестан из Грузии.³

Дальнейшее развитие получило в Западном Прикаспии садоводство и огородничество. Выращивали: айву, гранаты, яблоки, сливы и др. фрукты. «В версте от пристани Низовой, – отмечал Ф. Котов, – есть большая деревня – Дербентский присуд... А в деревне – сады, в которых растут яблоки, виноград, грецкие орехи, чернослив, миндаль, дыни, арбузы»⁴. Высоко отзывался о садах Табасарана Эвлия Челеби, который писал, что «Табасаран занимал территорию в горах, между садами и цветниками»⁵. Особенно отличался Южный Табасаран изобилием ореховых деревьев, фруктовыми садами.⁶

В южной зоне Западного Прикаспия в исследуемый период также выращивали шафран, на высоком уровне стояло производство шелка, а производство и продажа марены составляла одну из главнейших статей

---

¹ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского мор. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 104.

² Симонович Ф.Ф. Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. С. 199.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала, 1964. С. 87-88.

⁴ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. С. 64.

⁵ Челеби Э. Книга путешествия. Вып. 2. М., 1979. С. 118.

⁶ Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала, 1967. С. 109.

дохода. Марена была широко известна не только на Кавказе, но и за его пределами.¹

Особенно сильно было развито виноградарство. А. Олеарий отмечал, что везде в низменной части Дагестана он видел виноградники. «Виноградные лозы, – отмечал он, – подымались тут и там у заборов, выросши дикими, не будучи посажены. Некоторые, представляя прекрасный вид, поднимались по высоким деревьям на 8 или 10 сажень в высоту, обвивались вокруг ветвей и свисали вниз на 2-3 сажени».² Выращиванием винограда для получения вина занимались армяне, которые переселились в XVII в. из Армении в Дербент и Мюшкюр.³

Другим важнейшим видом хозяйственной деятельности жителей Западного Прикаспия в XVII – XVIII вв. являлось животноводство. Оно параллельно с земледелием служило основным занятием жителей. Значимость занятия скотоводством определялось его ролью в жизни горцев. Скотоводство обеспечивало горцев мясом, маслом, молочными продуктами, кожей, из которого изготовляли одежду, обувь, головные уборы, шерсть для изготовления различных тканей, войлока, бурок, ковров, сум, переметных сум, носков, шерстяной обуви, веревок и т.д. Крупный рогатый скот в основном использовался как тягловая сила. По этому поводу Ф. Котов отмечал: «...много всякого скота. Почти все делают на волах – и молотят, и землю пашут, и всякую поклажу возят», а в горах «ездыт с вьюками на лошадях, верблюдах, быках и ослах...»⁴. С ним солидарен был А. Олеарий, отмечавший, что «...у крестьян здесь (Южный Дагестан – Авт.) имеется также очень много буйволов, на которых они перетаскивают бревна и большие тяжести».⁵

В низменной и предгорной частях Западного Прикаспия больше разводился крупный рогатый скот. Животноводство давало горцу мясомолочные продукты, служащие ему вместе с хлебом – основными видами пищи. «Молоко коров этой породы (буйволов – Авт.), – отмечал А. Олеарий, – так жирно, что дает сливки в 2 пальца толщиной и весьма вкусное масло. Сыр они, однако, никогда не готовят из коровьего, но лишь из овечьего молока».⁶ Заготавливали мясомолочные про-

---

¹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 88.

² Дагестан в известиях русских ... С. 94.

³ Пашаев К.И. Историческая география Южного Дагестана (XV-XVII вв.): Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2000. С. 158.

⁴ Дагестан в известиях русских ... С. 64.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ Дагестан в известиях русских ... С. 94.

дукты как непосредственно в селах, так и в основном на летних пастбищах, куда перегоняли скот в летние месяцы. «Скотовладельцы, - пишет С.С. Агаширинова, - с семьями отправлялись на эйлаги на все лето. Там пасли скот, заготавливали впрок сыр, масло, творог и т.д. Жили в сезонных жилищах - «цуна», а скот держали под открытым небом»¹.

Крупный рогатый скот содержали дома. Весной пасли на присельских пастбищах, меняя места пастбы по решению джамаата. Осенью с эйлагов скот перегоняли в села. «Скот, - отмечал А. Олеарий, - как зимою, так и летом ходит на пастбища; поэтому у жителей и нет привычки заготавливать много сена для своего скота. Если они изготавливают, то доля путешествующих»².

Для скотоводческого хозяйства, в частности для овцеводства, наличие одних летних пастбищ было недостаточно. Требовались еще зимние пастбища. К тому же общий недостаток сенокосов не позволял заготавливать сено для четырех-пяти месячного стойлового содержания крупного и мелкого рогатого скота. Выход из создавшегося положения горцы нашли в системе отгонного животноводства. Скот перегонялся на арендованные в различной части Дагестана и Северного Азербайджана зимние пастбища.³ При этом горцы не перегоняли на плоскость весь свой скот. Крупный рогатый скот оставался на зиму в аулах, где он находился на стойловом содержании. Если погода позволяла, скот выгонялся на особые пастбищные участки, оставленные с лета и осени. Из такой зимовки скот выходил до крайности истощенным. Как отмечал И.-Г. Гербер, «лезгины зимним временем скотину и баранов своих на корч приготавлиют, и во для великих снегов в горах спасти не могут»⁴.

У жителей Прикаспийской низменности были и подсобные отрасли хозяйства как пчеловодство, рыболовство и охота. Интересные сведения о рыбном промысле оставил А. Олеарий. По его сведениям в Каспийском море обитает много больших белуг. А. Олеарий приводил сведения и о других промысловых рыбах Каспия как-то: прекрасные большие лососи, осетры, карпы, сельди. Особой популярностью у населения пользовалась супахт (особый вид форели). Эту рыбу обильно солили и коптили. А. Олеарий дал высокую оценку вкусовым качествам этой рыбы. Уже в XVII в. рыбный промысел получил настолько

¹ Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX - начало XX в. М., 1978. С. 35.

² Дагестан в известиях русских ... С. 94.

³ Ихтилов М.М. Указ. соч. С. 123.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 81.

широкое распространение, что реки, куда на нерест поднимались осетровые рыбы, сдавались в аренду и это приносило большой доход правителям Прикаспийских стран.¹

В реках Западного Прикаспия – Терек, Сулак, Самур, Рубас, Гюльгерычай, Дарвагчай ловили сазанов, усачей. Особой популярностью у жителей Дербента пользовались кутум и шамая. В устье и притоках Самура отлавливались осетровые рыбы. Широкое распространение получил промысел тюленя. Корнелий де Брейн – голландский художник и путешественник, дважды совершивший путешествие в Персию, Индию и Цейлон через территорию Западного Прикаспия, называл этих животных морскими собаками и отмечал наличие среди них достаточно внушительных экземпляров. Кроме того, от этого автора мы узнаем о том, что жесткая шерсть этих животных использовалась для обивки сундуков.²

Важным подспорьем в хозяйственной жизни жителей Западного Прикаспия была охота, которой занимались повсеместно. На равнине, по устьям рек и озерам шла охота на водоплавающих птиц. Для определенной части населения этот вид охоты имел большое значение. Для ловли уток устраивали специальные искусственные озера, устанавливали в камышах сетевые ловушки. Большой популярностью пользовалась охота на разнообразную лесную дичь, которых «здесь было много... как-то: фазанов, кур»³. В лесах обитали волки, шакалы, лисицы, зайцы, «охота на которых, – отмечал А. Олеарий, – доставляла нам большое удовольствие»⁴. Охота на крупных животных в основном носила коллективный характер.

Наряду с земледелием, скотоводством и охотой часть населения Западного Прикаспия занималась кустарными промыслами и ремеслами, в развитии которых в исследуемый период наблюдалось определенное оживление. «К XVI – XVIII вв., – пишет М.-З.О. Османов, – становится более ощутимым и процесс превращения некоторых селений с развитым промыслом в центры ремесла и торговли, т.е. дальнейшей ремесленной специализации аулов»⁵.

Большое развитие ремесленное производство получило в исследуемое время в Дербентском владении. Здесь было развито ковроткачество, чему способствовала находящаяся недалеко хорошая сырьевая

---

¹ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 494-495.

² Дагестан в известиях русских... С. 152.

³ Там же. С. 94.

⁴ Там же.

⁵ Османов М.-З.О. Указ. соч. С. 299.

база (шерсть закупалась у соседних горцев Южного Дагестана, а естественные красители были свои), обработка кожи, металлообработка, гончарное производство, изготовление оружия, ювелирное и лудильное дело, деревообработка, производство бумаги и т.д. Дербент был центром ремесла всего Восточного Кавказа.

В XVII вв. Дербент становится известным центром производства шелка, шелковых тканей и атласа. Изменение специализации ткацкого производства привело к тому, что производство льняных тканей полностью исчезает, а шелкоткацкое производство достигает значительных объемов, о чем свидетельствует наличие в городе 30 шелкоткацких фабрик. По мнению А.А. Кудрявцева, самый серьезный ущерб производству льняных тканей нанесло монголо-татарское нашествие и разорение города в 1239 г.¹ С этого периода резко сокращаются посевы шафрана и это можно связать с сокращением выпуска в городе определенных видов тканей.

Из всех видов домашней промышленности у жителей Западного Прикаспия наиболее широкое развитие получило ковроделие. Ковры и сумахи производились повсеместно.

Как отмечает Г.Н. Казиллов, «многие селения лезгин, табасаран, агулов, рутульцев и др., расположенные в Южном Дагестане, специализировались на изготовлении ковров и сумахов»².

В изучаемый период жителям Западного Прикаспия была неизвестна и добыча полезных ископаемых. Недра Западного Прикаспия богаты были полезными ископаемыми. Некоторые из них издавна добывались населением. На приморской низменности имелись многочисленные соляные озера и «соляные родники» – неглубокие источники соленой воды. Способ добычи соли был довольно примитивным.

На землях Дербентского владения, в области Бермак находилось наиболее крупное месторождение нефти. Естественные выходы нефти были известны и в непосредственной близости Дербента. Эта нефть заполняла открытые ямы. Ее извлекали специальными ковшами и переливали в глиняные кувшины и бурдюки. Добываемая в окрестностях Дербента нефть в основном использовалась для местных нужд жителями Дербента и окрестных селений. Более всего нефть использовалась для освещения помещений, а также для лечения некоторых кожных заболеваний, ею обмазывали деревянные части домов и другой хозяйственный инвентарь.

---

¹ Кудрявцев А.А. Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982. С. 169.

² Казиллов Г.Н. Ворсовые ковры Дагестана. Махачкала, 1989. С. 12.

§ 3. Социальные отношения

В XVII – XVIII вв. в Западном Прикаспии, как и во всем Кавказе в целом, происходило дальнейшее развитие феодальных производственных отношений. Этот процесс сопровождался социальной градацией населения, формированием основных классов феодального общества: господствующего класса феодалов и феодально-зависимого крестьянства. Каждый из этих двух антагонистических классов состоял из целого ряда сословий. Отношение к средствам производства, в частности к земельной собственности, у всех социальных групп было различным. Общественно-правовое положение каждого из сословий определялось размером принадлежавшей им пахотной земли или количеством принадлежавшего им скота, а также численностью подвластного им податного населения.

Следует отметить, что в феодальных владениях социальные отношения были более ярко выражены, чем в союзах сельских обществ. В них сложилась феодальная иерархия. Правившие в Западном Прикаспии тарковские шамхалы, кайтагские уцмии, дербентские ханы, табасаранские кадии и др. пользовались иммунитетными правами, всей полнотой власти в своих владениях. Их власть обычно переходила старшему в роду и по прямому наследованию.¹

Феодальные владельцы являлись собственниками крупных земельных угодий – пахотных земель, пастбищ, покосов, гор и лесов.²

За феодальными владельцами шел многочисленный класс беков, к которому относились все сыновья феодальных правителей от равных браков, но в силу их многочисленности, не имевшие возможности стать престолонаследниками. Титул бека считался наследственным.

Беки считались подвластными своим феодальным правителям, хотя в своих уделах они были полноправными хозяевами. По призыву феодальных правителей беки обязаны были появляться на службу к ним со своими отрядами из вооруженных лиц, так называемых нукеров. Наиболее крупные из них, владевшие большими земельными угодьями, экономически могущественные являлись сторонниками феодальной децентрализации. Располагая значительными воинскими силами и используя затруднительное положение своих верховных прави-

---

¹ Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 47.

² История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 239.

телей, они пытались проводить самостоятельную внешнюю политику, становились в оппозицию к центральной власти.¹

Доходы беков, как и верховных правителей, в основном состояли из податей и штрафов с подвластного населения. Адааты, бесспорно, подтверждают это. Так, за убийство и увоз женщин беки получали 40 руб., за поранение – 5 руб., за воровство – от 5 до 10 руб. Кроме того, беки «собирали с райят доход произведениями земли и заставляли отбывать повинности личною работою для покрытия потребностей и нужд своего привилегированного положения»². Беки «управляли райятами, водили на войну, чинили суд и расправу между ними по адату, а иногда по своему убеждению»³.

Беки, как и все представители феодального класса, стремились расширить свои владения за счет захвата пустующих общинных земель, особенно пастбищ, или изъятия их под разными предлогами у сельских обществ и превращения их по существу в свою собственность.

Следующую феодальную группу составляли чанка-беки, или дети беков от неравных браков, не имевшие прямых наследственных прав и владевшие лишь теми земельными угодьями, которыми их наделяли еще при жизни их отцы (беки). Чанка-беки считались приближенными тех владельческих родов, от которых они происходили. Только в случае прекращения прямой мужской линии владельческого рода чанка-беки могли превратиться в настоящих собственников, обладавших всеми правами беков.⁴

Многочисленную группу привилегированного сословия составляло высшее мусульманское духовенство в лице кадия, шейхов, сеидов. О роли духовенства хорошо сказано в официальном документе, согласно которому оно «составляло важнейший класс общества», ограничивало некоторым образом саму ханскую власть, потому что ханы имели постоянно право жизни и смерти, смены и назначения каждого отдельного лица этого сословия, но они не могли коснуться прав и преимуществ всего сословия вообще, потому что это считалось бы посягательством на священное постановление пророка.⁵

Духовные лица выбирались из лиц, знающих шариат. Духовенство являлось неоднородным. Некоторые духовные лица являлись орудием

---

¹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 35.

² История Дагестана. Т. 1. С. 239.

³ Там же.

⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 35.

⁵ РГВИА. Ф. ВУА. Кол. 482. Д. 101. Л. 13.

в руках феодальных правителей. Своей религиозной проповедью они оправдывали угнетение трудового населения. И сами духовные лица нередко эксплуатировали трудовое население, получая различные вознаграждения за исполнение религиозных обрядов. Духовные лица за исполнение религиозных обрядов получали часть урожая. Кроме того, они занимались обучением детей за плату. Духовенство производило и суд по шариаду в противовес суду, производимому сельскими старшинами, беками и другими лицами. О привилегированном положении духовенства говорит и тот факт, что оно не отбывало повинностей в пользу ханов, беков.

Духовные лица принимали самое активное участие и в политической жизни, в феодальных интригах. Так, например, кадий Табасарана добился власти над частью этого владения.¹

Основную массу населения Западного Прикаспия составляло крестьянство. Основную массу которых состояли свободные крестьяне, называемые узденями (узден – свободный). Все они находились в различной степени зависимости от феодалов, шамхалов, ханов, кадиев, беков и т.д. Часть крестьян попала в личную или поземельную собственность. Уздени имели много обязанностей перед владельцами. Они обязаны были платить феодалам подати, отбывать повинности за пользование бекскими пастбищами и другими землями, участвовать в военных мероприятиях ханов и беков, строить крепости и другие оборонительные сооружения, выставить трудовую силу для перевозки грузов владельцев, делать подношения шамхалам, ханам, кадиям, бекам в дни их семейных торжеств или похорон, выплачивать мечети закят в дни мусульманских праздников и т.д.

Однако в целом уздени, хотя и различались между собой по имущественному положению, считались свободными, имели право перехода от одного феодала к другому. Многие из узденей сохраняли полную личную и хозяйственную свободу.

Значительную группу зависимого населения изучаемого региона составляли райяты, которые фактически были прикреплены к земле и не могли переходить из одного селения в другое без разрешения беков и других феодальных правителей. В случае перехода от одного феодала к другому без его согласия, райяты обязаны были оставить в пользу

¹ Памятники обычного права народов Дагестана XVII-XIX вв.: Арх. материалы / Сост., примеч. Х.-М. Хашаева. Махачкала, 1965. С. 50.

² История Дагестана. Т. 1. С. 240.

прежнего хозяина (феодала) все свое недвижимое имущество.¹ «Если кто-либо уходил тайно, то брал с собой только то, что успевал»². Эти и другие подобные факты позволяют утверждать, что, хотя формально юридического акта прикрепления райят «к земле и не было, однако беки старались прикрепить райят «к земле и обставить выселение их такими тяжкими условиями, что свободное выселение становилось невозможным, и одно бегство избавляло райята от притеснений беков»³. При всем этом беки не имели права продавать райят.

Однако и райяты официально не могли приобретать в личную собственность землю, отбывали массу повинностей, платили феодалам подати, выполняли для беков все полевые работы. «Во всем Дагестане, – отмечает Р.М. Магомедов, – в самом тяжелом положении находились райяты Кайтага и Табасарана. Здесь получила широкое развитие отработочная система эксплуатации крестьян»⁴. «Зависимость райята от бека кроме поземельной, приняла характер и личной, с некоторым оттенком крепостной зависимости»⁵. Ряды райят пополнялись за счет закабалившихся общинников – узденей и рабов, которых феодальные владельцы сажали на землю и превращали в крепостных крестьян.

В XVII–XVIII вв. довольно широко было представлено и сословие рабов, к которым практически относились «дворовые люди, невольники, по народным обычаям находящиеся в полном и ничем не ограниченном распоряжении своих владельцев»⁶. Рабы составляли, главным образом, прислугу при дворах феодалов и выполняли домашние и полевые работы. Раб являлся собственностью владельца, его можно было продавать, покупать, менять, дарить, убивать. Он не мог быть допущен к разбирательству дел в качестве свидетеля, к участию в сходе джамаата. Рабами владели джамааты, влиятельные тухумы которых держали их в качестве пастухов, караульщиков.

Феодальные владельцы обращали в рабство не только иноверцев, но и единоверцев, хотя, согласно предписанию ислама, единоведец-мусульманин не мог быть обращен в рабство. В рабов превращали также райят, убежавших от феодалов. Их ряды пополнялись за счет во-

---

¹ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 2. Д. 21. Л. 2.

² Там же. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала, 1957. С. 214.

⁵ ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁶ Там же. Ф. 126. Оп. 2. Д. 72. Л. 1.

еннопленных, захваченных во время набегов или купленных на невольничьих рынках Астрахани, Тарки, Эндирея, Дербента, Шемахи.

В общем, такова была социальная иерархия в феодальных владениях. Социальные отношения в союзах сельских общин заметно отличались от нее. Там не было феодального класса в лице шамхалов, ханов, султанов, кадиев, ханов и податного населения. Однако в союзах сельских обществ уже давно сложилось экономическое и правовое неравенство. Система же их управления, хотя и считалась избираемой из общих сходов лиц, давно стала функционировать в интересах феодализирующихся общинных верхов, богатых и сильных тухумов, задававших тон на сходах и добивавшихся принятия угодных им решений.¹

Высшая прослойка узденства в союзах сельских обществ могла эксплуатировать обедневших сельчан, прикрываясь при этом своими родственными связями. Эта прослойка постепенно стала правящей элитой в союзах. Кроме узденей, в союзах сельских обществ имелись рабы, ряды которых пополнялись в основном за счет военнопленных. Их нередко освобождали за выкуп и сажали на землю. Но полного равенства с остальными общинниками они не получали.²

Для более полного раскрытия уровня социальных отношений в Западном Прикаспии в XVII–XVIII вв. важное значение имеет выяснение форм земельной собственности.

В это время в Западном Прикаспии были следующие виды земельной собственности: земли феодальных правителей, частновладельческие земли (мульки), общественные земли и вакуфные земли.³ В собственности феодалов в феодальных владениях находились основные земельные угодья (пахотные земли, леса, пастбища, сенокосы, горы). Их они сдавали в аренду на разных условиях и жили за счет доходов с них. Эта была крупная феодальная собственность правителей и наследственных беков. Существовала и условная феодальная собственность служилых беков, хотя ее доля, по сравнению с собственностью крупных феодалов, была не очень велика.

Частновладельческие земли находились в собственности крестьян-узденей. Этой собственностью уздени с учетом принятых в их обществах ограничений и условностей могли свободно распоряжаться. Очень часто малоземелье заставляло крестьян арендовать земли у феодалов на тяжелых условиях, попадая в зависимость к ним. В сельских

---

¹ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 104.

обществах в частновладельческой собственности могли находиться пахотные и сенокосные угодья. Расчистка горного участка для пахоты требовала титанического труда, и каждый завоеванный таким образом клочок земли становился собственностью (мульком) отдельного лица, отдельной семьи, «сельской общины или двора»¹.

В Дагестане уздени использовали также наделы, полученные при периодических переделах общественных земель. Однако, как отмечают авторы «Очерков истории Южного Дагестана», «в отличие от целого ряда районов с господством земледельческой соседской общины, где периодический передел пахотной земли принял форму упрочившейся традиции, лезгины, рутулы, цахуры, агулы и табасаранцы не знали этой системы, и это находило свое объяснение, прежде всего, в физико-географических условиях страны»².

В общем владении джамаата находились леса и пастбища.³ «У горцев Дагестана, так и у лезгин Закатальского округа, совместное владение пастбищами и лесами встречается бок о бок с подворной собственностью в применении к пахоте и лугам. Никто не вправе делать заимки к общинной пустоши и лесу, не получив на то предварительного согласия всей общины».⁴

Имела место в Западном Прикаспии и вакуфная (мечетская) форма земельной собственности. Она образовалась за счет пожертвований и завещаний отдельными лицами части своих земельных угодий в пользу мечетей.⁵ Доход с вакуфных земель шел на поддержку религиозных учреждений, на содержание духовных лиц, учащихся медресе, а также на раздачу бедноте, сиротам, инвалидам, нуждавшимся в поддержке общины больным.

В целом социальная структура общества в Западном Прикаспии в XVII – XVIII вв. состояла из двух антагонистических классов: феодалов и феодального зависимого населения. Положение первых было очень привилегированным, они обладали всей полнотой власти и являлись собственниками крупных земельных угодий. Зависимое крестьянство платило феодалам подати, отбывало повинности за пользование их землями. Большая часть населения находилась не только в экономической зависимости от феодалов, но и в личной.

---

¹ Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. С. 60.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 104.

³ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. С. 144-145.

⁴ Ковалевский М.М. Указ. соч. С.62.

⁵ История Дагестана. Т. 1. С. 194.

§ 4. Политическое положение

Прежде всего, здесь следует отметить, что понятие «Западный Прикаспий» географическое, а не административно-территориальная единица. В XVII–XVIII вв. Западный Прикаспий не представлял собой единого территориального целого, а был разделен на ряд феодальных владений и союзов сельских общин. Следовательно, не было и единого политического центра управления Западным Прикаспием.

Теперь постараемся дать краткую *административно-политическую характеристику управления каждой из этих политических структур Западного Прикаспия.*

Владения Засулакской Кумыкии.

Эндирейское владение уже в первой четверти XVII в. стало самостоятельным от тарковских и казикумухских владетелей. Его основателем считается один из сыновей шамхала Чупана по имени Султан-Махмуд, которому пришлось в борьбе с братьями отстаивать свое право на удел. Поводом к созданию Эндирейского владения послужил отказ сыновей Чубан-шамхала Ильдара, Магомеда, Андия и Гирея признать право на получения «удела брату своему Султан-Муту, рожденному от дочери Узун-черкеса (черкесского узденя), почитая его джанкой (чанкой – авт.)»¹. Тогда Султан-Мут отправился «просить помощи к черкесам. Собрав там войско, он возвратился в Дагестан и принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулак и Терек, нижнюю часть Мичикича и Салатавского округа, до горы Керхи, что на границе Гумбета»² и начал проводить независимую от центра политику.

Тем не менее, Эндирейское владение продолжало оставаться удельным в составе шамхальства до середины XVII в., верховные правители которого – шамхалы – возглавляли законодательные и совещательные органы власти, чинили суд и расправу, руководили внешней политикой, были главнокомандующими военными силами. Во время военных действий ополчение набиралось «со всех частей шамхальства, а иногда даже в других владениях». Постоянно действующей армии у шамхала не было. Однако наличие в распоряжении шамхала 15 тыс. всадников³, позволяло ему проводить самостоятельную внешнюю политику.

---

¹ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 108 – 109.

² Там же. С. 109.

³ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. С. 85.

Как отмечает И.-Г. Гербер, в 1728 г. уезд Андрей или Ендрей состоял из одной большой деревни, которая находится между горами и густым лесом и «к одной деревне» принадлежал «уезд токмо невеликой, в котором также татары построились»¹.

В 30-х годах XVIII в. в Эндирее проживали следующие владельцы: 1. Мусал Чепанов, который имел над всеми андреевскими владельцами первенство; 2. Адемир Хамзин; 3. Адильгирей Чепан Чемхалов, у которых во владении были свои деревни: а) Алберю, б) Караблак, в) Тумен», а жена бывшего эндириевского владельца Казаналпа - княгиня Бахтын-бика владела деревнями «Кубар, Асанбек, Цубуд»².

От Эндирейского владения к концу XVII в. отделились аксаевские и костековские владельцы, которые также считались потомками основателя Эндирейского владения Султан-Махмуда. Таким образом, в Засулакской Кумыкии сложились три самостоятельных феодальных владения.³

Аксаевское владение образовалось на территории Терско-Сулакского междуречья в конце XVII – XVIII вв. Оно охватывало отпочковавшиеся от Эндирейского владения земли по нижнему течению реки Терек, а также рек Аксай и Ямансу до Каспийского моря.⁴ По данным И.-Г. Гербера, «уезд» Аксай располагался «около реки Аксай» и состоял в нескольких деревнях, которые подле реки Аксаю построены»⁵.

По сведениям от 1732 г., в деревне Аксай правили четыре владельца – Албек Салтамамутов и его братья Магамет Усмей, Клан Гирей, Араслан бек, Элдар хан. В их подчинении находились «деревни: 1. Сикку, 2. Нуям берды, 3. Апогур, 4. Кошкилды, 5. Али аул, 6. Наурус, да в них же тавлинская деревня Буртана, расстоянием от крепости до Аксаю с 56 верст, ... проезд свободной лошадьми верховыми и телегами»⁶. И. Гильденштедт в 70-х годах XVIII в. указывал на то, аксаевскому владельцу принадлежало и восемь «нагайских кочевых татар»⁷.

Костековское владение также образовалось на подвластной в прошлом эндириевским владельцам территории. Основателем этого

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 69.

² Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. С. 122.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 49; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана. Кн. I. С. 180.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 214.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 62.

⁶ Еропкин Д.Ф. Указ. соч. С. 123.

⁷ Гильденштедт И.А. Указ. соч. С. 108.

владения был некий Алим, которому удалось подчинить своей власти несколько кумыкских селений по реке Сулак, а также несколько ногайских тухумов, кочевавших вблизи реки Сулак¹. Хотя аксаевские и костековские владетели и считались независимыми, «но на деле во всех своих действиях находились в зависимости от эндирейских владетелей»².

По сведениям С. Броневского, «Костеки или деревня Костюковская на Койсе заключает в себе не более 300 дворов и еще столько же в приписных к ней деревнях», что этим селом «владеют семь братьев рода Алишевых «(Муртазали, Устерхань, Адиль, Актоль, Бамат-мурза, Омиахан и Хасай», что «Костюковская деревня с принадлежностями поставить может не более 600 вооруженных людей»³.

Тарковское шамхальство образовалось в 40-х годах XVII в., когда шамхалы окончательно обосновались в Тарках, ставших их единственной резиденцией. Это случилось после того, как казикумухцы отказались пустить в Казикумух приехавшего туда на летний период шамхала Сурхая с его многочисленной свитой, объявили себя независимыми от него.⁴

И.-Г. Гербер указывал на обширные границы Тарковского шамхальства: «Расстоянием к норду от ртеки Сулака, к осту до моря, к зюйду до гор Бойнак, хайдаков и карахайдаков, к весту протянется до акушинцов и таулинцов. Уезд великой, состоит при городе и столицы шамхальской Тарху во многих добрых и великих деревнях, которые часть на нижней земле недалеко от моря, часть на горах и между горами лежат»⁵.

Шамхалы тарковские «изстари великую власть и чрезмеру великую волю и привилегии имели, ибо не токмо все уезды в Дагистане под их властью стояли, но оные еще некоторую часть тавлинцев под свою власть брали и самовольно яко подданными владели, а другие около их живущие народы их высоко почитали и их силы боялись»⁶.

Как видно из данного сообщения, политическое положение шамхалов в XVII – XVIII вв. было довольно прочным. С ними считались при московском дворе и «при дворе шаховом шамхалы были всегда в

---

¹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. С. 49.

² Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. Указ. соч. Кн. I. С. 185.

³ Броневский С. Указ. соч. Ч. II. С. 201.

⁴ Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. Указ. соч. Кн. I. С. 207.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 71.

⁶ Там же.

великом почтении», получали от шаха ежегодно по 4000 туменов, чтобы содержать необходимое количество войск.

Шамхалы читались валиями всего Дагестана и были наиболее богатыми владетелям Дагестана. Говоря о доходах шамхала, П.Г. Бутков писал, «...он имел в общей сложности до 100 тыс. душ подвластных и получал до 30 тыс. руб. серебром дохода в год.¹ По другим сведениям, шамхал получал «всего доходу до 80000 руб.»² Он получал доходы и с 12 сел Улусского магала Дербентского ханства, переданного ген. Гудовичем Мехти-шамхалу тарковскому в 1806 г.

Одним из наиболее значительных по территории и влиянию феодальных владений в Дагестане в исследуемый период было **Кайтагское уцмийство**. На севере уцмийство граничило с владением шамхала, на юге – с Дербентским ханством и Табасараном, на западе – с Акуша-Дарго и Сюргинским союзом сельских обществ, на востоке – омывалось Каспийским морем.

Территорию Кайтага принято делить на две части, исходя из географического положения: Нижний и Верхний. Основное его население состояло из кайтагских даргинцев. Но в нем проживало и значительное количество кумыков, терекемейцев, горских евреев и т.д.³

Кайтагское уцмийство было многолюдным и густонаселенным владением Дагестана. По словам русского посланника в Персию А.И. Лопухина, проследовавшего через Дагестан, уцмий был «владетель людной».⁴ И.-Г. Гербер указывая на многолюдность, также писал, что уцмийство «... состоит во многих хороших и великих деревнях, между которыми знатнейшая именованная Башло, в которой усмей сам живет».⁵ О многолюдности Кайтагского уцмийства можно судить по русским источникам XVII в., согласно которым у уцмий было 40 – 60 тыс. под-

---

¹ Бутков П.Г. Выдержки из «проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 201.

² Тихонов Д.И. Указ. соч. С. 135.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 119.

⁴ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1959. С. 11.

⁵ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 83.

данных, а по сообщению турецкого путешественника Э. Челеби – 20 – 50 тыс.¹

В середине XVI в. уцмий Кайтага распоряжались приморскими землями вплоть до Тарки. Их резиденция находилась в Калакорейше – горном селении, расположенном на правом берегу р. Бугам, на неприступной горе.² К этому же времени уцмийство включало как собственно кайтагские земли, так и часть даргинских, кумыкских и лезгинских земель.³

Однако в 80-х гг. XVI в. уцмий Султан Ахмед перенес свою резиденцию из Калакорейша в основанное им «местечко Маджалис, где прежде собирался народ для совещания».⁴ С переносом резиденции в Нижний Кайтаг, где до этого времени правили беки, власть уцмиев значительно ослабла.⁵ В горах же стали управлять беки, в силу чего влияние уцмия там стало падать. Тем не менее, в 1645 г. в Верхнем Кайтаге уцмий Рустам-хан нашел поддержку, когда против него в Нижнем Кайтаге выступил его племянник Амирхан, поддержанный Сефевидами.⁶

Во главе Кайтага, как было отмечено, стояли уцмий. Власть уцмия передавалась по наследству не от отца к сыну, а старшему в роду. Такой принцип передачи власти не был прочным и очень часто приводил к столкновениям между претендентами на этот титул. Так, в 1631 – 1632 гг. определились претенденты на власть уцмия Рустам-хана. Это были «братья его Чюкук, да Устархан, да сын его Хан». В оппозиции Рустам-хану находились и его двоюродные братья, желавшие «после смерти отца своего бытия у кизылбашского шаха в подданных».⁷

В первой половине XVII в. уцмий Рустам-хан проводил самостоятельную внешнюю политику. Как свидетельствуют источники, уцмий был «в горах человек первой», самовластный и гордый, и что «никотрые де боязни себе» не имел, поскольку земля его была в «крепких ме-

---

¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. М., 1979. С. 203.

² Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала, 1996. С. 326.

³ Афанасий Никитин. Хождение за три моря. М., 1960. С. 28 – 29.

⁴ Бакиханов А.-К. Указ. соч. С. 109.

⁵ Там же.

⁶ Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Т. 2. Махачкала, 1999. С. 30 – 36.

⁷ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. С. 126.

стах».¹ Проводить самостоятельную внешнюю политику Рустам-хану позволяло то, что он имел в своем распоряжении более 1200 пеших и конных воинов.²

Власть уцмия была неограниченной: он имел право на жизнь своих подданных, «производил сам и через своих нукеров суд и расправу, назначал преданных ему лиц и управление деревнями ...».³ Уцмии были распорядителями огромных земельных владений. Они сосредоточили в своих руках право верховной собственности на земли Кайтага. Еще при жизни уцмия избирался его преемник – *гаттим*. Он принимал активное участие в управлении уцмийством. Раз в году *гаттим* объезжал узденские общества, творил там суд и даже собирал подати.⁴

В административном отношении территория уцмийства управлялась беками, которые осуществляли судебную и административную власть в своих магалах. В раятской части Кайтага беки должны были управлять согласно адатам и постановлениям Рустам-хана. На самом же деле беки чинили суд и расправу над своими раятами по своему усмотрению и желанию.⁵ Что касается узденских магалов Кайтага, то здесь власть беков была крайне ограничена, что было не только традицией, но нормами обычного права. Беки в случае неисполнения действовавших норм могли быть подвергнуты штрафу в пользу общины, а тот, кто отказывался следовать этим положениям, изгонялся из нее.⁶ Уцмий в отношении к бекам был «скорее старший член в семействе, чем повелитель, к которому обращаются другие члены за советами, но которые могут принять или отвергнуть по своему благоусмотрению».⁷

Дербент и Дербентское владение. В XVII в. Дербент находился под влиянием сефевидских шахов и подчинялся непосредственно сефевидскому наместнику Ширвана.⁸ Вместе с окружающими его землями Дербент составлял один из семи «улька» Ширвана. Город управлялся хакимом или султаном, назначенным шахом. В дальнейшем, наряду с хакимом или султаном, в городе осуществляет свою власть

---

¹ Там же. 65.

² Белокуров С.А. Указ. соч. 293.

³ Памятники обычного права Дагестана XVII – XIX вв. / Сост., предисл. и примеч. Х.-М. Хашаева. М., 1965. С. 37.

⁴ Османов Г.Г. О социальном строе в Дагестане в конце XVIII – начале XIX вв. // Ученые записки ИИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 7. Махачкала, 1959. С. 163.

⁵ Алимова Б.М. Кайтаги. XIX – начала XX в. Историко-этнографическое описание. Махачкала, 1998. С. 51.

⁶ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С. 174.

⁷ Там же.

⁸ Историческая география Азербайджана. Баку, 1987. С. 124.

также наиб – представитель местной знати, должность которого передавалась по наследству.¹

К местной правящей феодальной верхушке относились также «знатные люди Дербента» и владельцы имений. Политика шаха Аббаса I (1587-1629) по отношению к ним и дербентскому правителю, равно как и уцмию Кайтага, способствовала укреплению их владельческих прав. Как отмечал Искендер Мюнши, шах Аббас I в награду за активную помощь при взятии Дербента в начале XVII в. «... возвысил их (знатных людей) ценными почетными одеждами и дарением предметов, украшенных драгоценными камнями, и государственные подати с их имений повелел пожаловать им в сойюргал, а горожан освободили от податей в диван и исключили из податных списков».² Отдача в сойюргал податей с имений означала «... пожалование или утверждение во владение также и самих имений, с правом для владельцев взимать в свою пользу также и подати, которые полагались вносить в диван».³

Правящая верхушка города держала соседние селения в полной зависимости, могла заставить сельские власти выставлять нужное количество подвод и корма, т.е. выполнять определенные феодальные повинности.

Правителям Дербента починалось много близлежащих селений, в том числе лезгинских, что видно из высказывания А. Олеария об области Мюшкюр, которая «заключает в себе 200 деревень и находится под управлением дербентского султана».⁴ Вслед за А. Олеарий И.-Г. Гербер также отмечал, то в Дербенте «всегда имелись султаны или губернаторы, также наибы и горододержавцы», которым «следующие уезды подчинены: Мушкур, Низават, Мабран, Рустау и Бермяк».⁵ «Доходы всех сих мест, – отмечал участник похода царских войск в Дербент в 1796 г. П.Г. Бутков, – султан обращал на содержание каналов, стен и гарнизона дербентского, а сверх того из казны шаха присылаемо было к нему ежегодно по 50 тыс. рублей. Султан повелевал также жителям Кубинской и Табасаранской земли, которые, где бы он ни захотел, в поле ему служить должны».⁶

instituteofhistory.ru

¹ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – нач. XIX вв. Л., 1949. С. 140.

² Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 160.

³ Там же.

⁴ Дагестан в известиях русских... С. 93.

⁵ Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С. 85.

⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 1. С. 94.

К началу XVIII в. границы Дербентского владения значительно расширились, территория его простиралась «... к югу на 30 верст до реки Самур, к западу от 5 до 8 верст к Табасарану и на север на 15 верст до владения усмийского, до реки Дарбаха».¹

Табасаран. По своему политическому устройству Табасаран не представлял собою единого целого. Здесь было два самостоятельных владения: Северный Табасаран, которым управлял кадий, и Южный, которым управлял майсум. Кроме этих двух владений, были союзы сельских обществ, испытывавшие на себе сильное влияние феодальных владений.

Майсум и кадий считались полновластными правителями в своих владениях, имели постоянные резиденции (майсум в Джерахе, кадий в Хучнях), отряды вооруженных нукеров. Они ведали всеми внутренними и внешнеполитическими делами. Без разрешения майсума и кадия нельзя было вести торговые дела на подвластной им территории. Они практиковали сбор пошлин с проезжавших через их владения торговцев.²

По данным А.Р. Шихсаидова, власть майсума с XVII в. была наследственной. Наиболее раннее упоминание в русских источниках имеется о князе Кадите сыне – 1593 г., Ак-Масхумхане табасаранском (между 1587 и 1629 гг.) и Хусен-хане Мавсуме (1630-1631 гг.).³

Мнение М.Р. Гасанова по вопросу о наследственности власти майсума несколько иное. Он пишет, что «звание майсума переходило наследственно к старшему в роду» и нередко сопровождалось стычками между разными претендентами. Порядок избрания кадия и майсума был один и тот же. Власть кадия также переходила по наследству к старшему в роду.⁴ Кадия избирали на поляне Херба-Куран в Хучни, где старший из известного тухума из села Хурик надевал на избранного кадия свою старую папаху, а его папаху брал себе. И, как важную деталь, необходимо отметить, что избранный кадий не обязан был знать шариат, поскольку это достоинство переходило к старшему в роду и безграмотный кадий «шариатских дел не решал».⁵

Майсумство и кадийство не имели сложной системы управления, чиновников, административных учреждений. Майсумы и кадий периодически собирали на совет своих приближенных и принимали решения

---

¹ Там же. С. 28.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 155-156.

³ Там же. С. 98.

⁴ Гасанов М.Р. Указ. соч. С. 201.

⁵ Там же.

по обсуждаемым вопросам.¹ Они свою власть на местах проводили через беков, которых держали в покорности и которые от их имени управляли селениями и даже целыми союзами сельских обществ, разбирали спорные вопросы по адату и шариату или же просто по своему усмотрению.²

Свое распоряжение кадий и майсум через нукеров доводили до сведения беков, которые обязаны были беспрекословно выполнять их указания. Беки также имели своих нукеров, исполнявших их волю. В отдельных селах беки свою волю осуществляли через сельских старшин.

Кадий и майсум считались равноправными, никто из них не подчинялся другому.

Относительно периода, когда произошло такое обособление, существуют разные мнения. А.Р. Шихсаидов пишет, что «Очевидно, к XVII в. относится разделение власти майсума и кадия, вернее возвеличивание кадия и превращение его в самостоятельного правителя. Это видно, например, из показаний, которые дал в 1870 г. юнкер Мустафа-бек Карчагский сословно-поземельной комиссии: «Между беками из майсумского рода разгорелась междоусобная война, в которой принял участие и народ, во время этой войны майсумы вынуждены были оставить Хучни и переселиться в Джерах, но междоусобия между беками продолжались до того, когда все почти беки были перебиты и остался один малолетний потомок майсума. Этими смутами воспользовались кадии табасаранские и подчинили своему влиянию северный Табасаран. По надписям на могилах в Джерахе видно, что они перешли туда около 300 лет тому назад».³

Если исходить из этих показаний юнкера Мустафа-бека карчагского, относящихся к XIX в., указанные события имели место в XVI в. То же самое отмечает и М.Р. Гасанов.⁴ Тогда Табасаран и раскололся на две неравные части. В северной части, объединявшей до 20 деревень, стал править кадий. В южной части, насчитывавшей до 70 деревень, стал править майсум.

Кюринские союзы сельских общин. Административно-политическое устройство кюринских магалов особо не отличалось от административного устройства других лезгинских союзов сельских общин. Кюринцы управлялись старшинами, обязанности которых «за-

¹ Гасанов М.-Р. Указ. соч. С. 202.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 156.

³ Там же. С. 99.

⁴ Гасанов М.Р. Указ. соч. С. 142.

ключались в наблюдении за порядком и в разборе споров и жалоб в своем селении, и в последнем случае они должны были призывать для разбирательства нескольких почетнейших стариков. По решениям таких судов старшины могли штрафовать виновных и даже разорять их дома».¹

На должность старшин выдвигали своих членов наиболее влиятельные тухумы, каковым в Курахе являлся Мирчиар, из его числа «с незапамятных времен избирался главный курахский старшина, имевший большое влияние на окрестные селения». Другой курахский старшина выбирался из тухума Манчарар.

В Гельхане старшина избирался из тухума Кабуляр, в Цнале – из Бурган-тухума; в Хутарге – из Бейбут-тухума; в Захите – из тухумов Небиляр и Рамазанар; в Цмуре – из тухума Мелиш; в Кабуре – из тухумов Куруджнар и Казаглар; в Испике и Касумкенте тухум Картасляр (или Ягубханар) также отличался многочисленностью и силой; в Магарамкенте старшин выбирали из тухума Манатар, которые были выходцами из турецкого местечка Малатия; в Верхнем и Среднем Стале – из тухума Пирляр, по лезгински – Перер; в Гильяре правом выдвигать старшин пользовался тухум под тем же названием Перер, как и в Стале.²

Хотя формально считалось, что старшины кюринских лезгин выбирались, эта избирательность давно уже превратилась в формальность, так как постоянно должности старшин занимали представители одних и тех же вышеуказанных тухумов. В формальность превратилась и их подотчетность перед избиравшими их джамаатами, «...на практике эта подотчетность превратилась в фикцию. Фактически сельские старшины разбирали судебные дела и осуществляли управление независимо от джамаата, в интересах сильных тухумов»³.

Помощниками старшим были «исполнители и глашатаи решений старшины – чоуши», которые также избирались обществом. За свою службу они получали и вознаграждение, или заранее определенное общественным приговором или же смотря по щедрости каждого хозяина дома». Но в основном вознаграждение было натурой: зерном, мукой, медом, сыром.⁴

Религиозными делами занимались кадии, выдвигавшиеся из числа ученых. Но в ряде случаев, как и старшин, кадиев выдвигали из одних

---

¹ Там же. С. 42.

² Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Указ. соч. С. 160-161.

³ Там же. С. 161.

⁴ Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 43.

и тех же тухумов. В каждом селении для решения дел по шариату из грамотных людей также выбирались муллы. За свою службу некоторые из них получали зякат, другие – «пользовались только известной частью при разделе имущества между наследниками»¹.

При обсуждении более важных вопросов созывались сельские сходы, проводившиеся, как правило, около мечетей. «Дела решались большинством голосов, но по большей части случалось так, что сильные тухумы брали верх».²

Ширванская область охватывала территорию Северного Азербайджана к северу от р. Куры, включая Шеки и Дербент, а также Мугань к югу от Куры.³

В политическом устройстве Ширван являлся одним из 17 территориальных единиц, на которые подразделялось Сефевидское государство. Во главе Ширвана как пограничной области стоял военный наместник – беглербег (азерб. «бек беков», арабский синоним – «эмирал-умара» – «эмир эмиров»). Вся Ширванская область была разделена на округа и районы – махалы и нахии, но последнее деление не было строго выдержано, и под видом мелких административных округов нередко существовали улька, принадлежавшие наследственным владельцам. Таких улька было семь. Это Шеки, Элису (Цахур), Кабала, Ареш, Баку, Дербент, Куба.⁴

В Ширванской области, считавшейся пограничной, были расположены постоянные войска, и беглербеги соединяли в своих руках административную власть и командование войсками и феодальным ополчением. До шаха Аббаса I беглербеги назначались исключительно из числа знатнейших эмиров кизылбашских племен и из царевичей. Со времени шаха Аббаса I на посты беглербегов стали назначаться также представители новой военной знати из гулямов. Во всяком случае, беглербег всегда был представителем военной аристократии. Назначение на пост беглербега всегда соединялось с пожалованием ханского титула.

Все же власть беглербега, располагавшего военной силой, большими угодьями средствами, была велика, и нередко беглербег фактически подчинял себе формально не подчиненных ему чиновников. Русский путешественник Арсений Суханов, побывавший в Шемахе в 1653

---

¹ Там же.

² Памятники обычного права Дагестана XVII-XIX вв. С. 43.

³ Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. Л., 1949. С. 117.

⁴ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 138 – 140.

г., отмечает, что тогдашний ширванский беглербег отказал шаху Аббасу II в посылке войск под предлогом опасности со стороны русских войск, а в то же время вел вполне независимую политическую линию по отношению к русским пограничным властям и к русским купцам, мало считаясь с указаниями шаха.¹

Беглербеги располагали своим двором, созданным по образцу шахского двора, и многочисленными своими слугами. При дворе беглербега были также чисто придворные должности, содержание которых тяжелым бременем ложилось на население.

Административные должности рассматривались в Сефевидском государстве, в том числе и в Ширване, прежде всего как кормление. Европейский наблюдатель дю Ман отметил, что «три сословия – беглербеги, ханы султаны, которые являются здесь правителями, едят области, так как это обычное слово принято в этом языке; более того, вместо того чтобы спросить, кто правит такой-то областью, здесь спрашивают: «кто тот, кто ест такую-то область»².

Могущество военного наместника было основано и на том, что если он происходил из эмиров кочевых племен, то, получая в управление область, он мог раздать в ней земли кочевникам своего племени и своим вассалам. Таким образом, беглербег мог всегда опереться на военную силу, ему лично преданную. Например, когда Арас-хан Румлу был назначен беглербегом Ширвана (1566 – 1578), одновременно несколько эмиров из племени Румлу получили в Ширване территории в управление (улька).³

В Ширванской области было и множество других должностных лиц, не зависевших от беглербега, а подчиненных непосредственно центральной власти. Среди них: шейх ул-ислам, ведавший делами шиитского духовенства и шариатским судом; садр – вакуфным имуществом и подчиненный дивану высокому садра всего государства; джанишин – заместитель беглербега, следивший за его действиями и доносивший о них шахскому двору; областной везир, ведавший финансами и поступлением налоговых сумм. Кроме того, в городах и больших населенных пунктах беглербегства были кази – главы местного шиитского духовенства и калантары – городские старшины, назначавшиеся

---

¹ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. С. 72 – 73.

² Цит. по: Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 119.

³ Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI – XVII в. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 250.

шахом, но из местной знати или городского купечества, также не подчиненные беглербегу.¹

Таким образом, главным должностным лицом в Ширванской области, располагавшим полнотой властью, являлся – беглербег. Что касается остальных округов Ширвана, то следует отметить, что «Шеки управляли назначенные шахом хакимы, но рядом с ними и в подчинении у них находились местные мелики»; в Кабале у власти находились наследственные мелики, а в Ареше – наследственные хакимы; Баку управлялся назначаемыми шахом и хакимами, «но наряду с хакимом в Бакинской улька значительную роль играл наследственный начальник местного феодального ополчения, с чином юзбашы (сотник)»².

Итак, анализ вышеприведенного фактического материала свидетельствует о том, что на территории Западного Прикаспия в XVII – XVIII вв. не сложилось единого централизованного государства. Этот регион был политически раздроблен на различные формы государственных образований.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹ Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI – XVII в. С. 247 – 248.

² Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX в. С. 137 – 139.

ГЛАВА II. ЗАПАДНЫЙ ПРИКАСПИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА КАВКАЗЕ В XVII – XVIII ВВ.

Западный Прикаспий, как и весь Кавказ, в силу своего выгодного географического положения и стратегического значения в изучаемый период находился в центре внимания мировых держав – России, Турции и Ирана, соперничавших за сферы влияния на Кавказе. После взятия Астрахани в 1556 г. царская Россия стремилась поскорее утвердиться в Прикаспии и Дагестане, чтобы не дать Турции и Ирану опередить ее, поскольку правители этих стран, особенно Турции, в конце XVI в. довольно энергично пытались решить проблему Прикаспия в свою пользу.¹

Иван Грозный, проводивший жесткую внутреннюю политику, не особо церемонился и в вопросах внешней политики. Он энергично взялся за решение вопроса Прикаспийских областей. Формально Иван IV оправдывал свои действия на Северном Кавказе необходимостью оказать содействие кабардинскому князю Темрюку Идарову, на дочери (Марии) которого он был женат. Направление действий войск Ивана IV в сторону Прикаспия в этот период объяснялись обострением отношений кабардинского князя Темрюка с шамхалом казикумухским, их борьбой за приоритетное положение на Северо-Восточном Кавказе.² Установлено, что «неоднократные просьбы кабардинских феодалов оказать помощь в борьбе с шамхалом, чьи владения прилегали к Каспию, послужили поводом к первому походу царских войск на Северный Кавказ»³.

Российское правительство для того, чтобы следить за обстановкой в Прикаспийском регионе и бороться за укрепление своего влияния в этом регионе в 1588 г. построило на месте слияния Терека и Тюменки город Терки. Как отмечал Н.П. Гриценко, место это определено было не случайно. «По сведениям так называемого «Каталонского атласа» 1375 г., – писал он, – итальянские купцы, жившие в своих городах-колониях по берегам Черного и Азовского морей еще в XIII – XIV вв.,

---

¹ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М., 2004. С. 382.

² Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный, 1988. С. 21.

³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII века. М., 1963. С. 237.

...хорошо знали берег Каспийского моря, в том числе города Тарки и Тюмень, находившуюся на побережье Аграханского залива»¹.

Город Тарки играл очень важную роль в истории народов Северо-Восточного Кавказа, в частности Прикаспия, став военно-административным и торгово-экономическим центром, опорной базой царского правительства. Строительство Терского города вызвало недовольство крымского хана и турецкого султана, ставивших вопрос о сносе города, поскольку он мог служить серьезным препятствием в осуществлении их планов в отношении Кавказа. Царь же утверждал, что крепость построена для защиты его тестя от недругов, а не для наступления на Кавказ.²

Несмотря на то, что Россия находилась в условиях начавшейся русско-шведской войны, а Турция претендовала на контроль за Кавказом, что никак не соответствовало ее интересам, царскому правительству в конце XVI в. все же удалось сохранить свои позиции на Тереке и на р. Койсу, где была основана крепость, но удержать в своей власти такие огромные Прикаспийские владения, как Тарки и шамхальство, Московское государство, как отмечал С.М. Соловьев, еще не могло.³

Поход царских войск в начале XVII в. во владения шамхала не способствовало сближению народов региона с Россией. Он даже на некоторое время испортил установившиеся до этого связи отдельных владетелей Дагестана с Россией. Однако ход событий начала XVII в. привел к быстрому урегулированию отношений России с владетелями Прикаспия, особенно в экономической сфере.⁴ В дальнейшем экономические и политические контакты между Россией и владетелями региона стали приобретать все более устойчивый и взаимовыгодный характер.

Несмотря на то, что терские воеводы в условиях продолжавшейся польско-литовской интервенции против России испытывали значительные затруднения в обеспечении царских войск на Тереке продовольствием и снаряжением, не отвергали обращений к ним владетелей Прикаспия и Дагестана, и делали все возможное для усиления их стремлений к сближению с Россией. Как отмечала Е.Н. Кушева, «...в период интервенции начала XVII в., когда прекратился подвоз в Терский город хлебных запасов из Руси по Волге и Каспийскому морю,

---

¹ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов, 1984. С. 50.

² Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 276.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. 7. С. 269.

⁴ История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 402.

терские стрельцы и служилые люди покупали хлеб «у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках и в Карабудаках, и у гилянских, и у дербентских тезиков», привозивших хлебные запасы для продажи на Терек»¹. Видимо, значение привозившегося из Прикаспийских областей хлеба тогда в Терском городе было большим, поскольку, когда в 1614 г. в «Кумыках и в Черкассах хлеб не дородился», русское население города оказалось в трудном положении.

Экономические контакты России с Прикаспийским регионом в XVII в. расширились. Этому способствовала в определенной мере и политика царских властей на Северном Кавказе. Обычно торговцы сопровождали посланцев владетелей региона к царским властям в Терский городок, Астрахань или в Москву. Царские власти товары этих «купчин» или правителей, посланные с ними для продажи, освобождали от довольно высоких для того времени таможенных пошлин.²

Более доходной стала торговля во второй половине XVII в. в связи с некоторой стабилизацией политической обстановки в Прикаспийской зоне. Все же условия торговых сношений в Прикаспии в XVII в. носили чисто средневековый характер. Так при провозе товаров по прикаспийской дороге из Астрахани и Терков в Дербент и обратно приходилось платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. В то же время царские власти не упускали возможности пополнить казну своего государя за счет пошлинных сборов с торговцев, учредив таможни в Терках и Астрахани, а также взимая пошлину за перевоз товаров через р. Сунжу. Несмотря на все эти препятствия, отмечала Е.Н. Кушева, экономические связи между прикаспийской зоной Дагестана и Россией в течение XVII в. расширялись.³

На рубеже XVII – XVIII вв. в условиях сложных политических процессов на Кавказе, российское правительство, нуждаясь в обеспечении безопасности южных границ государства, старалось привлечь народы Северного Кавказа на свою сторону. Еще в 1700 г. Петр I приказал астраханскому воеводе Мусину-Пушкину укреплять торговые и дружественные отношения с народами, обитавшими на западном побережье Каспия и оказывать им посильную помощь и поддержку.⁴

В отношении северокавказского побережья Каспийского моря у Петра I были грандиозные планы и прежде чем приступить к их осу-

---

¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. 299.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаева. Махачкала, 1958. С. 72 – 75.

³ Кушева Е.Н. Указ. соч. 304.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 102.

шествлению, следовало детально обследовать и изучить регион. С этой целью в Прикаспий и были посланы несколько групп российских офицеров и ученых, которые занимались изучением и сбором разного рода сведений географического и экономического характера. Активизация турок на Кавказе и стремление предупредить их в борьбе за овладение Каспийским морем заставили Петра I держать постоянно во внимании весь Прикаспийский регион, в котором он видел «истинное средоточие или узел торговли всего Востока»¹. Он думал сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Западом, перевести торговлю шелком Ирана и Кавказа с турецкого пути на Астрахань.

В планах Петра I Западному Прикаспию отводилась важная экономическая роль. Присоединив Прикаспийские области, император надеялся все возрастающие потребности российской мануфактурной промышленности обеспечить такими видами сырья, как шелк-сырец, хлопок, нефть, руда и т.д.

Не менее важной причиной, требовавшей присоединения Прикаспийских областей к России, являлась оборона границ, ибо положение на юго-восточных границах в то время представляло собой едва ли не самое слабое место Российского государства. Исходя из этого, Россия предприняла ряд мер по укреплению юго-восточных границ государства. В 1711 – 1712 гг. были переселены на левый берег Терека гребенские казаки, которые образовали несколько укрепленных городков-станций. Тогда же для установления прочных связей с народами Прикаспия был направлен капитан гвардии А. Бекович-Черкасский. В 1714 г. было начато подробное изучение Каспийского моря для того, чтобы использовать Каспий в качестве торгового пути к Востоку², а также выяснение рудных и других природных богатств в регионе.³

В результате миссии князя А. Бекович-Черкасского, Петру I был представлен проект присоединения Кавказа к России. В этом проекте А. Бекович-Черкасский обращал внимание императора на намерение турецкого султана подчинить своей власти кабардинцев и кумыков и высказывал необходимость подчинить их своей власти. «Удача присоединения их, – писал князь А. Бекович-Черкасский, – принесла бы России не только политический, но и экономический успех», потому что «много обретается разных руд в тамошнем краю, от чего мог бы при-

---

¹ Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг.: Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. Т. 68. 1867. С. 569.

² Ихиллов М.М. Значение Персидского похода Петра I (1722 – 1723 гг.) для Дагестана. Махачкала, 1954. С. 4.

³ Комаров В. Указ. соч. С. 553 – 616.

даток не малый быть государству Российскому»¹. А для этого он считал необходимым «для всяких руд» на Кумыкской плоскости Дагестана построить крепость.²

В 1716 г. Петр I отправил в Прикаспий для составления карты этого региона поручика Никиту Кожина, дав ему собственноручный указ с рядом особых наставлений. Он должен был исследовать Каспийское море, описать его берега, промерить глубину, нанести на карту мели и т.д. Описи и карты Н. Кожина целиком вошли в первую подробную карту Каспийского моря («Картина плоская генеральная моря Каспийского»), составленную капитан-лейтенантом фон-Верденом и лейтенантом Ф.И. Соймоновым³.

В 1715 – 1718 гг. экономическое обследование Прикаспия производил посол Петра I в Иран А.П. Волынский. Для более детального исследования региона в составе посольства было несколько ученых людей. На посольство А.П. Волынского возлагались обязанности собрать сведения о пристанях, городах и путях сообщения в Прикаспии и т.д. Кроме того, ему было велено выяснить «... какие, где в море Каспийское реки большие впадают, и до которых мест по оным рекам можно ехать от моря и нет ли какой реки из Индии, которая бы впадала в сие море, и есть ли на том море и в пристанях у шаха суды военные и купеческие...»⁴. Посольство А.П. Волынского следовало из Астрахани морем через Дербент и пристань Низабад к Испагани.

По возвращении полковник А.П. Волынский доложил о результатах своей миссии, которые нашли свое отражение в «Журнале посланника А.П. Волынского», в котором сообщалось сведения о государственных доходах, о народе региона, о коммерции, о торговых компаниях – Португальской, Английской, Голландской, Индийской, Джульфинской, о российских купцах и др.⁵ А.П. Волынский, изучив природные ресурсы и экономическое состояние региона, предложил императору «...богатые персидские области, лежащие по Каспийскому мо-

---

¹ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. М., 1951. С. 19.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 103.

³ Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 1825 гг. Т. 5. СПб., 1830. С. 197 – 198.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения в 18 книгах. Кн. 9. Т. 18. М., 1993. С. 356 – 357.

⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 6.

рю... принять в свое защищение, занять и заселить оные войсками российских, на что государь и согласился»¹.

В 1718 г. с целью разведки Прикаспийских областей Дагестана и Северного Азербайджана полковник А.П. Волынский послал из Шемахи дворянина А.И. Лопухина. Ему было поручено «осмотреть и описать тамошний путь от Низовой пристани до Терека» и осведомиться «каковы тамошние народы людством и сколько у них военных». А.И. Лопухин проезжал через Кубу, Дербент и Тарки и составил подробное описание пути своего следования, при этом уделив особое внимание Дербенту.²

По возвращению А.П. Волынского в Иран туда были отправлены капитан А. Баскаков и консул С. Аврамов, которые также собирали данные экономического характера Прикаспийских областей. Им было поручено «ехать от Терека сухим путем до Шемахи для осматривания пути, удобен ли для прохода войск водами, кормами конскими и прочими...»³.

Одновременно изучением Каспийского моря и Прикаспия, составлением карт региона занимались Ф.И. Соймонов, Клаус Верден, Урусов и другие.⁴ Основная задача экспедиции Ф.И. Соймонова состояла в том, чтобы описать западную сторону Каспийского моря, начав от устья реки Волги до Астрабада со всеми островами, мелями, подводными камнями, впадающими в Каспий реками, гаванями, пристанями и берегами и с всею точностью «сделать генеральную карту» Каспийского моря.⁵ Эта карта стала первой, наиболее достоверной картой Каспийского моря. Петр I отправил ее во Французскую академию наук, членом которого он являлся. «Сия карта, – свидетельствовал хронограф Петра Великого, – неоднократно проверенная, открыла все обстоятельства сего моря, со всеми берегами и впадающими в оное реками»⁶.

Таким образом, одной из целей Каспийского похода Петра I было присоединение к России важных для нее в экономическом отношении Прикаспийских провинций Кавказа. Для более полного удовле-

---

¹ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 430.

² Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 6 – 59.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 104.

⁴ Штейнберг Е.Л. Первые исследования Каспия (XVIII – XIX вв.). М., 1949. С. 7–22.

⁵ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. VI. М., 1789. С. 275 – 276.

⁶ Голиков И.И. Указ. соч. Ч. VIII. С. 36.

ния потребностей российской промышленности Петр I стремился использовать богатства Прикаспийских областей Кавказа, где предполагалось найти строительные материалы, сырье для порохового производства и текстильной промышленности, красящие вещества, металлы и нефть.

Стремление российского правительства освободить российскую мануфактурную промышленность от зависимости иностранного сырья и обеспечить ее сырьем Прикаспия объективно способствовали развитию экономики края. Стало увеличиваться производство шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана.

В связи с развитием в России текстильной промышленности, Петр I стремился наладить отечественное хлопководство.¹ С этой целью были предприняты меры для заведения хлопковых плантаций на Тереке. Однако эти попытки наладить возделывание хлопка на Тереке, не привели к промышленному разведению этой технической культуры.

В то же время во владениях Прикаспийской зоны Дагестана возделывание хлопка являлось одной из традиционных отраслей земледелия. Особенно много хлопка выращивалось во владениях «султана» аксайского и шамхала тарковского, где он «родился в великом множестве»². Разведением хлопка издревле занимались и жители Дербента и его округи. Так, М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг отмечали, что одним из занятий дербентцев являлось «разведение хлопчатой бумаги»³. Культура хлопка, кроме того, что она использовалась на домашние нужды, в частности на изготовление одежды, паласов, постельных принадлежностей, имела и товарное значение. По данным астраханской таможни, за 1778 – 1781 гг. из Дербента в Астрахань только морским путем было вывезено 270 пудов 20 фунтов хлопчатобумажной пряжи и хлопка, не говоря уже о сухопутных поставках из Дербента в Кизляр⁴. Данное обстоятельство и отвечало интересам экономической политики России в Прикаспии.

Решив избавиться от зависимости российской промышленности от иностранного сырья, Петр I стремился увеличить и производство шелка-сырца в Прикаспии. Для чего требовалось создать отечественное шел-

---

¹ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 221.

² Лысцов В.П. Указ. соч. С. 32.

³ Ковалевский М.К. и Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1831г.//ИГЭД. С. 311.

⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 86.

ководство в широких масштабах. В этих целях и «были сделаны попытки организовать на Тереке шелковые заводы... и в казацких городках отвести к тому шелковому заводу места, где и сколько потребно будет... позволено ему (армянскому купцу-предпринимателю Сафару Васильеву) вывести из Персии мастеров с челядью... Потом ему, Сафару, близ Терека для шелку... удобные места отведены были, и он шелковый завод завел и шелк уже родиться начал...»¹.

Получив разрешение российского правительства завести «шелковые заводы» на Тереке, Сафар Васильев стал тайно вывозить из Закавказья мастеров, отводя им усадьбы и землю для разведения тутовых деревьев, риса, хлопка и других культур. Сам Сафар Васильев, его мастеровые и работные люди по распоряжению царя были освобождены от налогов и податей: «оброку с енво, тако ж и у привозных ево людей при нем прибывающих брать не велеть, дабы им было чем себя прокормить»². Вскоре для развития шелководства Сафар Васильев нанял в Терском городке армян, тезиков, черкесов и ногайцев. Впоследствии, освоив тайны производства шелка, многие местные народы стали заниматься шелководством самостоятельно.

Эта отрасль хозяйства в Терках в последующем получила широкое развитие. По крайней мере, об этом свидетельствовал Ф.И. Соймонов: «В Терках шелк делают... Воздух, теплота и состояние земли суть в Терках к деланию шелку не меньше способны, как в Гиляне. Везде находятся шелковичные деревья. Тамошний шелк ни мало не уступает Гилянскому, да и может быть еще превосходит добротой оной»³.

Говоря о перспективах развития шелководства в этом регионе и том, какую пользу оно может принести российской промышленности, тот же автор писал: «При населении страны Терки не найдется таких трудностей, какие были при Оренбурге. Но доходы от делания шелку превосходили бы в десятеро оренбургских. К тому же из Москвы до Терки удобно можно ходить водяным путем на малых и на больших судах, и как все потребное отвозить туда способно, то ровным образом можно в Москву привозить тамошний шелк без дальних убытков. На пути через Каспийское море нет никакой опасности, потому что ходят

---

¹ Бутков В.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 159 – 160.

² Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. Сборник документов / Под ред. А. Иоаннисяна. Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964. С. 39 – 40.

³ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763. С. 343 – 344.

вдоль берегов, где много есть заливов и гаваней для малых судов, особенно, когда езда чинится среди лета»¹.

Когда Петру I было доложено об этих разработках, император выразил уверенность, что «со временем и Терские места не хуже Гиляна быть могут..., везде находятся там шелковичные деревья; семя шелковых червей бесчисленно размножено быть может, и шелк тамошний... не только не уступает добротой гилянскому, но и превосходнее онаго...»².

Трудно было переоценить значение шелководства в южных районах Прикаспия, где разведение шелкопряда было известно издавна и выработка шелка славилась далеко за пределами региона. По данным исследователей, некоторые селения в районе Дербента еще в XIV – XV вв. переходили на производство шелка.³

Следует отметить, что шелководство в южных районах Прикаспия носило исключительно товарный характер. Лишь незначительная часть шелка шла на удовлетворение потребностей местных жителей. Почти весь полученный шелк вывозился в Россию. Известный специалист по шелководству Н.Н. Шавров писал: «Еще у многих в памяти, что лет 30 тому назад шелководство, как в Закавказском крае, так и на Северном Кавказе, находилось в цветущем состоянии; оно было одной из важнейших отраслей сельского хозяйства»⁴.

А.И. Лопухин, описывая развитие шелководства в районе Дербента, писал: «Выделка шелковых материй, бумажной бязи... занимает изрядное количество рук. Шелковые материи приготавливались в Дербенте хорошо и в довольно значительном количестве, для того до 200 станов было»⁵.

Деятельность Петра I по обеспечению шелковых мануфактур сырьем не ограничивалась мерами, направленными на развитие отечественного шелководства. Как отмечал Ф.И. Соймонов, политика Петра I в Прикаспийском регионе преследовала ту цель, чтобы весь вывозимый из Ирана и Закавказья шелк доставался России и «... российские фабрики имели бы от того пользу».⁶

¹ Там же. С. 345.

² Голиков И.И. Указ. соч. Ч. VIII. С. 290 – 291; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 31 – 32.

³ Шихсаидов А.Р. Дагестан в X – XV вв. Махачкала, 1975. С. 134.

⁴ Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891. С. 10 – 11.

⁵ Лопухин А.И. Указ. соч. С. 178.

⁶ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 332.

Суконная промышленность России в XVIII в. в основном была обеспечена отечественным сырьем, однако рос спрос на высококачественное тонкое сукно, что диктовало повышенные требования к сырью. В 1717 г. А.П. Волынскому было дано указание осведомиться о возможности покупки «испанской» шерсти в Иране, что заставило его и А.И. Лопухина серьезно ознакомиться с шерстяным рынком кавказских провинций Ирана.¹ Жители Дербента, писал А.И. Лопухин, «имеют у себя немалое довольство шерсти, ис которой сукна делают сами, и по их мастерству не худо делают. А шерсть у них изрядная и мягка... и складывана та шерсть с гишпанскою шерстью, хороша. А такова не будет, токмо ис тамошних шерстей лутче ее нигде не сыщется»². Отметим, что дербентские мастерицы шерсть приобретали у соседних даргинцев, табасаранцев и других народов Дагестана.

Находившийся позже при российской армии в Персидском походе Дж. Бель сделал запись в своем дневнике, что на дагестанских овцах шерсть «столь хороша», что он такой шерсти «нигде не видывал»³. Другой современник утверждал, что «в Дербентском уезде, особливо к горам, имеются многочисленные овечьи заводы, шерсть оных весьма хороша..., а сие и было одним из главнейших и нашего Ироя (Петра I) попечений, то есть, чтобы употребить оную в пользу своих суконных и шерстяных мануфактур»⁴. Узнав из донесения А.И. Лопухина о том, что кубачинцы имеют «немалое довольство шерсти», Петр I приказал А.П. Волынскому завести «в Астрахани овец белых, также трудитца, чтоб достать несколько овец ис Кубеши»⁵.

Между тем развивающаяся текстильная промышленность России нуждалась в большом количестве красителей. Основная масса красящих веществ на российский рынок в основном попадала из восточных стран. Наиболее распространенными считались краски лавра, сандал и чернильные орешки, вывозимые из Ирана и Индии.⁶ По указу Петра I усиленные поиски красящих веществ велись и в Прикаспии. Терскому коменданту «государь изволил писать, чтобы осведомитца, возможно

---

¹ Лопухин А.И. Указ. соч. С. 55 – 56.

² Там же.

³ Бель Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. М. Попова. СПб., 1776. Ч. 3. С. 180.

⁴ Голиков И.И. Указ. соч. С. 257 – 258.

⁵ Бель Дж. Указ. соч. Ч. 1. С. 109; Лысцов В.П. Указ. соч. С. 21; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 120.

⁶ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 33.

ли на Терках или в Гребнях сыскать коренья..., что называется марена» и узнать по какой цене она отпускается.¹

Еще в XVII в., отмечал Н.И. Костомаров, «довольно важна сделалась торговля мареною», которая «произрастала около Терека на протяжении шестидесяти верст. Жители Терека и гребенские казаки собирали ее и продавали персидским купцам. Царь (узнав об этом) приказал объявить жителям Терека, чтобы они не продавали марены в Персию, а доставляли ее в казну, которая будет платить им с прибавкою, велено было строить в Терке амбар для складки марены...»².

Культура марены имела товарное значение и в районе Дербента и потому она возделывалась здесь на огромных площадях. «От речки Дарвага на север, недалеко от Дербента, и далее к югу от него, к Рубасу, плантации марены почти вытеснили все роды посевов: все лучшие места заняты ею. Везде в окрестностях города, где только хотя бы малейшая возможность посеять это прибыльное растение, там повсюду возвышаются гряды, или, говоря по-тамошнему, маренники. Все лощины по отлогостям гор, крутые их скаты, куда хотя бы одна струя воды в избытке может приходиться, заняты под гряды этого красительного корня»,³ – говорится в одном из источников.

Столь бурное развитие марены в Прикаспии объяснялось растущими потребностями российской текстильной промышленности. Из корней марены получали ярко-красные, бордовые, синие красители, которые использовались для окраски шелка, хлопчатобумажной ткани, шерстяной пряжи. Было установлено, что «содержание красильных пигментов в марене гораздо обильнее и лучше, нежели в дорогом авиньонском или голландском крапе»⁴, считавшимся в тот период лучшим из привозных заграничных красителей.

Особый расцвет мареноводства начинается во второй половине XVIII в. В 1766 г. на возможность возделывания растений-красителей указывал в своей докладной записке Х. Лиден. Корень марены – естественная растительная краска, которая высоко ценилась в России в XVIII – XIX вв. и использовалась в качестве основного средства при крашении тканей или шерсти в красный цвет. То, что дагестанская марена по содержанию красящих веществ намного превосходила импор-

---

¹ Там же.

² Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетии. СПб., 1862. С. 241 – 242.

³ Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. XII. Тифлис, 1904. С. 443.

⁴ Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 227.

тируемый крап, «открыла дербентской марене обширный рынок Центральной России»¹.

В 30-е гг. XVIII в. обработкой марены в Кизляре занимались двое предпринимателей, один из которых, купец второй гильдии Баяндуров, вывозил ее в центральные российские города. В октябре 1761 г. комиссионер Московской суконной фабрики Суровщикова Г. Михайлов сообщил коменданту Кизлярской крепости о том, что по заказу Государственной мануфактур-коллегии «повелено самородящийся корень марены в Кизляре собирать и, заготовив как можно больше, доставить в Москву» на фабрику Суровщикова, вывозя в год до 2 тыс. пудов сухого корня, а для запаса – вдвое больше.²

Другой ценной культурой, которая в большом количестве произрастала в Прикаспийском регионе, являлся шафран. Он использовался как пряность и краситель, а также широко применялся в качестве лекарства. Прилегающие к Дербенту земли издавна были известны как район, где выращивали шафран. Дербентцы выращивали шафран и в изучаемый период. «Все окрестности города, – писал С. Броневский, – покрыты сим растением», жители города «разводят его весьма достаточно так, что оным снабжают не только внутренние Ширвана и Дагестана округи, но и знатное количество оного отпускают в соседние области»³. «В Дербенте растет шафран, который государь император Петр Великий рачительно одобрять повелел»⁴, – отмечал Ф.И. Соймонов.

По указанию Петра I на казенных землях пригорода Дербента, называвшихся «садами и огородами его императорского величества», стали широко возделывать шафран. Часть собранного шафрана «переправлялась в Петербург, к императорскому двору», часть реализовалась в Иране, в частности, в Гиляне, где «на шафран был высокий спрос и выгодный сбыт»⁵. По данным Ф.И. Соймонова, сбор готового шафрана в 1723 г. составлял «несколько жестяных ящиков... уродив-

---

¹ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С. 74.

² Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала, 2007. С. 169.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 282.

⁴ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваниях//Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. СПб., 1763. С. 352.

⁵ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 41.

шемся того года, в тамошних старых и новозаведенных шафранных садах»¹.

Петр I заботился об улучшении качества шафрана, он хотел добиться того, чтобы кавказский шафран не уступал лучшим образцам европейского. С этой целью в Петербурге из дербентского и бакинского шафрана «делана проба против европейского», в результате первый «явился безсилнея» второго. Низкое качество кавказского шафрана объяснялось тем, что его преждевременно собирали с огорода и неправильно сушили, о чем император велел сообщить «немедленно» комендантам Дербента и Баку и приказал послать туда образцы высококачественного шафрана.²

Особенно российская администрация обратила внимание на развитие виноградарства, садоводства, огородничества. В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами его императорского величества»³. Оно первоначально состояло из садов и огородов, отобранных у «неблагонадежных» жителей и высланных затем в Астрахань. В садах росли яблоки, гранаты, груши, сливы, инжир, тутовник, виноград. На этих участках были выкорчеваны старые виноградники и посажены выращенные в других садах лучшие сорта винограда⁴. Посадкой винограда руководил выписанный из Венгрии специалист Туркул. Только в 1724 г. было посажено 13 тыс. виноградных лоз. Кроме того, здесь было налажено и изготовление вина, за которым также следили иностранные специалисты. Уже к лету 1723 г. стояло готовым к отправке в Астрахань «учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью 1723 г. винный погреб Дербента произвел 2 тыс. ведер вина⁵.

Петр I планировал завести дворцовые хозяйства, подобные дербентскому, и в других местах Прикаспия. Находившемуся в Гиляне бригадиру Левашову было приказано сделать «пробу» по изготовлению водки из риса и вина из тамошнего винограда. Левашов просил прислать к нему виноградных мастеров, чтобы развести в Гиляне «особые сады» для виноделия, так как все гилянские сорта винограда были лесными и для посадки не годились⁶. Однако, по свидетельству Ф.И.

---

¹ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 352.

² Лысцов В.П. Указ. соч. С. 41.

³ Там же. С. 40.

⁴ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 40 – 41.

⁵ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 352.

⁶ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 43.

Соймонова, гилянский виноград был не хуже дербентского. Будучи в Гиляне Ф.И. Соймонов пробовал давить сок из местного красного винограда, в результате чего получилось вино, подобное французскому¹.

Район южного Прикаспия представлял собой микрорайон, отличающийся теплым, субтропическим климатом. Благодаря этому здесь произрастали самые лучшие сорта груш, яблок, слив, тутовника, миндаля, каштаны, розы и другие южные культуры. Так, И. Гербер в начале XVIII в. писал, что «город Дербент от гор до самого моря вдоль построен длиною в 1730 сажень, а ширина в широком месте подле моря вдоль построек, а в самом узком месте 100 сажень... По обеим сторонам за городом обитатели имеют весьма довольное число и добрых виноградных и других садов...»².

В основном в этом регионе были сосредоточены виноградники, на что в свое время обратил внимание Петр I. Чуть позже личный врач чрезвычайного посланника России князя Голицина к Надир-шаху, доктор медицины Иоанн Якоб Лерх, человек наблюдательный, отмечал: «По обеим сторонам города (Дербент) много находилось виноградных лоз. Вины там были подобные шампанскому и бургондскому и еще гораздо крепче, если же их сваришь и зажжешь, то горят подобно спирту»³. Виноделием в основном занимались армяне. Это подтверждал А.И. Ахвердов. В Дербенте, отмечал он, «есть хорошие виноградные сады, откупаемые армянами для виноделия»⁴.

Виноградарство приносило немалые доходы, поэтому с середины XVIII в. эта отрасль стала одной из ведущих в экономике Прикаспийского края. Ф.И. Соймонов считал район Терки также наиболее благоприятным и перспективным с точки зрения развития садоводства и виноделия. Отмечая перспективы развития виноградной отрасли, он подчеркивал, что здешний виноград по своим качествам уступает заграничному, так как он «растет дикой», но если «за виноградом смотрели, и вино бы из кистей делали таким образом, как в Европе... из того» получилось бы «вино, как красное французское... От кумыков и

---

¹ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 193, 352.

² Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 86.

³ Из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч. 43. С. 19.

⁴ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

других народов достают вино подобное португальскому и мадерскому»¹.

Большой интерес представляют данные о намерении Петра I завести в Прикаспии табачные плантации. В первой четверти XVIII в. в России началось развитие мануфактурного производства в табачной промышленности, о чем свидетельствует возникновение в этот период первой табачной мануфактуры. Для нормального развития зародившейся табачной мануфактурной промышленности требовалось сырье. Возможно, что в связи с этим и велась в 1724 г. подготовка к заведению табачных плантаций в Гилянской и Ширванской провинциях. В этом же году резиденту в Мадриде князю С. Голицину было велено прислать в Россию табачные семена из Испании или Португалии, притом из такого климата, который был бы сходен «с персидскими провинциями с Гилянью и Шемахою»².

Одновременно с поисками золотых россыпей в Средней Азии Петр I принимал энергичные меры для разведки металлорудных богатств Прикаспия. Еще до начала похода Петр I неоднократно обращал внимание астраханского губернатора А.П. Волынского на необходимость изучения природных богатств Прикаспийского региона. В именном указе астраханскому губернатору от 26 октября 1720 г. сказано: «Взять из Берг-коллегии одного мастера рудокопного для обыскания руд, по доношению выезжаго князя Черкасского»³. В том же году Кавказ был обследован рудознатцем Иоганном Фридрихом Блюэром.⁴

А.П. Волынский с удовлетворением писал в своем донесении, что ему удалось в верховьях Терека найти «серебряную руду». В результате геологических разведок также были получены сведения о том, что на территории шамхала Тарковского имеется «металл свинцовой». В 1720 г. шамхал просил Петра I прислать искусного рудознатца для освидетельствования найденного металла, чтобы «выразуметь, будет ли из того какой интерес или нет»⁵. Будучи в Тарках, 13 августа 1722 г. сопровождавший Петра I кабинет-секретарь Макаров писал астраханскому губернатору Кикину о немедленной отправке туда рудокопного мастера из Москвы.⁶ Этот факт свидетельствует о том, что овладению

---

¹ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. С. 351.

² Лысцов В.П. Указ. соч. С. 43.

³ Там же. С. 19 – 20.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 119 – 120.

⁶ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 20.

рудными богатствами Прикаспия отводилось немаловажное значение в экономической политике России на Кавказе.

Среди природных богатств Прикаспия одно из важных мест занимала нефть. Нефтеносные источники были расположены по всему побережью Каспия. В распоряжении российского правительства имелись сведения о наличии нефти «на р. Терек (в Гребнях), во владениях султана Утамышского и уцмия Кайтагского, в уездах Дербентском и Бакинском», которые, по сообщению А.Г. Сереброва, «изобилуют нефтью, белую и черною», откуда ее «отпускают повсюду, как внутри Персии, так и в Россию»¹.

Особый интерес у Петра I вызвала «белая нефть». Во время Персидского похода император сам «изволил осмотреть два нефтяных колодца во владениях усмия Хайтакского» и приказал генералу Матюшкину отправить в Петербург «тысячу пудов, или сколько возможно, белой нефти»². Как отмечал В.Г. Гаджиев, «Петр I, строя планы широкого использования ресурсов Прикаспия, предписал привести в известность природные богатства занятой территории и наметил увеличение добычи нефти»³. Нефть была новым перспективным видом горючего для России.

По планам Петра I, присоединение к России богатых природными ресурсами и экономически развитых прикаспийских провинций должно было существенным образом отразиться на увеличении государственных доходов. Этого предполагалось достигнуть путем использования таких доходных статей, как сборы с шелка, нефти, шафрана и других восточных товаров, а также торговые пошлины в крупных торговых центрах Прикаспия. По замыслам Петра I, овладение западным побережьем Каспия должно было теснее связать Россию с восточными странами и содействовать оживлению торговли на Каспийско-Волжском торговом пути. Разрешение этой задачи принесло бы императорской казне неисчислимыe доходы.

Богатства Востока (шелк, хлопок, кожи, ткани и др.), в том числе производимые в Прикаспии, минуя Россию, поступали в Европу через турецкие земли и Средиземное море. Российское правительство хорошо понимало, что «шелк, которой из Персиды в турецкую землю, в Галеп и Смирну», «и потом во всю Европу спроважен имеет быть, весь

---

¹ Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 178.

² Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг. М., 1867. С. 59.

³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 120.

делается близ берегов Каспийского моря в дистриктах городов персидских Шемахи, Гиляни и Дербента и протчих»¹.

Цель торговой политики Петра I заключалась в том, чтобы направить восточную торговлю по Каспийско-Волжскому пути и сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и Европой. В связи с этим было решено «при устье реки Куры заложить большой купеческий город, в котором бы торги грузинцев, армян, персиян, яко в центре, соединялись и оттуда бы продолжались до Астрахани»². Тем самым император хотел привлечь в этот город «все купечество из Грузии и Ширвана» и сделать его «первым купеческим городом для всего западного берега Каспийского моря»³.

Город, построенный при устье Куры, мог бы стать портом Каспийского моря. Петр I имел «крепкое намерение при одном из устьев реки Кура заложить гавань», чтобы судам можно было бы «стоять в Апшеронском проливе»⁴, который от устья Куры расположен сравнительно недалеко. В связи с этим планировалось устройство морской базы в Апшеронском проливе. Ф.И. Соймонов предлагал «учредить» на острове Жилом «магазин для всяких корабельных потребностей» и содержать там почтовое судно, которое бы, плавая «по всем гаваням» Каспийского моря, доставляло в Астрахань «известия»⁵.

Пути прикаспийского направления должны были проходить через гавани и торговые пункты, расположенные на западном берегу Каспия, и вести далее во внутренние области Закавказья и на Восток.

Немалое значение в развитии торговли России с Прикаспийскими странами уделялось Дербенту. Российское правительство в 1723 г. обращалось к армянам с призывом возобновить торговлю с Россией через каспийские города, которые под императорскую «протекцию отдались»⁶. В числе этих городов имелся в виду, прежде всего Дербент. Однако здесь не было благоустроенной пристани. Поэтому Петр I, находясь в Дербенте, «изволил ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань», а перед отъездом из Астрахани в Петербург (4 ноября 1722 г.) приказал Матюшкину «делать» в Дербенте «гавань по чертежу»⁷, к которому была приложена собственноручная

---

¹ Лысцов В.П. Указ. соч. С. 52.

² Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 99 – 100.

³ Там же. С. 336.

⁴ Там же.

⁵ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 337 – 338.

⁶ Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898. С. 352.

⁷ Комаров В. Указ. соч. С. 48.

объяснительная записка, из чего видно, что устройству Дербентской гавани придавалось важное значение. Работы по устройству гавани проводились в течение 1723 – 1724 гг.¹

Тогда же на реке Сулак была построена плотина, после чего стало возможным проводить средние суда по Аграхани почти до самой крепости Святой Крест. А для «покрытия приставляющих тамо судов» была построена «малая крепость, или ретранжамет»². Все это позволило установить более регулярное сообщение с Астраханью.

Таким образом, продвижение торговых интересов царской России в Западном Прикаспии, прямо или косвенно способствовало развитию экономики региона, росту благосостояния прикаспийских народностей, а также углублению российско-прикаспийского экономического интегрирования. Особенности социально-экономического развития и политического положения Западного Прикаспия способствовали дальнейшему развитию интеграционных процессов, расширению взаимовыгодной торговли с Россией, что в свою очередь активизировал процесс развития товарно-денежных отношений в регионе.

Народы Кавказа испытывали жизненную потребность в развитии торговли с Россией, осуществляемой в то время в основном через Прикаспий. В свою очередь российское правительство отводило Прикаспию важное место в своих экономических планах на Кавказе, рассматривая его источник сырья для набирающей обороты текстильной промышленности и узел торговли с народами Кавказа и со странами Востока. Присоединение к России прикаспийских провинций должно было существенным образом отразиться на увеличении государственных доходов за счет торговых пошлин. Хотя политика Петра I на Кавказе, выражавшая интересы российских помещиков и купцов, была направлена на превращение Прикаспийских областей в сырьевую базу русской мануфактурной промышленности, тем не менее, объективно присоединение этого региона к России имело большое позитивное значение.

---

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 121.

² Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 76.

ГЛАВА III. РЕГИОНАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ В ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ В XVII – XVIII В.

§ 1. Роль Астрахани и Терки в прикаспийской региональной торговле

В рассматриваемый период для торговых центров Западного Прикаспия была характерна определенная вовлеченность в региональную экономическую систему Кавказа, в иранскую, в османскую, в среднеазиатскую экономическую сферы. Одновременно весьма активно Западный Прикаспий в XVII – XVIII вв. втягивался в торгово-экономическую систему и Русского государства. В Прикаспийских областях более чем где-либо были развиты товарное и денежное обращение. Помимо местной продукции (марена, соль, пшеница, скот, шерстяные изделия домашней промышленности, ремесленные изделия и др.) в обращении было много товаров, поступавших из Ирана, Закавказья, России (а через Россию и из Западной Европы). Также и с деньгами; в широком хождении были российские, иранские, дербентские, шемахинские и другие монеты.

В торговле господствующей была товарно-денежная форма, больше – во внешнеторговых операциях, меньше – в операциях внутренней торговли. Но и в тех случаях, когда в заключенных торговых сделках денег не было в обращении, они непременно присутствовали в функции определения меры стоимости, т.е. даже в случаях натурального обмена обмен шел в натуре на деньги, обмен товарами производился исходя из цены (денежного выражения стоимости) каждого товара. Так что этот натуральный обмен был принципиально отличным от первичного, буквального натурального обмена.¹

Одним из пунктов средоточия региональной торговли в Прикаспии и главным центром торговли России с Прикаспийскими областями являлась Астрахань, основанная в 1558 г. Стоящая при выходе Волжского торгового пути в Каспийское море, Астрахань после присоединения к России стала главными воротами России в страны Прикаспия и Востока и очень быстро превратилась в важный торгово-промышленный и военно-административный центр Юга России.²

¹ Михавлевский Ф.И. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948. С. 16.

² Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 7.

Благодаря своему расположению в устье Волги, по которой издавна проходил путь из Европы в Китай, Среднюю Азию, Индию и Иран, Астрахань славилась и в древности «своей обширностью и богатством».¹ Подчеркивая значительную роль Астрахани как центра региональной и международной торговли в XVII в., Н. Костомаров писал: «Средоточием персидской торговли для России была Астрахань, которая вела эту торговлю через Дербент. Персидские купцы, приезжая в Астрахань, становились на особом дворе, называемом Гилянским. Они прибывали в Астрахань по Каспийскому морю на государевых бусах; у них были товары от шаха, а у иных свои собственные...»².

Посетивший Астрахань в XVII в. А. Олеарий отмечал, что это крупный торговый город с оживленной речной гаванью, несколькими базарами, множеством ремесленных заведений, окруженный обширными садами.³ Вот каким застало город в 1599 г. иранское посольство, направлявшееся через Россию в страны Западной Европы: «Город Астрахань имеет 5000 жителей. Все дома его деревянные, только крепость, очень сильная, где живет главный начальник, выстроена из камня; стены ее значительной высоты и толщины. Она охраняется весьма бдительно множеством ратников, и доступ в нее можно получить только по особому разрешению»⁴.

В интересах поддержания торговых отношений с Прикаспийскими областями российское правительство стало заботиться об организации более или менее регулярного сообщения между Астраханью и кавказскими портами Каспийского моря, объявив Каспийское мореходство делом «государским». В Астрахани в ведении воеводы находилось специальное государственное учреждение – Деловой двор, которое занималось строительством судов и самим мореплаванием на Каспии. При Деловом дворе состоял штат корабельных мастеров, подчинявшийся «голове», здесь же имелись «кормщики», т.е. шкиперы для мореходных бус. В ведении Делового двора числилось также флотилия речных и морских стругов, на которых стрельцы несли службу по охране судоходства.⁵

---

¹ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956. С. 53.

² Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 45 – 46.

³ Олеарий А. Указ. соч. С. 455; Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 145.

⁴ Цит. по кн.: Тушин Ю.П. Указ. соч. С. 61.

⁵ Там же. С. 40-65.

О роли Астрахани как крупного торгово-ремесленного центра Прикаспия свидетельствуют данные М. Чулкова о том, что Астрахань имела 175 больших и малых предприятий – шелковых, бумажных, кожевенных и прочих мануфактур и мастерских.¹

По данным Н.Б. Голиковой, в Белом городе – второй астраханской крепости (первой является астраханский Кремль) – находились таможня и государственные учреждения – «дворы»: Посольский, Табачной продажи, Питейный, где хранили и продавали казенное вино, Кружечный, где шла торговля пивом и медом, Житный, где хранили запасы зерна. В центре Белого города в XVII в. стояли гостиные дворы Русский, Индийский, Армянский и др.² Помимо гостиных дворов здесь находились погреба, кладовые, конюшни, сараи.³ Вся ближайшая к Кремлю центральная часть города была занята 9 торговыми рядами (Большой, Рыбный, Мясной, Медовый, Калашный, Ветошный, Шапочный, Сапожный и Гарянский), в которых в 1707 г. насчитывалось 303 лавки.⁴ Это был шумный и густонаселенный многонациональный город. По регламенту Главного магистрата, составленному в 1721 г., Астрахань была отнесена к городам первого разряда вместе с Москвой, Петербургом, Ярославлем, Вологдой, Нижним Новгородом, Казанью, Великим Новгородом, Архангельском, Ригой и Ревелем.

К числу наиболее крупных купцов в Астрахани, ведущих торговлю с городами Прикаспия, относился посадский человек Тихон Демидович Лошкарев, известный как Демидов. Главным предметом его торговли были рыба и восточные товары, причем рыбу он добывал на собственных промыслах, а восточные товары закупал в Дербенте, Баку и других прикаспийских городах. Товары Демидов возил на собственных речных и морских судах. В 1724 г. он истратил на наем работных людей 2934 руб. Всего он нанял 229 человек на речные струги, шедшие в Саратов, Нижний Новгород и на Макарьевскую ярмарку, а также 29 человек на дербентскую бусу и 76 человек на рыбные промыслы. О разнообразии торговых сделок астраханского купца Демидова свидетельствуют данные о семи его явках товаров с января по июнь 1724 г. Он отправил в Москву шелк, в Нижний Новгород – рыбу, шелк, восточные ткани и кружева, в Ярославль – овчины, на Макарьевскую яр-

---

¹ Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений. Т. 2. Кн. 2. СПб., 1785. С. 458 – 459.

² Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 9.

³ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. № 33.

⁴ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 10.

марку – рыбу и лисьи шкурки, в Дербент – холст, подошвенную кожу, предметы галантереи и хмель.¹

Своими крупными торговыми операциями не менее был известен другой астраханский купец В.И. Хомутский, имевший «купечество хлебное, калмыцкий торг и соляной промысел». Он, владея морским судном, занимался поставкой в Прикаспийские города, в частности в Терки, холста, крашенины и других тканей, а также муки, пеньки, пряжи, ларца и других товаров.²

Большую активность в прикаспийской региональной торговле проявлял третий купец из Астрахани Г.М. Толмачев. Он имел стружок, на котором возил как свои, так и чужие товары, очень часто бывал по торговым делам в Дербенте. У него имелось несколько наемных работников и четыре крепостных. Посадские люди Т. Чечкин и Ф. Хлебников совместно владели стругом, на который нанимали 6 – 7 работников. Они ходили в крепость Святого Креста, Тарки, Дербент и другие кавказские порты по торговым делам. Судя по документам Кизлярского комендантского архива, коммерческая деятельность Ф. Хлебникова в последующем пошла в гору.³

По мнению Н.Б. Голиковой, из занятий, которые получили довольно широкое распространение среди населения Астрахани, можно назвать «струговой промысел», т.е. перевозка товаров и людей на стругах и лодках, а также на морских судах. Морские суда из Астрахани ходили в Терки, крепость Святого Креста, а также вверх по Волге, занимаясь реэкспортом восточных и европейских товаров.⁴ Когда астраханский порт замерзал, движение через него закрывалось с ноября по март. В это время торговые суда стояли на зимовке в незамерзающих портах Прикаспия, в частности в Дербенте и Низовой, и занимались внутренней перевозкой товаров по прибыльным ценам. Причем, зачастую астраханские судовладельцы отправляли свои суда на юг, отдавая их терским, дербентским, шемахинским купцам на откуп.

Астрахань является одним из крупных торговых городов России, где можно было приобрести товары разного ассортимента. Туда для закупки товаров ездили купцы почти из всех городов Прикаспия. Так, например, в августе 1725 г. терский стрелец А. Кононов купил в Астрахани на 205 руб. 60 коп. 4000 аршин холста гребнины, 3000 аршин холста хряща, 30 пудов пряжи, 50 коровьих войлоков и «пульки»

¹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 121.

² Там же.

³ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

⁴ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 154.

кремней для перепродажи в Терках.¹ В 1724 г. купец И.П. Чарин повез из Астрахани в Дербент 500 аршин холста хряща, 200 замков, 100 дюжин ножиц, 3 стопы писчей бумаги, 50000 иголок и булавок, 17000 мунжука, 7 связок наперстков, 4 дюжины складных ножей и 400 коробок «малой руки»². Среди товаров, вывозимых купцами из Астрахани в Терки, крепость Святого Креста, Дербент и Баку также упоминаются говяжье, баранье сало, топленое масло, а также овощи и фрукты.³

Среди товаров, поступавших в Астрахань из городов Прикаспия, преобладали местные продукты сельхозпроизводства, а именно сорочинское пшено (рис), чихирь (вино), грецкие орехи, сушеные фрукты. По неполным данным, за период с 1733 по 1735 год этих товаров из Дербента в Астрахань поступило на сумму более 6 тыс. руб. Так, например, в начале 30-х гг. XVIII в. тремя дербентским купцами было вывезено из Дербента в Астрахань в общей сложности 28 бочек «дербентского чихиря»⁴. 24 октября 1738 г. из Дербента ушло судно астраханского купца Т. Лошкарева, на котором было погружено «покупного чихирю 100 бочек, одна тая орехов грецких, гороху дербентского (нохут), пшеницы дербентской одна тая», а 5 сентября 1739 г. судно того же купца вывезло в Астрахань «марену – 550 пудов, сала бараньего – 64 пуда, коровьего масла – 104 пуда»⁵. Анализируя многочисленные архивные документы, в частности, включенные в сборник «Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.» можно сделать вывод, что торговые рейсы между Астраханью и городами Прикаспия было обычным явлением.

Значительную роль в торговых связях Астрахани с другими центрами прикаспийской торговли играло население так называемых восточных колоний. Изучая русско-восточную торговлю XVI в. М.В. Фехнер писал, что уже тогда в Астрахани можно было встретить много купцов из средней Азии, Персии, Турции и Закавказья, которые регулярно вели здесь свои коммерческие дела.⁶

Исследуя роль астраханских восточных колоний в развитии торговых связей, Н.Б. Голикова отмечает, что в первой четверти XVIII в. их поездки шли в трех основных направлениях: вверх по Волге до Моск-

---

¹ РГАДА. Ф. 350. Д. 5465. Л. 180; Ф. 681. Оп. 6. Д. 26. Л. 20.

² ЦГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 86. Л. 9 об.

³ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 152.

⁴ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 3952. Л. 108.

⁵ Там же.

⁶ Фехнер М.В. Указ. соч. С. 54 – 55.

вы, на запад в города Слободской Украины и на Северный Кавказ.¹ Опираясь на архивные материалы, исследователь приходит к выводу, что в 1724 – 1725 гг. основная масса товаров, вывозимых восточными купцами из Астрахани по Каспию, приходилась на кавказские порты (177 явок из 254). А именно: индийцы сделали 97 явок, из которых 12 в Гилян, а остальные в Дербент и Баку; армяне 110 явок, из них 63 – в Гилян, остальные в Дербент и Баку; жители Гилянского двора – 41 явку в Дербент; татары – 6 явок, из них 2 – в Гилян, а остальные в Дербент и Баку.²

Как видно из вышеприведенных данных, крупными поставщиками товаров из Астрахани в другие города Прикаспия являются армяне и индийские купцы. Это подтверждается и сведениями таможенной книги 1725 г., из которой видно, что за 3 месяца, приходящегося на конец навигации, 43 армянина привезли в Астрахань и отправили из своих за в Гилян, Баку и Дербент товаров на 1 672 руб., а 47 индийцев привезли товаров на 35 659 руб.³, т.е. на сумму в три раза большую.

Вторым по значимости после Астрахани центром прикаспийской региональной торговли в XVII – XVIII вв. являлся построенный на перекрестке важнейших путей, ведущих из Крыма через Северный Кавказ и из Закавказья по побережью Каспийского моря к Волге, Терский городок. Этот городок был поставлен русскими в 1567 г. «на реке Терке на устье Сунши реки». Однако вскоре городок был снесен, но в 1588 г. город на Терке, русским правительством вновь был восстановлен как городок, имеющий стратегическое значение, но уже на новом месте, близ Тюменки – протоке Терека, вследствие чего в источниках он именуется и Тюменью, или Тереком.⁴

Описывая место расположения Терского городка, автор труда «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно», немецкий ученый Адам Олеарий писал: «Город Терки лежит в доброй полумиле от берега на небольшой, очень искривленной речке Тименке (Тюменка – Авт.), которая отведена сюда от большой реки Быстрой... местность тут ровная и не видно ни холма, что противоречит карте Николая Иоганна Пискатора: Пискатор ставит Терки на го-

¹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 181.

² Там же. С. 182.

³ РГАДА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.

⁴ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 129 – 130; Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763. С. 259.

рах, смешивая Терки с дагестанским Тарку. Это самый крайний город московитского царя...»¹.

В XVII в. Терский городок – важный торгово-экономический центр, где шла оживленная торговля между русскими и северокавказскими купцами. Как сообщала Е.Н. Кушева, в Терках находилось «не только военно-служилое население – там жили временно или постоянно русские торговые люди, работные люди, обслуживавшие приходившие с моря бусы и стружки и рыбные промыслы»². Кроме того, под стенами крепости Терки, отмечал московский купец Федот Котов, «раскинулись большие слободы – Черкасская слобода, Окоцкая, Татарская и слобода новокрещенных черкесов»³, где постоянно жило северокавказское население. Большинство населения составляли чеченцы и дагестанцы различных этнических групп (мичигыш, шебуты и т.п.)⁴.

В Терском городке были созданы все условия для развития торгово-экономических контактов северокавказских горцев с русскими купцами. Кроме официальных учреждений, здесь имелись торговые ряды, гостиные дворы, таможня, караван-сарай. По данным Федота Котова, в крепости Терки имелись многочисленные базары, храмы и дома, около города много садов, а в садах много всяких овощей.⁵ По сведениям турецкого путешественника XVII в. Эвлия Челеби, явно преувеличенным, здесь было 9 тыс. каменных строений, 70 церквей, 3 тыс. лавок и 10 постоялых дворов.⁶ Также в городе имелась таможня для взимания пошлин с привозимых товаров. Два раза в неделю в базарные дни местные северокавказские жители пригоняли в Терский городок лошадей и скот на продажу.⁷

Город Терки был расположен в пяти верстах от моря⁸, где при впадении Тюменки была устроена пристань, у которой причаливали для

---

¹ Там же. С. 81.

² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 292.

³ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 64.

⁴ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы. V – середина XIX в. Ростов-на-Дону, 1984. С. 49.

⁵ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. С. 64

⁶ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Вып. 2. М., 1979. С. 127.

⁷ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 298.

⁸ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 64

разгрузки и погрузки морские суда, поскольку они не могли подходить к самому городу, «так как берег здесь на $\frac{1}{4}$ мили протяжения низок, болотист и порос тростником». Поэтому «с моря нельзя иначе попасть в город, как по речке» на лодках.¹

У главного устья Терека разгружались товары, присылавшиеся из Астрахани, военное снаряжение, разные припасы и хлеб на жалованье служилым людям. Для этих припасов и товаров в гавани было выстроено несколько государственных и частных хранилищ. На взморье строили и морские суда. «В море напротив устья Терека у острова Чечень, до которого идти под парусом полдня, терские жители, тарковские кумыки и горские черкасы ловят рыбу»².

В связи с усилением торгово-экономических контактов Русского государства с Прикаспийскими областями, значительную роль в торговых связях с Россией через Терский городок играли кумыкские владельцы, кайтагский владелец, кабардинские князья, жившие в Терках. В Терский городок из Чечни и дагестанских владений поступал хлеб, если по каким-то причинам не поступал из России. Нередко терские жители сами отправлялись за хлебом в Астрахань. Как сообщается в одном из архивных документов, в августе 1672 г. «терский кумычанин Янтуначка Кумыков в лодке из Астрахани в Терки вывозит 15 мешков муки ржаной, а также 5 медных котлов, коробку порожную, сукна 4 аршин. С ним 3 человека его работников из терских окочан, у которых имелся свой товар: 12 медных котлов, четыре аршина сукна и две коробки с мелочью»³.

Северокавказские горцы поставляли в Терский городок просо, ячмень, мед, овчины, марену, фрукты. Торговля мареной приносила им большие доходы. Как отмечал Н.И. Костомаров, «в XVII в. довольно важна сделалась торговля мареною. Многие торговцы оставляли другие предметы, чтобы обратить деятельность на марену. Марена произрастала около Терека на протяжении шестидесяти верст. Жители Терека и гребенские казаки собирали ее и продавали персидским купцам. Каждогодно из Персии по шести и осьми бус... нагружались единственно мареною... Правительство (Российского государства) долго не знало об этом промысле. Царь (узнав об этом) приказал объявить жителям Терека, чтобы они не продавали марены в Персию, а доставляли

---

¹ Там же. С. 81.

² Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 65.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. / Документы и материалы. Махачкала, 1958. С. 202.

ее в казну, которая будет платить им с прибавкою, велено было строить в Терке амбар для складки марены...»¹. Марене предстояло стать и быть основной технической культурой, имевшей огромный спрос на рынках России и Европы, и экспортироваться в значительных количествах из Дагестана в течение последующих двух столетий.

Важной статьей торговли в Терском городке являлся шелк, поставляемый сюда из Тарки, Дербента, Шемахи. Кроме того, в самом городке «Терках шелк делают...», – отмечал Ф.И. Соймонов. «Воздух, теплота и состояние земли суть в Терках к деланию шелку не меньше способны, – продолжал он, – как в Гиляне. Везде находятся шелковичные деревья. Тамошний шелк ни мало не уступает Гилянскому, да и может быть еще превосходить добротой оной»².

Ногайцы поставляли в Терки скот и продукты скотоводства. Здесь в торговле с ногайцами русские и другие местные народы были заинтересованы не меньше чем сами ногайцы. Последних нередко освобождали от уплаты торговых пошлин³. Терскими низовыми казаками в Терский городок поставлялись рыба и продукты рыболовства – балык, рыбный клей, тюленьи шкуры, тюлений жир; кабардинцы поставляли скакунов⁴.

У горских народов терские казаки приобретали оружие и необходимый для хозяйства инвентарь. В то время в Русском государстве большим спросом пользовалось «кавказского дела оружие»⁵. В связи с этим в Терки, а затем и в Астрахань поселяются многие дагестанские и кабардинские оружейники, седельники, серебряных дел мастера.⁶ Таким образом, в округе Терского городка сложились условия, способствовавшие установлению тесных экономических контактов между русскими и народами Северо-Восточного Кавказа, основой которых была взаимозависимость и взаимозаинтересованность.

---

¹ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетии. СПб., 1862. С. 241 – 242.

² Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 343 – 344.

³ Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – начале XX в. Махачкала, 2008. С. 65.

⁴ Иноземцева Е.И. Торговля в Терском городе и крепости Святого Креста – важный фактор экономической интеграции Северо-Восточного Кавказа и России (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 76.

⁵ Кабардино-русские отношения в XVI – XVII вв. Т. 1. М., 1957. С. 322 – 323.

⁶ Кабардино-русские отношения в XVI – XVII вв. Т. 1. М., 1957. С. 322 – 323.

Среди товаров, поступавших из России в Терки или через Терки на Северный Кавказ, перечисляются: шубы, шапки, башмаки, сукно, стальные булавки, иглы, наперстки, медные котлы, бумага писчая и т.п. Как свидетельствуют выписи Астраханской приказной избы, ассортимент ввезенных в 1676 г. из Астрахани в Терки товаров очень разнообразен и обширен. Среди них: кожи разных цветов, медь, сита, решета, деревянные чашки, окованные ларцы, котлы различной величины, зеркала, иглы наперстки, булавки, пух гусиный, железные ведра, ножницы, белила, румяна и др.¹

Как отмечал Н.П. Гриценко, на рубеже XVII в. Терки стал вывозить больше товаров, чем Дербент, так как через Терки с Астраханью, а через нее с Россией были связаны купцы со всего Кавказа. Активное участие в торговле принимали и сами жители Терского городка: стрельцы, посадские люди, окочане, уздени Каспулата Черкасского, а также кумыки, жители Чечни, Ингушетии и др.²

По данным 51 выписи астраханской приказной палаты 80-х гг. XVII в. пунктом назначения товаров являлся Терки. Отправляли эти товары частью астраханские купцы, но главным образом, окочане, кабардинцы, кумыки, тезики, индийцы, армяне³, проживавшие в Терках.

Как центр региональной и международной транзитной торговли, Терский городок получал большие доходы. Неслучайно между терскими воеводами и князьями Черкасскими завязалась тяжба о налоговой пошлине, закончившаяся тем, что в 1678 г. Каспулат Черкасский вместо денежного и хлебного жалования получил от правительства право сбора таможенных пошлин в Терки. Царь Федор Алексеевич в жалованной грамоте предписывал вместо «голов и целовальников», собиравших в Терки пошлины с горских и приезжих купцов, впредь эти обязанности возложить на Каспулата Муцаловича до самой его смерти. При этом предписано было, чтобы городским и приезжим купцам «не было обид, разорения и утеснения» причинено.⁴

В начале XVIII в. Терки российским правительством, как и прежде, отводилась важная роль в его экономической политике на Кавказе. Судя по архивным данным, Терский городок и в первой четверти XVIII в. являлся после Астрахани центром транзитной торговли России с народами Северного Кавказа. Так за период с 1720 по 1723 гг.

---

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 205 – 213.

² Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 52.

³ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 128.

⁴ Гриценко Н.П. Указ. соч. С. 53.

«таможенный оклад» с оборота рынка Терского города составлял сумму 1149 руб.¹

Как было выше отмечено, в торговых отношениях с Астраханью и другими русскими городами участвовали терские жители. В 1723 г. терский конный казак вывез в Терки из Астрахани 1000 аршин холста, 10 пудов пеньки, два куля кремней и 10000 мелкого мунжуку.²

Активное участие в торговле с Россией через Терский городок принимали феодальные владельцы Северного Кавказа. За соблюдение верности Русскому государству, отмечал В.Г. Гаджиев, дагестанским и кабардинским феодалам «разрешалось свободно торговать в России». Товары, привозимые купцами феодалов, «по их челобитью обычно освобождались от оплаты пошлинами».³ Феодальные владельцы добивались от Московского государства разрешения вывозить из России беспошлинно и «заповедные» товары, т.е. металлы, панцири, сабли, копья, порох и т.п.

Не менее активными в торговле были так называемые терские торговцы-тезики. По мнению Е.Н. Кушевой, терские тезики это «восточные купцы из Ирана, Закавказья, Дербента, приезжие и обосновавшиеся здесь (в Терках) надолго, с женами и детьми. Еще в 1629 г. тезик Хозянур сообщал, что он живет в Терках уже лет 20 и торгует, «сложась с русскими людьми».⁴

Как отмечает Н.Б. Голикова, национальный состав терских тезиков был очень пестрым. Среди них были армяне, кабардинцы, окочены и татары.⁵ Постоянным местонахождением терских тезиков в XVII – первой четверти XVIII в. был Терский городок.

§ 2. Крепость Святого Креста и Кизляр – центры западно-прикаспийской торговли

Как известно, с походом Петра I в Прикаспий был упразднен Терский городок. Во время Каспийского (Персидского) похода император посетил и осмотрел Терский городок. Расположение города, отмечал П.Г. Бутков, «ему не понравилось, по низкому и нездоровому месту, а особенно, что укрепление оногo потопляемо бывает морскою приби-

---

¹ ЦГА АО. Ф. Астраханская воеводческая канцелярия. Оп. 1. Д. 259. Л. 11.

² Там же. Ф. 681. Оп. 6. Д. 25. Л. 9.

³ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 86 – 87.

⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 298.

⁵ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 188.

люю водою».¹ Петр I приказал основать крепость на новом более удобном месте.

22 сентября 1724 г. император подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей Терского городка. Новая крепость Святой Крест находилась «у реки Сулак в 20 верстах южнее Терека, в 67 верстах от устья реки Аграхани, там, где Койсу делится на два рукава: Южный Сулак и Северную Аграхань». По указу Петра I «от крепости Святой Крест по Сулаку до морского устья... да от крепости ж Святого Креста по Аграхани» было поселено 1000 семейств донских казаков.²

У крепости Святого Креста были переселены выходцы из народов Северо-Восточного Кавказа, которые образовали здесь «татарскую слободку». Сюда же откочевали и ногайцы. По данным И.-Г. Гербера, число поселившихся у крепости Святой Крест составляло «от 200 до 300 фамилий». По сведениям того же автора, поселившиеся у крепости северокавказские горцы занимались скотоводством, различного рода промыслами, но одно из ведущих мест в их хозяйстве занимала торговля.³

В посад крепости стало заселяться также много армян, грузин, персидские купцы⁴, которым власти, заинтересованные в развитии ремесла и торговли, предоставляли льготы, а также русские торговцы.

Сообщение крепости Святого Креста с морем стало возможным благодаря строительству на Сулаке плотины. Это позволило установить более регулярное морское сообщение с портами на Каспии, способствовало развитию торговли, увеличению товарооборота и росту рынка крепости Святого Креста.⁵

Более успешному развитию торговли в крепости Святого Креста способствовало решение Сената от 28 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мяс-

---

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 20.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 280.

³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М., 1979. С. 70 – 71.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С. 118.

⁵ Иноземцева Е.И. Торговля в Терском городе и крепости Святого Креста – важный фактор экономической интеграции Северо-Восточного Кавказа и России (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). С. 78 – 79.

ных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста»¹. На рынок посада собирались представители всех народностей Северо-Восточного Кавказа. Здесь собирался крупнейший конский базар, где также торговали крупнорогатым и мелкорогатым скотом. Эта крепость служила и крупным узловым пунктом торговли России с народами Северного Кавказа.

За стенами крепости Святого Креста постоянно жили местные купцы и торговцы, покупавшие у горцев излишки продуктов и ремесленные изделия. Здесь же, по свидетельству участника Персидского похода Петра I И.-Г. Гербера, «имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянскими, горскими, чеченцами, татарами и прочие»². Активное участие в торговле принимали и русские марки-танты – торговцы, обслуживающие русские войска»³. Они вступали в торговые связи и с горцами Северо-Восточного Кавказа.

В крепости Святого Креста существовали гражданская канцелярия и таможня, строго следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей, выдававшие им письменные разрешения на выезд в другие города и государства. По справочным данным гражданской канцелярии крепости Святого Креста, за 1729 г. подали прошение о разрешении выехать в Дербент, Шемаху, Гилян и другие центры международной транзитной торговли 58 купцов, в Кабарду – 16 человек, в гребенские городки для торговли и покупки там рыбы – 23, в ногайские аулы – 11 человек, в Астрахань сухим и морским путем – 59 человек.⁴

В крепости из числа местного населения определенная часть обслуживала приезжих купцов, занимаясь погрузкой, разгрузкой и даже перевозкой товаров в место назначения. Здесь же находился, так называемый Деловой двор, где работали столяры, бондари, плотники, слесари, кузнецы, пильщики, седельники, извозчики и др.⁵

Из местных товаров через крепость Святого Креста в Россию экспортировались меха диких зверей, олени шкуры, воск, чихирь (вино) горский, сушеные фрукты, корень марены и ремесленные изделия. А из Астрахани в крепость Святого Креста, а оттуда к горцам в основном

---

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 295.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 64.

³ ГУ «ЦГА РД». Ф. 382. Оп. 1. Д. 22. Л. 18 – 22, 24.

⁴ Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. С. 80.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 382. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

поступали традиционные русские товары: железо, железные и деревянные изделия, канцелярская бумага, русские и европейские ткани, кожа и кожаные изделия и т.п.

Из России в крепость Святого Креста также поступало продовольствие. Так, в 1732 г. из Астрахани в крепость было отправлено 24 партии продовольствия на сумму 9304 руб.¹ В роли поставщиков продовольствия в основном выступали астраханские посадские люди. Приезжали торговать также посадские люди из Поволжья, Москвы и других российских городов.

Между тем в середине 30-х гг. XVIII в. международная обстановка на Кавказе изменилась, Россия перенесла свою южную границу на р.Терек, города Баку и Дербент перешли под власть шаха Ирана. В соответствии с условиями Гянджинского мирного договора от 27 октября 1735 г. была упразднена крепость Святого Креста.

В 1735 г. после упразднения крепости Святого Креста был основан город Кизляр как главный административный и торгово-экономический центр на Северо-Восточном Кавказе. Кизляр стал выполнять функции важного транзитного пункта в торговле России с народами Северного Кавказа и Закавказья. К тому же, Кизляр, продолжив сложившиеся традиции своих предшественников, крепостей Терки и Святой Крест, к середине XVIII в. становится средоточием российско-северокавказских экономических связей и важным торгово-экономическим центром Северного Кавказа, в котором народы региона осуществляли торговые контакты между собой.

Благодаря выгодному положению Кизляра сюда стекалось купечество. В Кизлярском округе к концу XVIII в. проживало до 5223 купцов, мещан, цеховых, отставных солдат, государственных и помещичьих крестьян, дворовых людей, грузин, армян, горцев и татар.² Тогда же в Кизляре возникают три больших рынка: русский, армянский и татарский, для приезжих купцов были выстроены караван-сарай.³ На базары Кизляра съезжались представители всех народностей Северо-Восточного Кавказа, привозя с собой на продажу продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняли скот, сплавляли по Тереку строительный лес. Среди остальных городов Северного Кавказа Кизляр в то время был самым крупным торговым центром. «Кизляр, – от-

---

¹ Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России XVII – начале XIX в. М., 1975. С. 178.

² АКАК. Т. 2. Тифлис, 1868. С. 923.

³ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала, 1986. С. 83.

мечал А.В. Фадеев, – долгое время оставался единственным во всем Предкавказье городом».¹

К моменту основания Кизляра были установлены торгово-экономические контакты города с народами Дагестана, Чечни, Ингушетии и т.д.² Еще до основания Моздока в Кизляре торговали осетины и кабардинцы. «В продолжение полувека до устройства на Кавказе Моздокской линии, – писал А. Берже, – Кизляр был, так сказать, русской столицей на Кавказе»³.

Российское правительство «отводило Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления своего влияния в данном регионе»⁴. С упразднением крепости Святого Креста к Кизляру были переведены жившие там кабардинцы, окочены, новокрещены, армяне, грузины, дагестанцы, тезики, казанские татары. Сюда были переселены бывшие терские городовые казаки, жившие в Терках и соединившиеся в начале XVIII в. со служившими при этом городе окоченными, новокрещенными и др. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками.

Российское правительство, будучи заинтересовано в быстром заселении Кизляра и увеличении его населения, предоставляло льготы всем поселенцам. Город был разделен на восемь кварталов, отделенных друг от друга земляными валами. Самый большой из них – Армянский, населенный исключительно армянами, часть из которых еще с давних времен проживала в старом Кизляре, часть переселена из крепости Святого Креста.⁵ Другой квартал был заселен грузинами, которых в середине XVIII в. насчитывалось 200 дворов.⁶ В квартале терских казаков жили русские казаки многонационального терско-

---

¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 63

² Ахмадов Ш.Б. Кизляр как главный торгово-экономический центр на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 205.

³ Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. М., 1957. С. 747.

⁴ Феодаева Ф.З. Кизляр – экономический и административный центр России на Северном Кавказе в XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Тезисы докладов. Махачкала, 1980. С. 82.

⁵ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 87.

⁶ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 3. СПб., 1869. С. 56.

кизлярского казачьего войска. Квартал новокрещенов был населен представителями местных народов, принявших христианскую веру и переведенных в Кизляр из крепости Святого Креста, в которой также существовал такой же квартал. Квартал Окочир-аул населяли потомки тех ококов (ауховцы), которые в Терском городке населяли Окоцкую слободу. Черкес-аул был населен кабардинцами, жившими раньше у крепости Святого Креста и продолжавшими служить в составе кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярской конницы. Казанскую деревню населяли казанские татары, попавшие в регион по причине участия в Каспийском походе Петра I, в качестве переводчиков.¹ Квартал Тезик-аул занимал восточную окраину мусульманской слободы, население которого составляли российские подданные и «тезикское общество», занимавшиеся в основном земледелием, скотоводством и торговлей. В этом же квартале проживали кумыки и другие дагестанские народы.

Наиболее оживленными были связи Кизляра с местными дагестанскими и чеченскими торгово-ремесленными центрами. Среди них селения Эндери, Аксай, Костек, Тарки, Брагуны, Новый Юрт и др. Селение Эндери, расположенное в 90 километрах от Кизляра, раньше всех устанавливает торговые связи с городом. Жители Эндерея в Кизляр в основном поставляли корень дикорастущей марены – сырье для производства ценного красителя (крап) для текстильной промышленности России, а также шелк-сырец. По далеко неполным архивным данным, в 1768 г. через Кизлярскую таможенную из Эндерея было вывезено 75,5 харалов марены (т.е. 1132 пуд), в 1722 г. – 161,5 харалов и 51 мешок или 2415 пудов.²

Второе место в торгово-экономических связях с Кизляром занимало селение Аксай, расположенное на границе с Чечней³. Аксай на своем рынке поглощал много продуктов и изделий, доставляемых из чеченских населенных пунктов, и в свою очередь эти товары перепродавали в Кизляр, а оттуда товары поступали через Астрахань в Россию. Как свидетельствовал С. Броневский, в селение Аксай чеченцы «променивают сырые кожи, меха, воск, мед, лошадей, рогатый скот, войлоки на нужные для них вещи, как-то: порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст, юфть»⁴.

¹ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 83.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 750. Л. 3, 12.

³ Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 206.

⁴ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С. 55 – 56.

Значительную роль в торгово-экономических контактах с гребенскими казаками и Кизляром играло селение Брагуны, основанное еще в XVI в. на левом берегу р. Сунжа. Отсюда в Кизляр вывозили бурки, горское сукно, овчины, шкуры домашних и диких животных, шелк-сырец, лошадей и скот. По сведениям А.М. Буцковского, который был командирован в 1810 г. на Кавказскую линию для описания Кавказской губернии, брагунцы также «промышляют торгом леса, который по Тереку в Кизляр гонят»¹. С городом Кизляром поддерживали торговые отношения и другие чеченские аулы, среди которых Большой Чечень, Старый Юрт, Урус-Мартан, Старые Атаги и др.²

Для народов Северного Кавказа реализация их товаров была насущной проблемой, поэтому они собирались с товарами у русской границы по Тереку. Горцы торговали с казаками, русскими, армянскими и другими восточными в пограничных городах, в частности, в Кизляре. Казаки охотно приобретали у горцев бурки, шубы, шапки, а также продукты сельского хозяйства – пшено, просо, муку, воск, мед. Взамен казаки предлагали горцам рыбу, икру, соль и т.д.³

С основанием Кизляра вывоз товаров из России на Северо-Восточный Кавказ постоянно увеличивается. Из России транзитом через Кизляр в регион шли главным образом промышленные товары широкого потребления русского производства. Среди местных товаров, поставляемых в Россию, упоминаются чихирь (вино), сорочинское пшено (рис), грецкие орехи, пастила тарковская, чеснок горский, сушеные фрукты, меха диких зверей, олени, конские и бычьи кожи, мarena, сукно горское, бурки, кафтаны и шальвары черкасские, кумачи Кизлярской окраски.⁴

Архивные данные позволяют заметить тенденцию роста поступления товаров из России в Кизляр, через Кизляр на Северный Кавказ. Если в течение двух лет после основания Кизляра в город из Астрахани было отправлено 9 партий товара общей суммой 1127 руб., то через десять лет, в 1747 г. в Кизляр 44 торговцами было вывезено 44 партии товаров на сумму 14938 руб.⁵

---

¹ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С. 245.

² Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 206.

³ Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 337.

⁴ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX в. // Труды ЧИНИИЯЛ. Т. 4. Грозный, 1969. С. 289.

⁵ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 89.

В 1749 г. в четырех партиях товаров, доставленных в Кизляр из Астрахани, было 63877 аршин холста костромского и других сортов и 16651 аршин пестряди, а также кармазину 626 аршин, зеленого чая – 4 пуда, сахара – 4 пуда, оренбургских и украинских платков – 420, ложек деревянных – 800, кофе – 20 пудов, писчей бумаги – 15 стоп, а также мыло, перец, горчица и т.п.¹

Наиболее оживленной были торговые связи на Северо-Восточном Кавказе между гребенскими казаками и чеченцами и ингушами. Здесь большой спрос со стороны горцев, занимавшихся главным образом скотоводством и земледелием, был на соль, фрукты, овощи, рыбу и холст кустарного производства. Предметами торговли русских были также хлопчатобумажные изделия, железо, из которого горцы изготовляли серпы и косы, а также свинец для изготовления пуль.

Взамен русские торговые люди получали от горцев лошадей, мелкий и крупный рогатый скот, бурки, башлыки. Особым спросом пользовались горские двухколесные арбы и аробные колеса, которых казаки не умели изготавливать, испытывая в них острую необходимость.

На аробные колеса чеченского производства, отмечает Ш.Б. Ахмадов, со стороны русских был такой спрос, что местные власти обложили их высокой пошлиной. В этой связи в 1771 г. казаки подали ходатайство в Сенат об освобождении вывозимых из Чечни колес от таможенных пошлин.² Однако ходатайство казаков Сенат отклонил, объясняя отказ тем, что он «не находит прямых причин, для которых бы необходимо должно было сделанное до ныне о взятъе пошлин при вымене казаками у татар аробных колес таможенное положение уничтожить... и через то подавать способ к уменьшению пошлинного сбора»³.

Во второй половине XVIII в. Кизляр сыграл особую роль в жизни народов Северо-Восточного Кавказа, превратившись в крупнейший для своего времени экономический центр региона и центр торговли с русскими торговцами. Расширение границ Российского государства на Кавказе втягивало горцев в торгово-экономическую интеграцию с русскими. Торговля с казачеством постепенно перерастала из меновой в денежную с русскими купцами, деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который раньше служил эквивалентом в торговле.⁴

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 259. Л. 49 – 53.

² Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 207.

³ Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47. Л. 75.

⁴ Скитский Б.В. Указ. соч. С. 337.

Северокавказские горцы крайне были заинтересованы в усилении торговых контактов с русскими, для чего они настойчиво добивались свободного проезда в Кизляр, Моздок, а также снижению торговых пошлин. В рапорте, поступившего с Шадринского форпоста к кизлярскому коменданту от 18 февраля 1751 г. говорится, что «к Шадринской заставе прибыли едущие в Кизляр для торговли чеченский владелец Алибек Хасбулатов вместе с узденями Мурзакаем Сунгуровым, Казыханом Хазылевым, Али-Исхаком Бисакаевым..., да вместе с ними князя Мудара уздень Амерхан Акаев, все вместе на четырех верховых лошадях и с четырьмя арбами товаров, с ними одна лошадь, шесть волов; при них ружей пять, серебряная оправа для патронниц; с одним колчаном, поясок с серебряной оправой»¹. В другом рапорте от 3 марта 1751 г. сообщается, что через Шадринскую заставу был пропущен чеченский владелец Расламбек Айдемиров с его узденями Абатой Ильясовым, татаринном Абатой Козиш, т.е. три человека на трех верховых лошадях, «при них ружье в серебряной оправе, 2 штуки поясов в серебряной оправе, две сабли, патронница и др.»².

Из Кизляра в Дагестан, Чечню и другие области Северного Кавказа отправлялись большие группы торговцев мелким товаром, которые, по словам П. Зубова, «изучаясь различным наречием горцев, проникают в самые отдаленные ущелья и, пользуясь святостью гостеприимства, производят торговлю с выгодами, едва вероятными, доставляя горцам предметы, делающиеся для них уже необходимостью»³. По этому поводу интересные сведения приводил также И.Я. Лерх: «Наши купцы, кои разумели татарский язык, — отмечал автор, — одни могли ездить с товарами далеко в горы без всякой опасности. Сперва вели они знакомство с татарами, кои в Кизляр приезжают для торговли, и называются кунаками, т.е. братьями; когда они токмо сведут дружество, то и могут с таковым кунаком ехать даже до его деревни; и когда пожелает ехать далее, то сей дает другого кунака, коему он может поверить»⁴.

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 339. Оп. 1. Д. 3666. Л. 14.

² Там же. Л. 91.

³ Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этнографическом отношениях. Ч. 3. СПб., 1835. С. 354.

⁴ Лерх И.Я. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790 – 1791. Ч. 52. С. 48.

Многие изделия русской мануфактуры из Кизляра горцам доставляли армянские и грузинские купцы, занятые в основном посреднической торговлей. Так об этом в одном из документов отмечается: «Здесьние купцы туда в горы отвозят (товары) и тамо в розницу продают и на всячину меняют, в таком случае горцы не ездя в Кизляр там у оных, что кому надобно берут»¹.

Грузинские и армянские купцы вывозили из горских аулов на продажу в Кизляр и другие города сукно, шкуры зверей, орехи, а взамен поставляли горцам ткани, чугунные котлы, зеркала, замки, иглы и наперстки, сундуки, мыло, бумагу и т.д. Приезжие купцы в торговле с горцами не всегда соблюдали принцип эквивалентности и взаимовыгоды. Используя отсталость и безграмотность горцев, купцы сбывали им низкокачественные товары, притом по очень высокой цене. Очень часто купцы в целях обмана горцев прибегали к их спаиванию.²

В рапорте ген. Тормасову от 19 января 1811г. ген. Дельпоццо сообщал, что «кабардинцы, осетины, кумыки и чеченцы более предпочитают сами привозить свои товары в Российские границы и продавать их по сходной цене, да и с русской стороны гораздо выгоднее покупать их из первых рук, нежели от перекупщиков армян и грузин, которые продают выменянные у горцев вещи русским переселенцам по двойной цене»³.

В 60-х гг. XVIII в. торговля чеченцев, ингушей, дагестанцев и других горцев с гребенскими казаками принимает новый размах. Так, в 1765 г. чеченский владетель Алисултан Казбулатов писал кизлярскому коменданту о его планах «подвластных своих до ста ароб отправить в казачьи городки для покупки съестных припасов – рыбы, соли и прочее»⁴.

В свою очередь российское правительство, понимая, что одними только военными методами не укрепить свои позиции в регионе, начинает уделять значительное внимание развитию и поддержанию торгово-экономических контактов с горцами. С этой целью в декабре 1760 г. указом императрицы Елизаветы Петровны был разрешен ввоз на Кавказ различных товаров мануфактурной промышленности. К тому же было разрешено провозить к горцам, считающимся подданными Рос-

---

¹ Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. С. 12.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 138.

³ Ахмадов Я.З. Указ. соч. С. 13.

⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М., 1958. с. 85 – 86.

сии, холст и другие предметы, вывоз которых в Иран был временно запрещен.¹

Кроме того, в 1765 г. царское правительство отменило пошлину, которую уплачивали кабардинцы и кумыки при покупке товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре. Тем самым, содействуя расширению и развитию торговли с Кабардой, российское правительство интересовалось и тем, какие товары можно покупать в Кабарде. Было установлено, что Большая и Малая Кабарда могут продавать русским мед, воск, просо, ячмень и притом в большом количестве. В соседних с Кабардой чеченских селах можно было получать фрукты и пшеницу. У кумыков в Брагунском, Аксайском, Андреевском, Костиковском и других селениях имелись пшеница, ячмень, просо, овощи, виноград и др.

В 60-е гг. XVIII в. кизлярское купечество развернуло обширную заграничную торговлю, вывозя из России холст, разные крашенные материи, сундуки, зеркала, а ввозило персидские ткани, ковры и шелк. Восточные товары из Кизляра перевозились в Астрахань, а оттуда в центральные районы России. Однако вследствие высоких цен, назначаемых купцами за холст и другие товары, горцы не всегда могли покупать или обменивать на свою продукцию. Комендант Кизляра Н.А. Потапов обратился в Коллегию Иностранных дел с просьбой, чтобы в интересах развития местной торговли и борьбы с дороговизной, что сильно сказывалось на покупательной способности военных людей, получавших небольшое жалованье, с привозимых в Кизляр кабардинских и кумыкских продуктов и изделий, а также с продаваемых в Кабарду и кумыкам товаров, – в Кизляре вовсе не брать пошлины.³

Изучая торговые отношения России с народами Северного Кавказа, следует обратить внимание на тот факт, что жители некоторых чеченских и ингушских сел были лишены царизмом и лишены торговых привилегий. В то время как у товаров кабардинцев и кумыков в Кизляре не взималась торговая пошлина, то с чеченцев и ингушей она взималась. Бывало и так, что товары чеченцев и ингушей не доходили до покупателей из-за карантинного или протекционного запрета со стороны царских властей. Так, в одном из документов за 1765 г. отмечается, что с кабардинцев и кумыков и живущих у них армян и грузин, которые будут привозить товары в Кизляр или же перевозить через

¹ Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. / Сборник документов. Т. 2. М., 1967. С. 240.

² Там же. С. 250.

³ Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 2. С. 250.

Кизлярскую пограничную таможенную: хлеб, мед и фрукты для продажи, а также «домашние от своих трудовых промышленные вещи к покупке здесь на домашние их расходы малоценные товары» пошлина не берется; зато с других горских народов, якобы, «неподданных», которые «привозят фрукты, орехи грецкие, пшено сорочинское (рис), мед, яблоки и груши, сухие и свежие, курага, шепталу (персик), воск и прочие непереработанные вещи взималась соответствующая пошлина».¹

Политика взимания торговых пошлин у отдельных горцев Северного Кавказа более ясно выражена в письме владельца Герменчуковской деревни Девлет-Гирея Черкасского к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову от 14 февраля 1765 г. «Ваше превосходительство соизволило мне, – говорится в данном письме, – дать знать через письмо свое, якобы в Червленской, Шадринской и Каргинской форпосты учреждены карантинны, а я ныне вижу в Шадрине и Каргине карантин не имеется; брагунцы, аксайцы, андрейцы и костековцы в Кизляр пропускаются, а моих людей не пропускают, и крымцы и кабардинцы проезжают через Чеченской и Брагунской деревни, а к нам из Крыма никто не приезжает, а их дороги лежат через Брагунской и Чеченской деревни, а оттуда поедут в кумыцкие жилища. Того ради прошу Вашего превосходительства, ежели Вам противно не окажется и подвластные мои, живущие у Теплых вод людей, прикажите без удержания пропускать в Кизляр...»².

Одну из главных причин дифференцированно-привилегированной политики царизма по отношению к торговле чеченцев с соседними народами Ш.Б. Ахмадов видит в том, что чеченцы были непоследовательны в соблюдении требований царских властей на Кавказе об аманатстве, которое со второй половины XVIII в. в связи с колониальными действиями царизма стало рассматриваться горцами как неоправданное посягательство властей на их внутреннее самоуправление.³

Практикуемый широко между Россией и Кабардой добровольный обычай выдачи заложников, первоначально считавшийся признаком особого внимания со стороны царского правительства к кабардинским князьям, стал теперь принудительным и оскорбительным для горцев. Начиная со второй половины XVIII в. царизм стал силой оружия заставлять горцев выдавать аманатов, являвшихся по существу заложни-

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 3263. Л. 2 об.

² Там же.

³ Ахмадов Ш.Б. Указ. соч. С. 212.

ками и содержащимися в Астрахани, Кизляре, Моздоке, Екатеринодаре, Ставрополе и в целом ряде тогдашних пограничных крепостей¹.

Поэтому горцы, давая клятвенные заверения царизму о даче аманатов, с целью свободного и беспошлинного проезда для торговли в Кизляр и другие пограничные городки, очень скоро нарушали свои обещания. Горцы неоднократно выражали свое недовольство российским властям на Кавказе ограничениям в торговле. Восставшие горцы все чаще нападали на форпосты и другие укрепленные редуты царских властей.²

С целью избежать уплаты торговых пошлин, чеченцы, ингуши и другие горские народы, ущемленные в торговле, везли свои товары в Кабарду, а оттуда по безопасной стороне реки Терека – в другие области. Для сопровождения торговых пошлин брали проводников, хорошо знавших окружные пути и получавших за это соответствующую оплату. Как свидетельствуют документы, Чечня и Ингушетия поддерживали торговые контакты с Крымом. В рапорте одного русского офицера, говорилось кизлярскому коменданту о том, что «житель Брагунской деревни Нурали Шурыгниев ездил в Крым для своих нужд и с крымскими купцами возвратился в Чеченскую деревню, за что он, Нурали, стал привлекаться в Кизлярскую гражданскую канцелярию за поездку в Крым без письменного разрешения на то царской администрации»³.

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что торгово-экономические связи народов Кавказа с Россией в XVII – XVIII вв. через Западный Прикаспий интенсивно развивались, что было обусловлено экономическими интересами обеих сторон. Со своей стороны, горцам развитие торговых связей с Россией приносило большие выгоды, обеспечивало их жизненно необходимыми товарами и продовольствием, они получали доступ к российскому рынку. Ведущую роль в этом процессе играли российские города Западного Прикаспия – Астрахань, Терки, крепость Святого Креста и Кизляр. Эти города, являясь центрами торговли народов Северного Кавказа с Россией, способствовали развитию российско-северокавказской экономической интеграции.

---

¹ Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1899. С. 413.

² АВПР. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110. Д. 5. Л. 1.

³ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 3625. Л. 8.

§ 3. Торговые центры Засулакской Кумыкии в развитии региональной торговли на Северо-Восточном Кавказе

Важную роль в торгово-экономических контактах народов Северо-Восточного Кавказа с Россией играли торговые центры Засулакской Кумыкии, расположенные на западном побережье Каспия. Здесь в XVII – XVIII вв. сложилась целая система торговых центров, в которых собирались традиционно базары, где жители окрестных и отдаленных сел продавали продукцию своего хозяйства и приобретали необходимые им товары. Такими центрами являлись Тарки, Эндирей, Аксай, Костек, являвшиеся одновременно и центрами международной транзитной торговли.

Кроме того, указанные торговые центры выступали и в роли связующего звена в контактах горных частей Северо-Восточного Кавказа с Россией. В.Н. Гамрекели отмечал, что «в непосредственные торговые связи горный Дагестан (подчеркнуто нами) с российским торговым центром – Кизляром до 80-х гг. XVIII в. не вступал или вступал в малой степени. Торговые связи в основном осуществлялись через торговые центры – Эндери, Бойнак, Костек, Тарки или через единичных посредничавших торговцев»¹. В то время как в плоскостном и предгорном Дагестане и низменных районах Чечни доминировали торговые связи с кумыкскими и приморскими торговыми центрами и с Кизляром².

Одним из крупных торгово-ремесленных центров Прикаспия, где в XVII в. изготавливались «прекрасные... панцири и сабли, и луки» являлся Тарки³. Здесь, по свидетельству средневековых авторов, получили развитие различные кустарные промыслы: в городе имелось множество мелких мануфактур⁴. Немецкий путешественник А. Олеарий, сведения которого относятся к первой половине XVII в., сообщал, что в Тарках жил и работал плененный немец «по имени Матфия Махмара, из Эттингена в Вюртембергской стране родом. По ремеслу ткач бархента (бумажной материи)»⁵.

---

¹ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 16.

² Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 18.

³ Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива МИД С.А. Белокуровым (1518 – 1613). Вып. 1. М., 1889. С. 539.

⁴ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 107.

⁵ Олеарий А. Указ. соч. С. 449.

В Тарки поставляли свои товары горцы со всех владений Дагестана. Торговые пути, связывавшие равнинный Дагестан с нагорным проходили от Тарков по линии: Торкалы – Кафыр-Кумух – Казанище – Кумух – Дюльтыдаг – Закаталы или Кумух – Турчидаг – Согратль – Чох¹. В Тарках шла бойкая торговля как продуктами сельского хозяйства, зерном, хлопчатобумажными тканями, солью, ювелирными изделиями, так и «краденными грузинцами, армянами и черкесами, которых они крымским и кубанским татарам продают»². Важной статьей в торговле жителей шамхальства являлись изделия кустарных промыслов: кинжалы, сабли, бурки.³

Многие предметы торговли, продаваемые на еженедельном базаре (по пятницам) в Тарках являлись товарами местного производства. Так, по сведениям И.-Г. Гербера, таркинцы имели «хорошие виноградные и другие сады, также всяких овощей, скотоплодие и пашен довольно, сеют хлопчатой бумаги, которая здесь наилучше растет»⁴. М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг отмечали, что тарковские жители добывали соль в Турали «как для собственного производства, так и для продажи»⁵.

Кроме того, в Тарках можно было приобрести как восточные, так и российского производства товары. «Торговлю жители (Тарки. – авт.) производят по большей частью с соседними владениями, как-то: уцмиевым, с кумыками и акушинцами, а также с Россией скотом, пшеницей, медом и воском, из шерсти овечьей делают на продажу... простые сукна: синие, черные и белые... ковры, хлопчатую бумагу...», – отмечал автор начала XVIII в.⁶

В торговых целях таркинские купцы совершали поездки в Терский городок, Кизляр, Астрахань, Москву с посольствами, имея в таком случае таможенные льготы. Тарки выполнял и роль морского порта на северокавказском побережье Каспия.

Таркинские купцы, имея свои суда, несмотря на то, что пристань здесь была неудобной, ходили с товарами в Терский городок, Астрахань и Дербент. О том, что пристань в Тарках была неблагоустроена

---

¹ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 51.

² Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 71.

³ Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М., 1961. С. 82.

⁴ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 71.

⁵ Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф. Описание Дагестана. 1718 г.// ИГЭД. С. 307.

⁶ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 134.

ной, отмечал А.И. Лопухин: «Пристань к берегам с моря нужная, пристают суды тутошних торговых жителей и то с нуждою, место пришло не очень глубокое, к тому же каменистое, а далее от берега якорь держать за слабым местом не может. И которые суды из Астрахани ходят в Низовую и заносит погодою к сим берегам, и оне не могут отстояться на якорях, от великой погоды выкидывает на берег и так суды разбивает...»¹. Везли таркинские купцы в Астрахань и Терский городок как изделия кустарных ремесел и продукцию сельского хозяйства, так и восточные товары в широком ассортименте, которые они перекупали у проезжих купцов или в Дербенте, Шемахе, а затем с большой выгодой перепродавали на рынках российских городов.

Из России через Астрахань в Тарки поступали товары разного ассортимента. Так, в 1762 г. из Астрахани в Тарки морским путем таркинец «торговый человек Бабатайка Черючеев, на клади, где попадетца», вез 68 юфтей кож красных. В Астрахань он привез свой товар «заморский», который в документе не указан, что это за товар. 11 августа того же года отправился морем в Тарки «таркинец Аллабердейка Аллев в своем струшку, а работных людей с ним будет 7 человек. А товару с ним будет 100 юфтей красных кож, да 25 котлов зеленой меди, две коробки, в них 100 мерлушек...»².

Проанализировав этот документ, Е.И. Иноземцева отмечает, что торговый человек вез довольно ценный для того времени товар и в достаточно больших количествах, что позволяет сделать вывод о том, что его товар был предназначен не для собственных нужд, а для продажи. Относительно того, что этот купец часто промышлял торговлей на Каспии, говорит и тот факт, что у него было собственное морское судно и большое число работников на нем.³

В другом документе сообщается о двух «торговых людях» – таркинцах, везущих в Тарки «на клади, где попадетца» товар «15 пуд. котлов медных и в 4 коробках и ларце мелочный товар: 2 шубы заечинных, котел медной, 6 юфтей кож красных, сит да решет, 25 чаш, 10 блюд...»⁴. В документе от 1673 г. говорится о работниках «тарковского купчины», которые везут на струге товары не только владельца судна, но и товары тех, кто нанял этот струг до Астрахани.⁵ В этом же документе приводятся сведения о таркинце Умаре Алиеве, который работает у шемахин-

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С. 44.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 202, 210.

³ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 52.

⁴ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 202 – 204.

⁵ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 208.

ца и доставил свой товар на судне хозяина. Тогда же в Астрахань прибыл армянский купец на судне, нанятом в Тарках вместе с гребцами.¹

Таркинские купцы нередко сами обслуживали торговлю на Каспии, перевозя товары дагестанских купцов. Так, в июне 1676 г. на судне таркинца Али Шабанова везет свои товары в Дербент кубачинец Гасан Магомедов.²

Торговая пристань Тарки, выполнявшая в какой-то мере функции торгового порта на северокавказском побережье Каспия, принимала товары, предназначенные для доставки в другие торговые центры региона. Так, в одном из архивных документов сообщается, что из Астрахани отправляются морем в Тарки трое жителей Кайтагского уцмийства, а также уздень эндирейского мурзы Чепалова с партией товара.³

Посреднической торговлей морем между Тарки и Астраханью занимались не только собственно таркинские купцы, но и дербентские торговцы. Так, 15 августа 1672 г. «из Астрахани в Тарки дербентец Ерылчаров вез товары: «40 юфтей красных кож, 7 аршин сукна, полтретья пуда пуху гусинова, на клади, где попадетца»⁴. Однако, что это был за товар в документе, как и в большинстве случаев, не указывается.

Из России в Тарки по торговым делам нередко приезжали и русские купцы, которые следовали с товаром через Тарки на Восток. Многие из них оставались в Тарках с целью купечества.⁵ Как отмечал В.Г. Гаджиев, и в Тарках, как и во многих торговых центрах средневековья, имелся квартал, где в основном было сосредоточено торгово-ремесленное население.⁶

Ассортимент вывозимых из России в Тарки товаров был очень разнообразен. Среди них преобладали всевозможные металлические изделия: медные котлы, тазы, блюда, сундуки окованные, топоры, ножи, гвозди, огнестрельное оружие, иглы, булавки, ножницы, пуговицы, а также зеркала, меха и изделия из них.⁷

¹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1988. С. 307.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 208.

³ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (По материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1971. С. 12.

⁴ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 52.

⁵ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 109.

⁶ Там же.

⁷ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 54.

Многие из этих товаров Россия реэкспортировала из европейских стран. Об этом сообщал исследователь торговли Московского государства Н. Костомаров: «Из привозных в Россию стальных изделий расходились в торговле ножи, ножницы, замки, булавки и иголки... Иголок и булавок привозилось к нам довольно большое количество... Прочие металлы, все без исключения, доставлялись к нам из чужих краев. Медь доставляли нам англичане, датчане, шведы и голландцы. Она была красная и желтая и привозилась в пластинах и изделиях...»¹.

Транзитом через Россию в Тарки и другие прикаспийские торговые центры поступали европейские шерстяные ткани, сукна, бархат и атлас.² Из Тарков в Россию вывозились в основном изделия местной кустарной промышленности и продукция сельхоздеятельности. Среди них: паласы, ковры, сукна, кинжалы, фрукты, воск, мед, хлопок-сырец, шелк-сырец, марена и т.п. в Тарках русскими купцами приобретались и восточные товары: дорогие ткани, драгоценные камни, пряности и другие предметы роскоши.

Другим не менее важным, чем Тарки, центром как внутренней торговли Дагестана, так и внешней – с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа, являлся Эндирей. Он также находился на трассе прикаспийского торгового пути.

В XVII – XVIII вв. Эндирей – центр Эндирейского владения, наиболее влиятельного в Засулакской Кумыки, в котором проживали различные народности: кумыки, чеченцы, горские евреи, армяне и другие. Тому, что Эндирей являлся крупным торговым центром, способствовало как его выгодное географическое положение, так и развитость экономики. С. Броневский, характеризуя экономическое положение Эндирейского владения, писал: «Андреевские кумыки не меньшую прибыль получают от сельского хозяйства... они сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сорочинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу, шелк выделывают... рогатого скота и овец имеют в изобилии по причине довольства в пажитях»³. Немецкий ученый XVIII в. Я Рейнегс также отмечал, что «... деревенское хозяйство здесь весьма в хорошем положении, не считая овец и лошадей, множество рогатого скота отменной красоты. Земледелие самое лучшее, сады наполняют приятностью

---

¹ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетии. СПб., 1862. С. 198 – 201.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 23.

³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Т. 2. М., 1823. С. 100.

отменных плодов плодоносных деревьев, в них великое множество как то: дынь, арбузов, а особливо персиков отменно приятного вкуса»¹.

В Эндирее сосредотачивалась торговля между Кизляром и Нагорным Дагестаном, а также между дагестанскими народами и Чечней.² В Эндирей каждую пятницу съезжались горцы почти со всего Северного Кавказа, где совершались крупные торговые сделки между северокавказскими народами. Эндирей вел обширную торговлю с Черкесией, Кабардой и даже Крымом. Об этом констатировал А.И. Ахвердов: «Деревня сия есть всему кавказскому народу воротами на плоскость, в которую из всех мест лезгинцы, в Кавказе внутри живущие, чеченцы и прочие народы достатых ими в плен разных родов людей приводят на продажу, которых большею частью покупают у горцев и чеченцев сами андреевские жители и продают в Кизляр с хорошими выгодами для употребления в садах виноградных... Сим ремеслом перекупкою и продажей пленных андреевцы богатели. Часть же пленных самых лучших дают андреевцы приезжающим из Константинополя и Анапы туркам и жидам, а иногда и сами доставляют в Константинополь и продают там за великие деньги»³. Более ценно в этом плане и сообщение А.М. Буцковского, отмечавшего, что «производимый же армянами в оном торг всем для горцев потребным привлекает в селение Андреевское всегдашнее стечение соседственных горцев»⁴.

О значимости торговли в Эндери свидетельствует тот факт, что, когда войска Надир-шаха зимовали в Дагестане и им нужно было достать продовольствие, «скупщики шаховы отправились покупать у эндирейцев и у хостекцов и отправились туда в феврале 1742 г.». Однако «скупщики шаховы» не имели успеха, потому что местные торговцы затребовали очень высокие цены, чем и «шаха огорчили»⁵.

В Эндери привлекало горцев то, что здесь на базаре, собиравшегося по пятницам, отмечает М.-С.К. Умаханов, они приобретали «все им потребное», в первую очередь «потребным» для них являлось зерно.⁶ «Настоящая же прибыль андреевцев, – отмечал А.И. Ахвердов, – со-

---

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 254.

² Хашаев Х.-М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С. 119.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 213.

⁴ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских обществ. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 242.

⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 1. СПб., 1869. С. 212.

⁶ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С. 12.

стоит в хлебопашестве, скотоводстве и в воске, на продажу в Кизляр дров, кольев для садов виноградных, строевого лесу»¹.

Через Эндирей кизлярские купцы связывались с Салатавией, Гумбетом, Анди, Ботлихом. Отсюда купцы ездили в глубь Дагестана, в «тавлинские деревни». «Здесьние купцы, – сообщается в архивном документе, – туда в горы отвозят (товары) и тамо в розницу продают и не ездят в Кизляр, там у оных что кому надобно берут»². Их не задерживали ни трудности в пути, ни языковой барьер, ни многочисленные пошлины при пересечении территории феодальных владений, ни участвовавшие грабежи в пути. С целью обезопасить себя и свои товары от всяких случайностей, купцы прибегали к покровительству местных феодалов и «торговлю производили... в надежде заведенных кунаков и знакомцев»³.

В Эндирее кизлярское купечество имело свои торговые лавки. Сообщая об Эндирее, немецкий ученый Я. Рейнегс писал: «Кроме некоторых мечетей, пространные у реки лавки и удобные караванные сараи служат украшением сему городу»⁴. А.С. Акбиев, исследуя экономическое развитие Засулакской Кумыки и освещая место торговли в хозяйственной жизни кумыков, основываясь на архивных данных, отмечает, что в Эндирее, как и в Тарках, существовали своеобразные купеческие организации, следившие за правильным заключением торговых сделок, при осуществлении которых употреблялись расписки и векселя.⁵ Е.И. Иноземцева считает, что это купеческие организации кизлярского армянского купечества, которые, подолгу оставаясь в торговых центрах, в том числе и в Эндирее, торговали здесь в собственных лавках.⁶

Из Эндирея транзитом через Кизляр в Россию вывозили в больших количествах марену, шелк-сырец, рис, фрукты, мед, воск, сыр, изделия из шерсти, шелковые и бумажные ткани, горское сукно, таркалы для виноградников. Поставки марены из Эндирейского владения в Кизляр в середине XVIII в. были довольно значительными по сравнению с другими пунктами, традиционно поставлявшими марену на россий-

---

¹ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 213 – 214.

² АВПР. Ф. Кумыцкие дела. 1756 – 1758 гг. Оп. 121. Д. 2. Л. 30.

³ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 590. Л. 19, 20.

⁴ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 254.

⁵ Акбиев А.С. Социально-экономический строй кумыков во второй половине XVIII в.: Автореф. дисс... к.и.н. Махачкала, 1994. С. 12 – 13.

⁶ Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 136.

ский рынок.¹ Это было связано с тем, что большая часть марены из Южного Дагестана через Дербент шла в Иран или морем в Астрахань. Экономические интересы кизлярского купечества и эндирейских феодалов тесно переплетались, что подтверждается архивными документами. Часто наблюдается суживание деньгами. Так, некий кизлярский делец из грузин Тамаза имел на «андреевском владельце Айдемирове долговых денег для взыскания которых Тамазе пришлось прибегнуть к захвату барамтия»².

Об ассортименте вывозимых товаров из Эндирея в Кизляр, Астрахань и другие российские города свидетельствуют следующие данные. Так, в мае 1768 г. в Кизляр из «Андреевской деревни привезены тамошними жителями... корня марены – 12 харалов, шелку-сырцу – 2 полутайка ... сукна черкасского – 4 арш., намазлыков – 3, кошма – 1, палас – 1, бурок – 2, сукна кубачинского – 5 концов, шкур медвежих – 2, бирючьих – 11, козлиных – 20... чихиря тавлинского две бочки»³.

В марте 1722 г. эндирейский владелец Темир Хамзин отправил своих подданных с 4 арбами муки для продажи в Кизляре.⁴ В июле того года приказчик московской суконной мануфактуры И. Андреев вывозил через Кизляр в Астрахань, купленный в Эндирее товар: «марены в 37 мешках, орехов грецких в 2-х мешках, воску – 1 пуд. 10 фунтов, чекменей черных – 130 в двух узлах, крыш одеяльных – 21, бязей здешнего дела – 33 ... здешнего рода пшеница в 7 мешках, бумаги хлопчатой 0 2 пуда 17 фунтов, ... купленных здесь замков ружейных – 10 штук, шкур лисьих – 57, волчьих – 8, куниц – 14, ... овчин мелких – 260...»⁵.

Как свидетельствуют архивные документы, из Кизляра и Астрахани в Эндирей ввозили на продажу самые разнообразные изделия русского производства: холст, шёлк, наперстки, курительные трубки, карманные зеркала, замки, сумки, писчую бумагу, парча, бархат и т.п.⁶ В значительном количестве ввозилось в Эндирей металл, необходимый для изготовления оружия и кузнечного дела. Эндирей являлся одним из древних ремесленных центров Засулакской Кумыки. Указом

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 750. Л. 3, 12, 18, 28, 33.

² Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 28.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 119.

⁴ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 854. Л. 6.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 1146. Л. 2.

Сената от 6 ноября 1724 г. было «дозволено комиссару Демидову вывозить в Астрахань, Дербент ... и прочие сибирское его железо для домашнего употребления жителей», – отмечал П.Г. Бутков.¹ В Дагестан поступал металл и европейского происхождения.

На западном побережье Каспия важную торгово-экономическую роль стал играть селение Аксай – резиденция феодальных владетелей, обособившихся от эндирейских и ставших на путь самостоятельного развития в конце XVII в.²

Аксай, находясь «на правом берегу (реки) Аксая, при выходе сей реки из гор» и в непосредственной близости к границам Российского государства, будучи расположенным на торговой магистрали, которая проходила через Кизлярский перевоз, играл немаловажную роль в развитии российско-северокавказских торгово-экономических контактов. По сведениям А.М. Буцковского, в Аксае было «не более 800 домов», село было «менее крепкое, нежели Андреевское», однако «производимый в оном торг привлекает туда многих соседственных чеченцев, относительно коих также весьма важно сие место»³ и многих других народов Северокавказского региона.

На местном рынке Аксая из местных товаров в основном продавались продукты сельского хозяйства и ремесленные изделия. Жители Аксая успешно занимались земледелием и скотоводством, причем земледелие занимало ведущее место. Здесь производились «пшеница, ячмень, просо, овощи», много собиралось «хлопчатой бумаги».⁴ Еще Петру I сообщали посланные им для обследования всего западного побережья Каспия, что хлопок выращивался «во владениях султана Аксайского», где он рос «в великом множестве»⁵. «Сверх скотоводства, – отмечается в одном из сообщений, – в коем жители (Аксая) упражняются, и кроме разбоя, в которой они весьма вдалились, находятся между ими кузнецы и другие ремесленные люди. Земледелие около Яксая с нарочитым успехом производится и почти одно сие место снабждает потребным хлебом город Андрие. Сады также в небрежении у них не остаются, ибо в них капуста и другие земные плоды в великом множе-

---

¹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869. Ч. 3. С. 26.

² Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. С. 49.

³ Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 242.

⁴ Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 85.

⁵ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. С. 32.

стве рождаются; но нет у них ни вино, ни плодоносных деревьев для того, что беспокойству и опасности подверженное стяжение запрещает владельцам трудиться для потомков своих»¹.

В Аксай за хлебом приходили и терские казаки. Недостаток зерна казаки восполняли закупками у горских народов. Торг происходил в форме обмена на товары своего производства. В 1746 г. 9 казаков из Курдюковской станицы были направлены в «Аксеевскую деревню за хлебом на 9-ти лошадях с арбами, а для мены на каждой арбе по 100 себряжых спинок и по три куля икры»².

Ведущая роль в торгово-экономических связях Аксая с народами Северо-Восточного Кавказа и Россией принадлежала армянским купцам. Как сообщал немец по происхождению Я. Рейнегс, отправившийся в 1776 г. в путешествие на Восток, «Посреди сего местечка (Аксая) стоит весьма крупный рынок с множеством лавок для армянских купцов в великом множестве здесь торгующих»³.

В Аксае армяне обитали с давних времен, как и в других торговых центрах Западного Прикаспия, и обслуживали посредническую торговлю в регионе. Здесь торговали не только российскими или восточными товарами, но и привезенными с гор или других регионов Северо-Восточного Кавказа. Аксаевские жители «с вольными лезгинскими (дагестанскими) обществами Андии и Ботлук, на северной стороне Кавказа в снежных горах обитающими, в добром сношении и торг имеют»⁴.

Российские города-крепости Северо-Восточного Кавказа, в то же время являющиеся крупными торговыми центрами, оказывали огромное значение на развитие производительных сил края. Так, в архивных документах имеются сведения о многочисленных работных людях, «отпущенных от Кизляра на Аксай для ловли рыбы и привозу к Кизлярской крепости»⁵. В регистрационном журнале указывается места, откуда эти работные люди происхождением – из различных регионов России, с Дона. Аксаевские ремесленники поселяются в казачьих городках для «работы кузнечного мастерства»⁶. В письме аксаевского

---

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 253.

² Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 172.

³ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 253.

⁴ Буцковский А.М. Указ. соч. // ИГЭД. С. 240.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 8. Л. 83 об.

⁶ Там же. Д. 854. Л. 78.

владельца Ахматханова Каплангирея от 1756 г. говорится: «До сего времени наши люди ездили в казачьи городки для торговли, когда они нуждались в рыбе, осетре и прочих товарах...»¹.

Говоря об ассортименте ввозимых в Аксай товаров, отметим, что из российских товаров встречались: холст, иглы, медные наперстки, зеркала, складные ножи, замки; из восточных: бязь шемахинская, крымская. В документах также зафиксировано сукно мичкизское, черкесские башлыки и др.²

Жители Аксая, как свидетельствуют архивные данные, вывозили в Кизляр и другие города на продажу марену, хлопок, шелк, рис, фрукты, мед, сукно местное, бурки, а также «дрова, колья садовые и строевой лес»³. В Кизляре же они приобретали главным образом изделия русской промышленности: «для домашних потребностей ... котлов чугунных – 2, сундук, окованной жестью – 1, башмаков савровых (вид кожи) – 4 пары, сито – 1, холста на 4 рубахи...» и пр.⁴

Вышеприведенный фактический и статистический материал позволяет нам констатировать, что Аксай в рассматриваемый период приобретал все большее экономическое значение в российско-северокавказских отношениях, становясь одним из транзитных пунктов в этих торговых взаимоотношениях.

В изучаемый период на западном побережье Каспия известным торговым центром являлся и Костек. Как сообщал Я. Рейнегс, «На левом берегу реки Койсу лежит и в рассуждении хорошего своего положения славная деревня Кусти, или Костец, в которой считается 800 дворов, которые все вдоль по берегу реки до самого моря простираются... Оное место в рассуждении земледелия и скота весьма изобильно, сверх того находится в нем весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут жизнь весьма благополучно»⁵.

Из этого сообщения можно сделать вывод, что рыболовство являлось одной из доходных статей жителей Костека и их владельцев. В пользу этого вывода свидетельствуют и данные Кизлярского комендантского архива, в которых приводятся сведения о спорах между эндирейскими и костековскими владельцами из-за рыбных угодий на

---

¹ Там же. Д. 354. Л. 73.

² Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 136 – 137.

³ Ахвердов А.И. Указ. соч. // ИГЭД. С. 214.

⁴ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 532. Л. 97.

⁵ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 255.

Койсу, которые то теми, то другими отдавались на откуп российским предпринимателям.¹

С. Броневский также отмечал, что «Андреевские и Костековские владельцы равномерно отдают рыбные ловли свои... армянам и российским промышленникам и получают из того изрядный доход... Река Койсу изобилует рыбою, в оной ловятся осетры, севрюги, лососи, карпы, шерех и проч...»².

В Костековском владении выращивали хлопок, рис, хлеб и марену, которые поставлялись на рынок крепости Святого креста, позже – в Кизляр. Рапорты с Каргинского форпоста, через который проезжали едущие купцы из Костека в Кизляр или обратно, дают наиболее полные сведения об ассортименте товаров этой постоянно действующей в середине XVIII в. экономической связи между Костеком и Кизляром. Так, 4 ноября 1761 г. кизлярский купец Назар Артемьев привез из Костека «муки пшеничной два чувала, проса три чувала, кураги один чувал, посуды глиняной один четень...»³. В 1763 г. кизлярский купец Баба Исмаилов привез в Кизляр из «Костековской деревни ... шелку-сырцу два полутайка, разного разбитного товару шелкового и бумажного – один полутаек, один узол и три переметные сумы, да в четырех малых мешках миндальных орехов, пшена сарачинского...»⁴.

В Костеке, также как и в Эндирее, Аксае и других торговых центрах, имелись лавки кизлярских армян, которые скупая здесь марену, хлопок, шелк-сырец, взамен поставляли в Костек металл, русские и европейские ткани, чай, сахар и другие «потребные вещи». Суда по архивным данным, среди товаров, ввозимых в Костек кизлярскими купцами упоминаются: «холста – 350 аршин, холщевых бурметей – 20 концов, пестряди холщевой – 53 арш., котлов чугунных – 40...»⁵. В сентябре 1796 г. подданный костековского владетеля Хамзы Алишева отправился в Кизляр для покупки 5 пудов железа и двух ведер масла для нужд семьи Хамзы.⁶ В ноябре того же года Хамза Алишев просил Кизлярского коменданта разрешить ему купить в Кизляре для него 6 пудов железа и 6 ароб пшеницы.⁷

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 1146. Л. 1,2.

² Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 201.

³ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 556. Л. 53.

⁴ Там же.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 1146. Л. 2.

⁶ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 131.

⁷ Там же. С. 133.

Кроме того, в Костеке в изучаемый период получило большое развитие ремесленное производство, особенно связанное с обработкой металла. Услугами ремесленников-горцев пользовались в казачьих станицах. В архивных документах очень часто встречаются сообщения о приглашениях и приездах в казачьи станицы горских умельцев-ремесленников. Так, в 1746 г. в станицу Каргалинскую прибыли из Костека два кузнеца «для делания казгырей, топоров и прочего»¹.

Костековские ремесленники занимались не только изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, но и ремонтом и изготовлением холодного и огнестрельного оружия. Терские казаки постоянно приобретали у местных жителей строевых лошадей и арбы. Отсутствие у казаков развитого ремесла вынуждало их пользоваться повозками, изготовленными горскими мастерами. Для закупки повозок казаки выезжали в горские селения и там приобретали их для нужд всей станицы.²

В терские станицы приходили и сами горцы для продажи хлеба. Так, архивный документ 1746 г. сообщает, что кизлярский комендант сетовал на то, что кордонная линия постоянно нарушается горцами, которые «ходят с хлебом для иены», не по настоящим дорогам, а через казачьи огороды.³

Итак, вышеприведенный фактический материал позволяет нам сделать вывод, что хотя Костек несколько уступал в торговом отношении другим торговым центрам Западного Прикаспия, но играл немаловажную роль в осуществлении российско-северокавказских торгово-экономических контактов.

§ 4. Значение Дербента, Низабата и Баку в региональной торговле

В развитии российско-кавказских, в частности, российско-дагестанских торгово-экономических отношений в XVII – XVIII вв. значительное место занимал крупнейший торгово-ремесленный центр Кавказа – Дербент. Благодаря выгодному географическому положению Дербенту суждено было играть важную роль в экономической интеграции народов Восточного Кавказа.

В поддержании торгово-экономических контактов Дербента с народами Северного Кавказа и Россией важную роль играла сухопутная трасса Волжско-Каспийского торгового пути. Московский купец

---

¹ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 235.

² Там же. С. 240.

³ Там же. С. 242.

Федот Котов, ездивший в 1623 г. в Персию по царскому указу, описывая этот торговый путь, писал: «От Астрахани до Терека и от Терека до Астрахани есть сухопутный путь степью через станицы. От Терека до реки Быстрой день пути с вьюками... От реки Быстрой до реки Сунжи день пути... От Сунжи день хода до Малого Аксяя... От Малого Аксяя до Большого Аксяя полдня хода... От Большого Аксяя до реки Койсы день или полтора пути, а от нее уже можно ехать на телегах. От Койсы день пути до Тарков, колесный путь идет берегом возле моря... От Тарков до шахского города Дербента три дня вьючного пути ровным местом между горами и морем»¹.

Данная торговая трасса мирового значения оживленно функционировала на протяжении изучаемого периода, хотя на ней были случаи грабежа торговых караванов, как это случилось с караваном, с которым шел А.И. Лопухин.² Поэтому торговые караваны шли под охраной провожатых: от Дербента до Кайтагского уцмийства; отсюда до Буйнака; от него до Тарков; от Тарков до Эндери; от Эндери шли до Терского городка, а позднее до крепости Святого Креста и Кизляра.

У этой торговой пути были и свои трудности. Большой помехой в этом была феодальная раздробленность Дагестана. Торговля была сопряжена с большими расходами, так как каждый владелец, через территорию которого надо было проехать с товаром, взимал так называемый рахтарный сбор (торговую пошлину). Так, чтобы доставить товар сухим путем из Дербента до Кизляра, надо было платить рахтарный сбор в Дербенте, Тарках и Казииурте в следующих размерах: с одной арбы товаров (от 40 до 50 пудов) в Дербенте – 2 руб. 50 коп., в Тарках – 5 руб. 20 коп., в Казииурте – 3 руб. серебром. Сверх того, во владениях шамхала Тарковского с каждого тая шелка – еще по 2 руб., а в Дербенте – по 1 руб. серебром. За наем арбы до Кизляра надо было заплатить около 10 руб. Таким образом, сухопутная торговля вызывала накладные расходы на один пуд товара до 3 руб. 20 коп., в то время как морской фрахт обходился только в 1 руб. 40 коп. серебром. Однако частые штормы и неудобства дербентской гавани мешали развитию морской торговли.³

Дербент был связан торговыми путями с Нагорным Дагестаном. Здесь проходил имеющий огромное значение в хозяйственной деятельности горцев важнейший торговый путь по линии р. Самур – Ку-

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 65.

² Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан . 1718 г. // ИГЭД. С. 34 – 35.

³ Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. С. 93.

рах – Рича – Кумух – Чох – Андийское Койсу – Чечня, названный Б. Малачихановым «великим путем народов»¹. По этому пути в Дербент поступали предметы ремесленного производства и излишки продуктов животноводства и земледелия народов внутреннего Дагестана и Чечни, которые из Дербента шли частью для местного пользования, частью – в Закавказье, частью – в Россию.²

В Дербент съезжались торговцы почти со всех районов Дагестана и российских городов-крепостей Северо-Восточного Кавказа со своими изделиями и товарами. В обмен и на деньги они приобретали здесь как дагестанские, так персидские, российские, китайские и др. товары повседневного спроса и длительного пользования. «Большая часть (из 10000) жителей Дербента, – отмечал А.И. Ахвердов, – занимаются в купеческом промысле, имеют в покупке и продаже из разных мест привозимые к ним персидские товары, с коими в небольшом количестве продают произведения и своих шелковых и бумажных фабрик, имеющих в городе. Торговлю производят с российскими пограничными городами, в большом количестве морем с Астраханью и сухим путем с Кизляром и с пограничными кумыкскими деревнями: Андреевская, Костековская, Терковская, Карабудагская, Губденская, Буйнакская, старокаменскими, табасаранскими, казыкумуцкими и прочими мелкими деревнями»³.

Голландский путешественник Ян Стрейс писал, что «в городе Дербенте нет христиан, а только одни мухаммедане и немного евреев», и они «ведут крупную торговлю награбленным в Дагестане добром, которое татары (дагестанцы) привозят сюда на рынок». По его сведениям, «главная торговля других жителей состоит в купле и продаже невольников, которых доставляют сюда помянутые людокрады для перепродажи через персов в другие места»⁴.

Однако в Дербенте торговали не только «награбленным в Дагестане добром» и невольниками. По сообщению того же Я. Стрейса, на дербентском рынке имелись «табачные ряды», где он, будучи пленником одного из местных богатеев, был продан некоему Хаджи Байраму

---

¹ Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 14. Махачкала, 1965. С. 185.

² Магомедов Н.А. Торговые связи Дагестана с Россией в конце XVII – начале XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 72.

³ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 219.

⁴ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 134.

Али, который являлся «богатым купцом, торговавший драгоценными камнями и другими дорогими товарами»¹.

В Кизлярском комендантском архиве сохранились, хотя и фрагментарно, записи в журналах регистрации товаров, привозимых из горных районов Дагестана в Дербент. Часть из этих товаров оседала на местном рынке, часть включалась в российско-дагестанский товарооборот.

Особое значение Дербент имел для кайтагцев, так как находился в непосредственной близости от Кайтага и был связан с ним целой сетью дорог. «Торговля уцмиева жителей производится хлебом, медом и воском, марену продают в Дербент, а иногда доставляют в Кизляр и Астрахань. Из шерсти овечьей и хлопчатой бумаги делают на продажу и домашнее употребление простые сукна: синие, черные, белые и разные ковры и бумажный холст. Сами же покупают привозимые из Персии лучшие сукна и материи для одежды. Серебро и золото достают из России, медь, олово и железо и свинец покупают в Дербенте»,² – отмечал Д.И. Тихонов.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что кайтагцы часто ездили в Дербент по торговым делам. Так, в феврале 1732 г. из села Калакорейш «усмейский нукер» с 7 товарищами и тремя «торговыми людьми» прибыли в Дербент с товаром: «сукна, татарские епанчи, масло коровье, краска-марена»³. Кроме того, у него была обнаружена селитра, числившаяся в списках запрещенных к продаже товаров. Эта селитра была куплена им «в деревне Мугелях в Усмийском или Шабранском магале, где обретаются русские купцы»⁴. Селитра, железо и другие «заповедные товары» доставлялись в Дербент из России, а оттуда расходились по всему Дагестану. В январе 1735 г. из Дербента «усмейского владения деревни Сабнавы татарин Мамут, при нем татар 6 человек...» вывезли одну арбу пшеницы, двое жителей сел. Гапшима вывезли 10 батманов пшеницы и бязь; жители Кумуха в количестве 8 человек вывезли из Дербента две арбы бязи, жители сел. Утамыш, три человека, вывезли один куржум бязи. В феврале того же года жители сел. Берикей, 7 человек, вывезли 7 вьюков пшеницы и т.д.⁵

---

¹ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 135.

² Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134.

³ Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Л. 223.

⁴ Там же. Л. 234.

⁵ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 95.

Немаловажное значение Дербент как торговый центр имел для терекменцев и табасаранцев. Поскольку Терекеме являлся одним из районов сравнительно развитого земледелия в Дагестане, главным предметом торговли его жителей было зерно. Кроме того, терекменцы поставляли на дербентский рынок крупный рогатый скот, соль, шелк-сырец, марена, нефть, лес. Перечень товаров, приобретаемых терекменцами в Дербенте, также был очень широк. Это холодное оружие, серпы, косы, ткани домашнего производства, тканые мешки, паласы, обувь, выделенная кожа, доставляемые горцами на дербентский рынок. Очень часто жителей Терекеме снабжали выделенной кожей и сафьяном (в обмен на необработанные шкуры, зерно и на деньги) горские евреи из Дербента.¹

На рынок в Дербенте поставляли свои товары табасаранцы, лезгинны и другие народы Южного Дагестана. Важное место в торговом обмене табасаранцев и лезгин с Дербентом занимали изделия домашних промыслов и ремесел (ковры, паласы, шерсть, шерстяные изделия, ткани, деревянная посуда, фрукты свежие и сушеные, орехи и т.д.), а взамен приобретали зерно, рис, металлические изделия, шелк, нефть. Многие из этих товаров транзитом через Дербент отправлялись в российские города. Об этом в «Обзрениях Российских владений за Кавказом» говорится: «Важнейшая торговля Дербента производится с Астраханью и состоит в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сорочинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, мехов: куньих, волчьих, лисьих и других»².

Остальные народы Южного Дагестана также поддерживали тесные торгово-экономические контакты с Дербентом. Общины Ахтыпара, Алтыпара и Докузпара занимались скотоводством, земледелием и ремеслом. «Этот народ... отличается от всех вольных обществ Дагестана своим богатством, промышленностью и многочисленностью..»³ – сообщается в одном из архивных документов. Через Дербент эти народы и народы Нагорного Дагестана имели возможность сбывать свои и приобретать необходимые им товары российской промышленности. Среди них были различные предметы домашнего обихода из стали, железа, меди, дерева, краски, бумага, атласы, парча, шерстяные,

---

¹ Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекменцы XIX – нач. XXвв.: Историко-этнографическое исследование. М., 1990. С. 70.

² Обозрение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб., 1836. Ч. 4. С. 185.

³ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 130.

хлопчатобумажные и шелковые ткани, различные вещи из стекла, платки, покрывала и т.д.¹

В Дербент поступали и всевозможные продукты и изделия ремесел самых отдаленных частей Дагестана. «В оных (торгах в Дербенте), – писал С. Броневский, – участвуют каракайдаки, кубачинцы и другие дагестанские народы»². По сведениям А.И. Ахвердова, все жители Кубачи «достигшие десятилетнего возраста, суть ремесленники. Мужчины занимаются деланием панцырей, ружей, пистолетов, кинжалов, ножей, конских и оружейных приборов, также и женских поясов из золота и серебра... Женщины упражняются в тканье самых лучших в городах сукон и холстов, делают шелк. Все вещи их рукоделья отвозят в город Дербент, где распродают во все места»³.

Относительно того, что Дербент являлся местом сбыта изделий кубачинских ремесленников, свидетельствовал и А.А. Кремский. В Дербент, отмечал он, горцы привозили марену, кубачинское сукно, бурки, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли кубачинского производства⁴.

В торговых отношениях горцев с Дербентом важное место занимали животноводческая продукция, а также изделия из шерсти, кожи и т.д. На это указывал в свое время Ф.Ф. Симонович. «Жители Горного Дагестана, – отмечал он, – достаточествуя скотоводством, промышленяют вообще сукном, коврами, попонами, попонами и другими шерстяными тканями, но в таковой рукоделии упражняется женский пол, а мужчины вырабатывают овчинные мехи и другие кожи. Все сии рукоделии, равно и шерсть, отпускают в города Дербент и Кубу за хлеб, сарачинское пшено, шелк, хлопчатую бумагу, соль, нефть и за деньги»⁵.

Существенное значение в торговых связях горцев с Дербентом приобретала проблема зерна, в котором жители гор испытывали острый недостаток даже в урожайные годы, хотя и вкладывали в земледелие колоссальный труд, осваивая и засевая малейшие клочки земли, пригодной для посева. С наступлением времени уборки урожая жители горных районов спускались по предгорным и плоскостным районам, в

¹ Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 143.

² Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1. С. 224.

³ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 217.

⁴ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1803 г. // ИГЭД. С. 234.

⁵ Симонович Ф.Ф. Указ. соч. 139.

том числе и в Дербентское владение, чтобы обменять на зерно продукцию животноводства или изделия домашних промыслов и ремесел.

Немало была роль соли и нефти в торговых отношениях жителей Дербента с народами Дагестана. Большой известностью пользовались соляные озера в Дербентском владении, о которых упоминал в своей работе Ф.Ф. Симонович.¹ Нефть из Дербента доставлялась во все районы Дагестана.

Одним из главных товаров, покупаемых горцами в Дербенте, являлось железо. Это подтверждается прошениями дагестанских владетелей, посланными в разные годы к российским властям Астрахани об отпуске им необходимого количества железа. Продажа железа была под запретом. Российские власти требовали от комендантов крепостей в Дагестане при осмотре товаров, привезенных на заставы, выявлять запретный товар и задерживать или отпускать его. Так, 26 мая 1732 г. правительство России в письме рекомендовало дербентскому коменданту, полученное из Астрахани железо, «не продавать за пределы Дербента, особенно магометанским купцам»².

В 1798 г. был издан указ, разрешавший неограниченный вывоз металла из Астрахани на Кавказ, в том числе и Дагестан, хотя представителя передовой экономической мысли в России еще в 1761 г. было рекомендовано правительству увеличить экспорт железа с целью пополнения казны дополнительными доходами.

В Дербенте все более возрастал спрос на российское железо и медь. Это было связано с развитием в городе ремесленного производства. Как отмечал Ф.И. Соймонов, «в Дербенте есть 4 медника, имеющие у себя 12 работников. Получая медь из Астрахани или Кизляра, и платя за пуд лучшей по 7 руб., средней по 6 руб. и низшей по 5 руб., они делают котлы, подносы, кувшины, чашки и другие вещи и продают в деле по 16 руб. серебром за пуд. Потребность меди не превышает 180 пудов в год». Кроме того, продолжает тот же автор, «11 кузниц с 19 мехами достаточно удовлетворяют потребности в железных вещах, не только жителей города, но и соседственных деревень. Несколько человек делают ружья, кинжалы, шашки... Вообще же в Дербенте всех мастеровых и ремесленников считается до 170 человек, имеющих оборотного капитала около 12 тыс. руб. серебром»³.

---

¹ Там же. С. 142.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 18. Оп. 3. Д. 95. Л. 1.

³ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб., 1763. С. 179 – 180.

В изучаемый период в Дербенте были созданы нормальные условия для развития товарно-денежных отношений. По сообщениям И.-Г. Гербера, в городе имелось «много хороших мечетов и караван-сараев для купечества»¹. П.Г. Бутков в 1796 г. насчитал в Дербенте «караван-сараев 6, лавок всяких 500, монетный двор один». По его же сведениям, Дербент являлся крупным торгово-ремесленным центром с населением примерно 10 тыс. человек с многочисленными фабриками шелковых и бумажных материй.²

На пути из Астрахани на юг крупным торговым центром после Дербента был Низабат, или, по сообщению Я. Стрейса, «красивая деревня Низабат, лежащая в плодородной и приветливой равнине»,³ где смыкались караванный и морской пути. Данная пристань контролировалась правителем Дербента. Так, в сочинении Ф. Котова отмечается наличие в Низабате даруги – приказного человека из Дербента.⁴

Низабат был местом коммерческой деятельности русских, иранских и других восточных купцов. «На берегу Низовой, – отмечал Ф. Соймонов, – была непрерывная ярмарка между российскими и персидскими купцами».⁵ Низабат прежде занимал важное место в торговле «между Россией, Персией и Дагестаном», туда «отправлялось купечество», в результате чего ширванский беглярбек «получал от него великую пошлину», – писал М. Чулков.⁶

В начале XVIII в., по свидетельству голландского путешественника Корнелия де Брейна,⁷ побывавшего в Низовой 23 июня 1703 г., это очень оживленный торговый пункт, куда прибывали суда из Астрахани, Терков, а также из Персии. В тот же день, по свидетельству автора, из Низабата в Астрахань отправились пять судов, нагруженных товарами.⁸ Низабат называли «пристанью добра». Сюда же сухим путем приходили верблюжьи караваны с товаром, которые затем на лошадях отвозили в Шемаху. В этом процессе была задействована боль-

¹ Гербер И.-Г. Указ. соч. С. 86.

² Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202.

³ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII – XVIII вв. С.140.

⁴ Хождение купца Ф. Котова в Персию. М., 1958. С. 71.

⁵ Соймонов Ф. Указ. соч. С. 37.

⁶ Чулков М. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1781-1788. Т.2. Кн.2. С. 516.

⁷ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. С. 151 – 157.

⁸ Там же. С. 156.

шая часть населения близлежащих сел, занимавшихся погрузкой, выгрузкой и перевозкой товаров. Располагаясь в небольшом расстоянии от Дербента, Низабат принимал часть грузов, прибывших из России и предназначавшихся Дербенту и восточным странам.

Во второй половине XVIII в. в связи с некоторыми изменениями направления транзитной торговли, торгово-экономическим возвышением Баку и падением прежнего торгового значения Шемахи уменьшилось значение Низабата. Путешественники второй половины XVIII в. С. Гмелин, Д. Форстер, М. Биберштейн придавали Низабату небольшое значение. В 60-х гг. XVIII в. Фатали-хан, под властью которого находился Низабат, в целях оказания экономического давления на Бакинское ханство всеми силами старался поднять значение Низабата и противопоставить его Баку. Дербентско-кубинский хан пытался направить «российскую коммерцию в Низовую»¹. После присоединения Баку и Шемахи к Кубе внимание к Низабату ослабло. Торговля с Россией в основном шла через Баку, по сравнению с которым Низабат был менее удобным портом. Путь от Баку до Шемахи был гораздо короче, чем от Низабата.

Рост торгового значения Баку и Дербента во второй половине XVIII в. снизил роль Низабата. «Низабатская пристань, если бы была и удобна, но ни к чему полезно быть не может, потому что кубинцы и другие горские народы, по ту сторону Дербента живущие, как-то: табасаранцы, казыкумыкцы, ахтинцы, рутульцы и другие произведения свои доставляют большею частью в Дербент, а частью сухопутно в Баку, где взамен получают они нефть, соль и российские товары»².

В конце XVIII в. Низабат играл незначительную роль на Каспийском море. «Город Низабат прежде был торговым местом российских купцов, а ныне торгуют они на всем западном берегу Каспийского моря»³. Караванная дорога шла из Низабата вдоль западного берега Каспийского моря в Баку, а другая в Шемаху. Дорога в Шемаху сначала проходила вдоль берега моря, через Шабран, Тагинское ущелье, затем горами.

Баку как порт не имел себе равного на Каспийском море. «Бакинская гавань, – писал И. Березин, – составляет настоящее золотое дно для города; на западном берегу каспийского моря это почти лучшая га-

---

¹ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку, 1965. С. 290.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 291.

³ Там же.

вань по своей безопасности, а по другим выгодам она не имеет себе соперницы на этом берегу: Баку расположен на торговом перепутье из Персии в Волге и удобно сообщается с Ширваном, Закавказьем и Дагестаном. Берега Бакинского залива так приглубы, что суда могут становиться у самой суши». Незамерзающий Бакинский порт был доступен во все времена года. «Порывистые, изменчивые ветры составляют единственное неудобство Бакинского рейда»,¹ – отмечал тот же автор. По мнению С. Гмелина, Баку – самая лучшая гавань на Каспийском море.² М. Биберштейн считал, что Баку «единственный обширный и удобный порт»³.

Российский консул в Баку Суляков в 1765 г. свидетельствовал о большом значении города для российской торговли, называл Баку узловым торговым пунктом. Он отметил, что товары из разных мест Закавказья «пересылаются в Баку для отвоза в Астрахань и прочие порты»⁴. Он же говорил, что морские штормы в Бакинском заливе не представляют опасности для стоянки и движения судов: «... Пристань весьма безопасная, ибо те суда от моря входят к Баку в залив, в котором большого волнения никогда не бывает»⁵. Каменные строения исключают пожары, поэтому «купцы производят в Баку торг весьма покойно»⁶. Полковник С. Бурнашов характеризовал Бакинский порт как наилучший на Каспийском море, обладающий всеми портовыми удобствами для стоянки судов.⁷

Баку во второй половине XVIII в. имел большое значение для торговли, привлекавшей внимание российского купечества. Город был важнейшим торговым центром, пересылочным пунктом. Об этом свидетельствовал ряд российских путешественников и официальных сообщений. Товары отправлялись «в Баку для отвоза в Астрахань и прочие порты на российских судах»⁸. Баку имел широкие торговые связи с Тифлисом и Ереваном, «внутренними местами Закавказского

---

¹ Березин И.Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч. 3. Казань, 1850. С. 22.

² Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. СПб., 1785. Ч. 3. С. 21 – 22.

³ Биберштейн М. Указ. соч. С. 15.

⁴ РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 637. Лл. 166, 168.

⁵ Там же. Л. 168.

⁶ Там же.

⁷ Бурнашов С. Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния. Курск, 1793. С. 10.

⁸ Уляницкий В.А. Русские консульства за границею в XVIII в. Ч. 1. М., 1899. С. 615.

края» и с Ираном.¹ В консульском донесении от октября 1765 г. сообщалось, что Баку, как пересылочный пункт, имеет довольно широкие связи. Туда привозят товары «из Ганджи, Шемахи и других тамошних внутренних мест» для отправки в Россию. В 1768 г. в Кубе состоялась беседа майора Ваганова с кубинским ханом, в которой майор отметил, что Баку большой торговый город, Бакинские торговцы от торговли имеют большие выигрыши – «разбогатея деньгами играют»².

Большое торговое значение Баку приобрел в период объединения Северо-Восточного Азербайджана под эгидой Фатали-хана. В архивных источниках приводятся ценные сведения о значении Баку и Северо-Восточного Азербайджана в торговых связях с Россией о большом потоке товаров, идущих в Баку. «Баку изобилуют нефтяными ключами, самую лучшую солью... Тамошние народы имеют необходимую надобность и для покупки российских товаров; стекается сюда великое множество торгующих из Мазандарана, Гиляна, Ленкоранского берега и из Адербайджана (южно-азербайджанских земель); весь Ширван, заключающий в себе провинции Шемахинскую, изобилующую наипаче шелком, Шекинскую и другие мелкие владения, простирающиеся до реки Куры и Аракса, не имея по местоположению своему иного порта, все произведения свои доставляют в Баку»³.

В другом источнике говорится об обширной торговле Баку почти со всеми азербайджанскими ханствами и дагестанскими феодальными владениями и союзами сельских общин. «В торговле Бакинской весьма много участвует Шемаха, также приезжают лезгины с товарами того же качества, какого привозят в Дербент, сверх того из Ардебиля, из Тавриза, из Хоя и из Ряша приезжают купцы, то и торговля (в Баку) несравненно обширнее дербентской»⁴. Все города Южного Азербайджана как политически, так и экономически тяготели к Баку и Кубе.

Кроме того, Баку являлся узловым пунктом транзита, крупным центром каспийской торговли. С. Броневский сообщал: «В Баки производятся довольно значущие торги и наипаче транзитный торг российскими и европейскими товарами в Персию, Ширван и Грузию на российских судах... Часть астраханских товаров идет далее в Персию, а порожные суда нагружаются нефтью, солью, шафраном, ареною для отправления в Гилян... Оттуда персидские товары уже прямо отвозятся в Астрахань, за исключением некоторых судов, нагруженных нащет

¹ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 292.

² ЦГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 201. Л. 574.

³ РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18474. Лл. 23 – 24.

⁴ Там же. Л. 28.

бкинских или шмахинских купцов»¹. Таким образом, источники единодушно отмечали большое значение Баку как крупного узла и центра прикаспийской торговли.

Итак, западное побережье Каспийского моря являлось связующим звеном в торговых контактах России с кавказскими народами, так как здесь более развиты были товарно-денежные отношения, чем в других областях Кавказа. В обращении были российские, иранские, турецкие, дербентские и ширванские монеты. Регулярные и устойчивые торговые связи с Россией втягивал этот регион в общероссийский экономический интеграционный процесс. На рынки торговых центров Западного Прикаспия съезжались представители всех народов Кавказа и восточных стран, привозя с собой продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, скот и лес, реализация которых для горцев была насущной проблемой.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹ Броневский С. Указ. соч. Ч. 1. С. 225.

ГЛАВА IV. МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРАНЗИТНАЯ ТОРГОВЛЯ В ЗАПАДНОМ ПРИКАСПИИ В XVII – XVIII ВВ.

§ 1. Предпосылки и условия торговли России со странами Востока через Западный Прикаспий

До середины XVI в. торговые сношения Русского государства со странами Востока еще не были регулярными. После выхода России к Каспийскому морю положение крайне изменилось. Начали быстро развиваться торговые отношения с восточными странами, особенно с Ираном. Как сообщал Ф. Котов, после вхождения Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств в состав России последняя овладела Волжско-Каспийским торговым путем.¹ «Астрахань возвращала себе прежнюю славу торгового центра»².

Присоединение Казани и Астрахани к России отдало в распоряжение Московского государства основные центры торговли (Казань, Астрахань) с государствами Средней Азии и Ираном. Присоединением Астрахани, где было много иранских купцов, «завязались сами собой коммерческие сношения» с Ираном и другими восточными странами.³ По Волге Русское государство вышло к Каспийскому морю, что еще значительно сократило расстояние между Россией и Ираном, особенно Северо-Восточным. Вскоре русские купцы уже «вели в Астрабаде оживленную торговлю» своими традиционными товарами.⁴

С этого времени Волга на всем ее протяжении стала русской рекой. Включение в состав Российского государства всего Волжского бассейна способствовало дальнейшему экономическому развитию страны и расширению ее связей со странами Востока. «Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговля и политическое влияние распространились. Звук оружия изгнал чужеземцев из Астрахани, но спокойствие и тишина возвратили их. Они приехали из Шемахи, Дербента, Шавкала», – писал о значении присоединения Казани и Астрахани Н.М. Карамзин.⁵ По мнению другого видного русского историка С.М. Соловьева, «утверждение в устьях Волги открыло

¹ Котов Федот. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 34.

² Там же. С. 41.

³ Вульфсон Э.С. Персы в их прошлом и настоящем. М., 1909. С. 70.

⁴ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. СПб., 1862. С. 51.

⁵ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1892. Кн. 2. Т. 8. С. 143.

Московскому государству целый мир мелких владений в Прикавказье, князья их ссорились друг с другом; терпели от крымцев и потому, как скоро увидели у себя в соседстве могущественное государство, бросились к нему с просьбами о союзе, свободной торговле в Астрахани, некоторые с предложениями подданства»¹.

С этого времени торговля России с Востоком приобретает постоянный характер и отличается широким охватом стран и большой интенсивностью товарообмена. Значительную роль в русском импорте стали составлять не только предметы роскоши, но и товары широкого потребления (хлопчатобумажные и шелковые ткани), и производственного назначения (краски, камедь, квасцы, нефть и др.). В экспорте преобладали товары собственного производства (кожа, железные и деревянные изделия, вооружение) и продукты промыслов (пушнина, мед, воск). Главным путем русской торговли становится Волжско-Каспийский морской путь.

Между тем присоединение Астраханского и Казанского ханств к России обострили отношения с Турцией. Султан Сулейман II (1520 – 1566), стремившийся укрепиться в бассейне Волги и Каспия, был крайне обеспокоен ликвидацией самостоятельности этих двух ханств. Однако Сулейман II, политик очень осторожный, тому же занятый войнами в Венгрии и Иране, не решился открыто вмешаться в дела России. Положение осложнилось при его преемнике Селиме II (1566 – 1574), который предпринял ряд военных авантюр, приведших к первым серьезным трещинам в военной мощи Османской империи. Одной из этих авантюр явился поход на Астрахань в 1569 г. Султан рассчитывал овладеть низовьями Волги и обеспечить себе свободный проход через Северный Кавказ в Закавказье и Иран. Но всем этим планам не суждено было сбыться.

В начале XVII в. напряженные отношения между Ираном и Турцией вылились в войну. В такой обстановке Ирану нужна была поддержка, и он обратился за ней к России. В Москву прибыло посольство во главе с Лачин-беком. Результатом переговоров в Москве было обещание царя всячески поддерживать Иран. При этом Россия, конечно, не отказывалось от своих целей в Дагестане и Восточной Грузии.

Несмотря на сложное внешнеполитическое и внутреннее положение, Россия в начале XVII в. продолжала усилия по налаживанию торгово-экономических и политических связей с Ираном, а также с Кавка-

---

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 3. Т. 5 – 6. С. 178..

зом, Закавказьем и районами Каспийского моря. Расширением торговли по Волжскому пути и Каспийскому морю, Россия ставила своей целью ослабить экономическое влияние своего соперника – Турции.

Россия в XVII в., еще не имея возможности открыто вмешиваться в соперничество с османами и сефевидами за влияние на Кавказе, проводила преимущественно политику экономической экспансии. Российское правительство, стараясь повернуть торговлю ближневосточных стран с Европой, осуществлявшуюся через Турцию и Персидский залив, на Волжско-Каспийский путь, стремилось создать благоприятные условия для купцов Прикаспийских стран. Так, в 1667 и 1672 гг. российское правительство заключило договоры с исфаганской торговой компанией, согласно которым купцы этой компании обязывались производить весь свой вывоз шелка-сырца в Европу по Каспийско-Волжскому торговому пути.¹

Для более успешного развития восточной торговли следовало развивать на Каспии судоходство и судостроение. Бассейн Волги и Каспия издавна был районом развитого судостроения. Ежегодно по Волге в Астрахань приходило по 500 судов. Следует отметить, плавание по Волге в XVII в. являлось делом далеко не безопасным, было сопряжено с опасностями нападения со стороны казаков. Оно представляло также большие трудности и в чисто техническом отношении: русло реки, особенности в верхнем и среднем ее течении, изобиловало перекатами и мелями, которые затрудняли движение судов.

Перевозка грузов и пассажиров по Волге и Каспию производилась на стругах, бусах, насадах, коломенках, паузках и др. Волжские струги представляли собой легкие плоскодонные суда с отвесными бортами, которые приводились в движение при помощи весел, при попутном же ветре ставились на стругах еще паруса. Струги встречались самых различных размеров и водоизмещений. Большинство из них имели лубяные крыши, а на некоторых были устроены даже «чердаки», т.е. крытые помещения для команды и грузов.²

Насады, в отличие от стругов, были тяжелыми судами водоизмещением несколько десятков и даже сотен тонн, достигавшими 35-40м длины. Будучи судами гребными, они вместе с тем ходили под парусами и бечевой; продвижение этих судов вверх по реке, особенно при встречном ветре, бывало чрезвычайно затруднительным.

---

¹ Есаи Асан Джалалян. Указ. соч. С. 36.

² Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. С. 362.

С развитием торгового движения на Волге появились грузовые суда нового типа, так называемые «коломенки», которые использовались для перевозки тяжелых грузов, вроде металлов. Это были суда с совершенно плоским дном, отвесными штевнями и бортами почти везде равной вышины; управлялись они потесями, от двух до четырех штук на судно, которые размещали поровну на носу и корме. Для хода вверх по реке под парусами на коломенках ставились большие мачты с реей.¹

За насадами и коломенками обычно следовали небольшие речные мелководные суда – паузки, для помощи грузовым судам при переходе через перекаты и мели.

Среди судов, плавающих по Каспийскому морю в XVII в., чаще всего упоминаются в источниках бусы – остроносые круглодонные крутобокие суда с одним парусом. На них имелись запасные канаты, якоря и паруса. Командовал бусой служилый человек, бравший с собой плотника, десятка два стрельцов и пушкарей. По свидетельству очевидцев, бусы отличались значительной грузоподъемностью. Так, англичанин Дженкинсон в конце XVI в. купил в Астрахани судно для плавания по Каспию и перевез на нем груз, для которого потребовался караван в 1000 верблюдов, т.е. более 200 т.² Постройка бус на верфи делового двора Астрахани носила организованный и стабильный характер, там всегда можно было изготовить необходимое число судов в короткий срок. Так, в 1588 г. в течение месяца была построена буса, вместившая и русское посольство во главе с Г.Б. Васильчиковым, и возвращавшееся домой персидское посольство, да, кроме того, «для гребли девять человек...да по государеву указу для провожанья двадцать человек стрельцов»³.

Бусы, предназначавшиеся, как правило, для торговли и перевозки посольств, всегда были вооружены, чтобы защищаться от нападения жителей прибрежных областей, особенно казаков. На бусе стояли две пушки, а в более спокойное время – одна пушка, «пуд пороха, полпуда дробы, соток ядер, двадцать стрельцов, пушкарь...»⁴. Подобное вооружение служило лишь средством защиты.

Следует отметить, что сами суда и способы их вождения были примитивны и небезопасны. По свидетельству А. Олеария, «...персы,

---

¹ Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С. 75 – 76.

² Английские путешественники...С. 75.

³ Веселовский Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 13.

⁴ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетии. С. 110.

татары (дагестанцы – Авт.) и русские плавают по Каспийскому морю, но так как у них плохие и дурно снаряженные суда, а сами они почти только и плавают, что по ветру, то они никогда не отваживаются пускаться на середину моря, но держатся берегов, у которых могут останавливаться на якорях»¹.

Русский гидрограф, картограф и географ Ф.И. Соймонов (1682 – 1780), характеризуя каспийское судоходство до Петра, писал, что бусы были небезопасны в плавании. Устройство их не позволяло лавировать. Они ходили по ветру с большим парусом, а если ветер менялся, то поднимали малый, называвшийся «гуляй – парус», и заходили в какой-нибудь залив.² Нельзя не удивляться мужеству купцов и мореходов, отважившихся пускаться в плавание по опасному и капризному Каспийскому морю на столь ненадежных судах, выдерживавших, по свидетельству современников, не более двух рейсов от Астрахани до крепости Терки, Тарков, Дербента или Низабада и обратно, после чего необходимо было либо ремонтировать, либо строить новые суда.³

Перевозка товаров по Каспийскому морю производилась, кроме того, гилянскими бусами, напоминавшими по своей конструкции русские, а также дербентскими и ширванскими судами. Последние, как отмечают современники, «имеют совершенно форму рыбы и носят даже это название, ибо узки в корме и в носу, а на боках очень выпуклы... для управления же имеют они две мачты и большой шест, служащий им вместо руля... в дурную погоду они прибегают к парусам; иногда же употребляют и весла»⁴.

Во время правления царя Михаила Романова (1613 – 1645) решили, что будущее русского мореплавания – за судами европейского типа. В 1633 г. царь разрешил голштинским купцам организовать компанию для торговли с Ираном и Индией через Русское государство без уплаты таможенных пошлин. Разрешение объяснялось тем, что голштинцы обещали платить в казну ежегодно баснословную по тому времени сумму в 600 тыс. ефимков (талеров, шедших по два на тогдашний русский рубль). Для организации транзитной торговли компания получила право построить десять судов в «земле царского величества, и лес покупать у царских подданных вольною торговлею,

---

¹ Олеарий А. Указ. соч. С. 507.

² Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. С. 205.

³ Тушин Ю.П. Указ. соч. С. 42.

⁴ Английские путешественники... С. 176.

плотников нанимать царских подданных охочих людей, и от этих плотников корабельного мастерства не таить».¹

Первый из этой серии кораблей, «Фридерик», был построен в том же году в Нижнем Новгороде. А. Олеарий отмечал, что осматривавшие корабль «персы-мореходцы» удивлялись его размерам и говорили, что «Кюльзюм – так называли они Каспийское море – с тех пор, как по нем ездят, не видал еще столь большого судна»².

По сведениям Н.И. Костомарова, «Фридерик» был построен по образцу тогдашних русских судов, но отличался отделкой и парусной оснасткой, которая производила внушительное впечатление своими размерами.³ В Астрахани многие купцы и мореплаватели уверяли голштинцев, что такое судно не годится для Каспия, где волны коротки, чрезвычайно высоки, и поэтому советовали, по крайней мере, укоротить мачты. Их опасения оправдались. В первом же плавании грот-мачта сломалась на три части, корабль потерял управление и был выброшен на берег. Расстроился и договор с голштинской компанией.

Тем не менее царское правительство не оставляло попыток строительства кораблей европейского типа, так как морская торговля сулила казне большие выгоды. Определяющими причинами судостроения на Каспии были потребности заморской торговли.

В начале XVII в. вопросы восточной торговли, наряду с торговлей с Западом, приобретают важное значение во внутренней и внешней политике Российского государства. Торговые интересы российского правительства находились в определенной взаимосвязи не только с растущим процессом централизации и укрепления Российского государства, но и со стабилизацией Сефевидской державы, в торговых связях с которой более всего была крайне заинтересована Россия. Все это выдвинуло Прикаспийские области на положение главных районов торговли России со странами Востока.

С начала XVIII в. в восточной политике Российского государства торгово-экономические отношения заняли важное место. В это время Россия добилась первых серьезных результатов в этом направлении. Петр I, «прорубив окно в Европу», поставил перед собой задачу в интересах России не допустить, «чтобы какая другая держава, чья бы то

---

¹ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5 – 6. С. 199.

² Олеарий А. Указ. соч. С. 356 – 357.

³ Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. С. 106.

ни было, на Каспийском море утвердилась»¹. «Нам крайняя нужда будет, – заявлял он, – береги по Каспийскому морю овладеть, понеже турок тут допускать нам невозможно»². Петр I стремился шире открыть ворота Ирана для российской торговли, изменить традиционный путь поступления иранского шелка в Европу (через Турцию), направив его по Волге и Каспийскому морю.³

Петр I обращал особое внимание на укрепление позиций России на западном побережье Каспийского моря. При этом он надеялся сконцентрировать на Волжско-Каспийской магистрали всю индоевропейскую торговлю.⁴ Позицию России на Каспийском море упрочил Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг.

В то время Каспий представлял собой как бы заброшенный бассейн, хотя и составлял часть водного пути из Москвы в Иран и Среднюю Азию. Петр I, уделяя серьезное внимание торговле с югом, мечтал о повороте Амударьи в сторону Каспийского моря. Гениальная прозорливость подсказала ему, что не пассивная внешняя торговля с Европой через Петербург, а развитие промышленности страны и активная внешняя торговля с Востоком помогут достичь богатства и могущества России. И Каспийское море представлялось ему наиболее удобным для такой активной торговли.

Н. Шавров писал, что, создавая фабрики и заводы, Петр I старался обеспечить России и рынки в Азии. Он создал «удобный для того времени и дешевый водный путь от Каспийского моря по Волге, который служил для сбыта в Европу через Петербург и Балтийское море» товаров.⁵ Таким образом, самый удобный и дешевый путь был указан Петром I в 1713 г. и вел через Волгу, Каспий на Кавказ, в Закавказье и Иран.⁶

Важную роль в истории российско-восточных торгово-экономических отношений, в частности, российско-иранских, сыграло

¹ Очерки истории СССР. XVIII век. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954. С. 606.

² Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. I – XXIX. 2-е изд. М., 1851 – 1879. С. 696.

³ Бушев П.П. Посольство Арметия Волинского в Иран в 1715 – 1718 гг. М., 1978. С. 4.

⁴ Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения. Ташкент, 1975. С. 23.

⁵ Шавров Н.О. О современном положении русского торгового мореходства на юге России. М., 1887. С. 30.

⁶ Шавров Н.А. Путь в Центральную Азию по направлению, указанную Петром Великим. СПб., 1871. С. 11.

посольство 1715 г. в Иран Артемия Волынского. Обстоятельствами, предшествовавшими этой миссии, было то, что в 1712 г. турки захватили Дербент и Шемаху – центры транзитной торговли России с Ираном. Захват этих городов угрожал российско-иранской торговле по Волжско-Каспийскому пути. В такой обстановке, когда для России нарастала необходимость принятия действенных мер, осенью 1715 г. Петр I направил в Иран к шаху Султану Хусейну умного молодого подполковника А. Волынского. Целью А.П. Волынского было в первую очередь выяснить политическую обстановку в Иране и заключить торговый договор. Для этого он был снабжен широкими полномочиями.¹

После многих проволочек со стороны иранских властей в июле 1717 г. А.П. Волынский заключил, наконец, соглашение с шахом Ирана Султаном Хусейном, которое было ратифицировано в России в июне 1719 г. Данное соглашение устанавливало, что российским подданным в Иране и иранским в России предоставляется право свободной торговли.²

Помимо заключения торгового договора А.П. Волынский восстановил дружественные отношения между Россией и Ираном, добился принятия при шахском дворе российского резидента и учреждения впервые в истории российско-иранских отношений российской консульской службы в Гиляне для рассмотрения споров между торговцами. Одновременно он старался изучать пути и возможности развития торговли не только с Ираном, но и с Индией, поскольку одной из задач миссии было принятие мер к увеличению российской торговли в Иране и установлению транзитной торговли через Иран с Индией, чтобы армяне вывозили оттуда весь шелк-сырец исключительно в Россию.³

На основе соглашения, заключенного с шахом миссией А.П. Волынского, российские купцы получили право ввозить товары «во всякое место государства Персидского без противности и препятствия»⁴. На базе этого соглашения были установлены и размеры пошлин, и торговые преимущества; России было предоставлено право иметь в Ги-

---

¹ Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М., 1991. С. 56.

² Шавров Н.А. Судоходство и торговля в южной части Каспия. СПб., 1912. С. 119.

³ Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. // Труды общества по исследованию и изучению Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1929. С. 4.

⁴ Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1. М., 1899. С. 110.

ляне постоянного консула для рассмотрения споров между торговыми людьми. Шах обещал охранять российских торговцев от разбоя и определил права российского консульства в Гиляне.¹

Заключение торгового соглашения было крупнейшим достижением посольства А.П. Волынского. Это было первое торговое соглашение между Россией и Ираном, если не считать соглашений России с армянскими купцами. На основе этого соглашения Россия получила право проживания и свободной торговли для своих купцов во всех городах Ирана. К сожалению, соглашение, заключенное А.П. Волынским, не было реализовано из-за обострения внутривосточной обстановки в Иране.

К началу 20-х гг. XVIII в. активизировалась политика России в отношении Дагестана, Закавказья и Ирана. Персидский поход Петра I увенчался занятием Дербента и Баку. 12 сентября 1723 г. в Петербурге между двумя странами был заключен договор, по которому Россия обязалась оказывать Ирану «добрую и постоянную дружбу и вспоможение против всех ее бунтовщиков»². При шахе Тахмаспе между Ираном и Россией возобновились и стали развиваться торговые отношения. Во второй половине XVIII в. торговый оборот России с Ираном через Каспийское море еще более увеличился.

§ 2. Место Западного Прикаспия в российско-закавказских торгово-экономических отношениях

В XVII – XVIII вв. взаимоотношения России со странами Закавказья становятся более интенсивными, особенно торгово-экономические связи. В этот период товарообмен между ними настолько расширился, что в дальнейшем создались условия для втягивания стран Закавказья, в частности Азербайджана в систему всероссийского рынка, что наряду со многими обстоятельствами подготовило присоединение Закавказья к России.

Основным транзитным пунктом в торгово-экономических связях России с Закавказьем на побережье Каспия являлся Дербент, обладающий крупным морским портом на Каспии. Однако пристань Дербента в это время была необорудованной для приема крупных судов, открыта всем ветрам. У российского правительства были большие планы по реконструкции дербентского порта. Еще в начале XVIII в. была от-

---

¹ Ильенко И. Очерки Персии. СПб., 1902. С. 153.

² Ильенко И. Указ. соч. С. 154.

правлена большая экспедиция на Каспий для его исследования, которая составила подробную картину Каспийского моря, прибрежных городов и торговых путей. Находившийся в составе экспедиции Ф.И. Соймонов писал, что полученная им инструкция «состояла в том, чтобы от Астрахани по западному берегу до Астрабада положение берега и форвастер осмотреть и описать для пользы купечества». Составлением навигационной карты предусматривалось удовлетворение нужд коммерции и торгового мореплавания, а также военно-морских сил, выступавших в поход на Каспийское море.¹

В 1722 г. Петр I «вызволил ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань». Перед отъездом из Дербента император приказал Матюшкину «делать» в Дербенте «гавань по чертежу»,² придавая этому делу большое значение. Еще в XVII в. Я. Стрейс писал, о возможности переправлять через Каспийское море из Голландии олово, цинк, сукно, атлас и другие товары, «которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте и Шемахе. Поэтому следовало бы всю торговлю шелком направить в Голландию через Дербент Каспийским морем, Волгой, чем предпринимать далекий путь с большим и дорогостоящим конвоем... со многими опасностями, сначала сухим путем в Смирну, а оттуда с большими потерями от берберских разбойников через Испанское море, не говоря уже о невероятной пошлине, взимаемой турками»³.

Особое внимание Петра I к Дербенту можно объяснить тем, что Россия вывозила из Азербайджана и других районов Закавказья «шелк-сырец вареной, хлопчатую бумагу, парчи шелковые и бумажные овчинки, пшено и фрукты» через дербентский порт. Для того чтобы вывозить весь этот товар на больших судах, которые не могли подходить к Дербенту из-за мелководья берега, российское правительство планировало создать здесь более удобную для причаливания морских судов гавань. Посол Петра I в Иран А. Волынский высказался за построение в Дербенте новой пристани для больших морских судов.⁴

У Петра I были намечены конкретные меры по развитию торговли с Кавказом и Закавказьем, а через них и со странами Ближнего Востока. Немаловажное значение в этом деле придавалось и Дербенту. Так, указом Сената от 28 марта 1724 г. было разрешено вывозить из России

¹ Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов. М., 1966. С. 21 – 22.

² Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг. М., 1867. С. 48.

³ Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С. 232.

⁴ Лебедев В.И. Посольство А. Волынского в Персию // Известия АН СССР. М., 1948. № 6. С. 535.

в Дербент железо, свинец и порох, а также был открыт беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака и всяких хлебных припасов и скота в Дербенте.

Были значительно снижены цены товаров, отпускаемые из России в Дербент. «По приготовлению правительствующего Сената, – говорится в одном из документов, – велено отправленное из Астрахани в Дербент казенное вино, которое астраханский губернатор Волинский велел продавать по 5 руб. 20 коп. (за) ведро продавать по 4 руб. ... Сенату известно, что от дороговизны в продаже вина происходит обретающимся в тамошних местах войскам нужда... того ради Сенат приказал прибыли сверх того не накладывать, и для той продажи, как в Дербент вино отпускать с довольством, дабы нигде ни малые в продаже остановки не было; также позволить черкасам и казакам, которые там обретаются, вино и табак привозить и продавать свободно повольною ценою... объявить, чтоб они брали с собою вино и табак для продажи ж в тех новозавоеванных провинциях без всякого опасения...»¹.

Кроме того, с 1723 г. дербентские торговцы были уравнены в правах с российскими купцами. Дербент был признан с этого времени российским городом, а его жители – подданными России. В указе Сената от 17 декабря 1723 г. говорится: «О взимании таможенной пошлины с купцов дербентских жителей с привозных их товаров и торгов в Астрахани пошлину брать против русских, понеже оные купцы стали быть его величества подданными»².

К тому же жалованной грамотой императора было предоставлено дербентским жителям право свободной торговли в Российском государстве: «Петр Первый повелел дать жалованную грамоту всем жителям города Дербента за показанные их нашему императорскому величеству доброжелательные поступки и верные услуги, обнадеживая их, что они всегда содержаны будут в нашей императорского величества милости и от всех их неприятелей в защищении и обороне твердой... также позволятца им пребывание свое и купечество иметь, и отправлять свободно...»³.

Дербентским, дагестанским и закавказским купцам при торговле с Россией предоставлялись льготы, к и их услугам были и российские купеческие суда. Через Дербент в Россию ввозили свои товары ширванские, шемахинские, джульфинские, гянджинские, ереванские, на-

---

¹ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 295 – 296.

² Полное собрание законов Российской империи. Т. I. С. 186.

³ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. С. 260 – 261.

хичеванские, тифлиссские купцы.¹ Главными из этих товаров являлись шелк-сырец, шелковые и полушелковые ткани и изделия из них.

Из Закавказья в Россию морем и сухим путем ввозили шелк-сырец известные в России купцы. Например, по книге записей дербентской таможи, 31 июля 1729 г. приказчик московского купца Андрея Евреина из Шемахи в Дербент привез 15 тай чистого шелка «в оных весу 315 батманов рященской покупки»². По данным московской таможи, за 1740 г. тот же купец «из-за моря» через Астрахань сам привез три партии шелка-сырца.³ Его отец Матвей Евреинов тоже был в то время известным московским фабрикантом. В июле 1721 г. во время известных шемахинских событий были разграблены товары российских купцов, среди которых были и товары Матвея Евреина на сумму 170 тыс. руб. «персидской монетой»⁴. В 20-х гг. XVIII в. Евреиновы стали крупнейшими поставщиками восточных товаров на Макарьевскую ярмарку. Они же в 1721 г. вошли в компанию, заведенную в 1717г. П.П. Шафировым и П.А. Толстым «Московской мануфактуры».⁵

В 1733 г., по данным астраханской таможи, из Дербента в Астрахань было доставлено 17-ю торговцами 19 партий товаров на сумму 3228 руб. Значительное место среди товаров, поступавших в 30-е гг. XVIII в. из Дербента в Астрахань, занимали местные продукты сельхозпроизводства, а именно сорочинское пшено (рис), чихирь (вино), грецкие орехи, сушеные фрукты. По неполным данным, за период с 1733 по 1735 год указанных товаров из Дербента в Астрахань поступило на сумму более 6 тыс. руб. Например, в начале 30-х гг. XVIII в. три дербентских торговца-грузина вывезли из Дербента в Кизляр в общей сложности 28 бочек «дербентского чихиря».⁶ 24 октября 1738 г. из Дербента ушло судно астраханского купца Т. Лошкарева, на котором было погружено «покупного чихиря 100 бочек, одна тая орехов грецких, гороху дербентского, пшеницы дербентской одна тая», а 5 сентября 1739 г. судно того же купца вывезло из Дербента в Астрахань «ма-

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 34.

² Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 278. Лл. 200 – 201.

³ Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30 – 40-х гг. XVIII в. // Исторические записки. Т. 23. М., 1947. С. 68.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IV. Т. XVI – XX. СПб., 1901. С. 671.

⁵ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. // Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 52 – 53.

⁶ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 80 – 81.

рену – 550 пудов, сала бараньего – 64 пуда, коровьего масла – 104 пуда».¹

Разведением винограда в Дербенте и выделыванием из него вина занималось большинство горожан, особенно армяне, так как это приносило им большие барыши. В «Обозрении Российских владений за Кавказом» говорится: «Сторона, прилегающая к южной стороне крепости, покрыта виноградниками на четыре, или на пять верст; как там, так и на северной стороне считается 860 садов... Армяне из собственного винограда выделывают до 30 тыс. ведер вина и до 40 тыс. ведер водки. Разведение виноградных лоз издавна занимает тамошних жителей: Великий Петр в короткое пребывание свое в Дербенте, не оставил этой промышленности без внимания, и дал им винодела для улучшения выделки вина»².

Дербентское владение и Северный Азербайджан являлись поставщиками марены для текстильной промышленности России. По данным П.Г. Буткова, «Торг дербентский знатнейший в марене, которой до шести тысяч пудов отправляется морем в Астрахань на российских судах и сухопутно в Кизляр. Туда же отправляют несколько шафрану»³. Архивные документы сообщают и о таком важном сырье, которое поступало из Дербента в Россию, как «бумага хлопчатая», т.е. хлопок-сырец.⁴

В больших количествах из Дербента в Астрахань вывозился шелк. Так, по неполным данным Кизлярского комендантского архива, 5, 7, 9 июня и 12 декабря 1772 г. было вывезено из Дербента 452, 5 пудов шелка-сырца на сумму 20 010 руб. Как справедливо отмечает Ф.З. Феодаева, было бы неверным считать весь этот шелк произведенным в Дербенте.⁵ Дербент был крупным транзитным пунктом международной торговли на западном побережье Каспия, где шелком торговали задолго до изучаемого времени и через который этот восточный товар поступал на российский рынок. Естественно, что большая часть шелка поставляли в Дербент из владений Дагестана и Закавказья, где традиционно возделывался шелк.

Если судить по данным дербентской таможни, то в 1778 – 1783 гг. в Астрахань из Дербента было вывезено 5 499 пудов 22 фунта шелка-

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 3952. Л. 109.

² Обозрение Российских владений за Кавказом. Ч. 4. СПб., 1836. С. 135.

³ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 202 – 203.

⁴ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 873. Л. 3.

⁵ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – нач. XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1973 С. 119.

сырца. В последующие годы ввоз шелка-сырца в Астрахань увеличивается, что соответствовало общему росту торговых оборотов Дербента с Астраханью. Цены на шелк все повышались. Если, например, в начале 80-х гг. XVIII в. пуд шелка в Астрахани стоил в пределах 60 руб., то в 90-е гг. XVIII в. в зависимости от сорта – уже от 135 до 200 руб.¹

Транзитом через Дербент в Россию шли также товары из стран Закавказья. «Важнейшая торговля Дербента, – говорится в «Обозрении Российских владений...» – производится с Астраханью и состоит в отправлении туда марены, кубинского и ширванского шелка, кубинских и табасаранских ковров и паласов, сарачинского пшена, грецких и миндальных орехов, кишмиша, кизила, мехов: куньих, лисьих и других. Из всех этих предметов отпуска, одна только марена и не большая часть фруктов суть собственно дербентского производства».²

Велика была роль Дербента в торговых связях России с народами Дагестана и Азербайджана. В городе они могли приобретать как российские, так и восточные товары. «С Кубью и горскими народами дербентцы ведут транзитный торг товарами русскими и персидскими. Русские ситцы, нанки и другие бумажные товары сбываются в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам; они решительно берут преимущество перед тканями персидскими... Употребление русских бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом более и более, а персидские доставляются не многими из бакинских и шемахинских купцов... Горские народы доставляют в Дербент сукно, известное под именем лезгинского, бурки, овчины, масло, мед, ковры, паласы – всего на 10 тыс. руб. серебром. Предназначаемые собственно для Дербента, и для транзитного торга с дагестанцами русские товары состоят главнейше из ситцов, нанки, сахара, чаю, каменной посуды, разных металлических вещей, сундуков, железа и пр. Этих товаров доставляется ежегодно на сумму свыше 65 тыс. руб. серебром»³.

Дербент в изучаемое время продолжал играть роль своего рода перевалочной базы товаров, которые привозились сюда из разных городов и торговых центров Северного Кавказа и Закавказья наряду с российскими товарами. «Сверх российских товаров, – писал А.А. Кремский, – в Дербент привозятся из Шемахи: шелк, шелковые материи, в Шемахе сделанные, как-то: мовидрай, шемандруз, аладжи и тому по-

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 84.

² Обозрение Российских владений за Кавказом. С. 181.

³ Там же. С. 184 – 185.

добные; из местечка Тарков и из соседних оному мест: марена, кубачинское сукно, бурки, медь, коровье масло, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли, в кубачинском селении сделанные; из Баку смола, нефть и соль»¹. Из Дербента часть из этих товаров рассредоточивалась по районам Дагестана, часть – в Закавказье, часть – в Россию.

В свою очередь, Дербент нуждался в российских товарах, особенно в железе и металлических изделиях. Как отмечал Ф.Ф. Симонович, «Из России Дербент получает: железо, сталь, масло, мыло, холст, сукно, тафту и другие материи»². Большая часть из этих товаров расходилась по разным регионам Дагестана и Закавказья.

В пользу того, что одним из товаров, вывозимых в значительном количестве из России, был металл, свидетельствует деятельность комиссионера царя Грузии Ираклия II Ходжаминасова. Царь Ираклий II просил разрешить его комиссионеру вывозить из Астрахани беспошлинно ежегодно олова 1 000 пудов, стали 500 пудов и железа 2 000 пудов. Металл предназначен был для реализации «в Персию и Дагестан»³. Российскими властями просьба царя Ираклия II была уважена и императорским указом от 13 августа 1789 г. вывоз названных металлов разрешен был сроком на четыре года.⁴

Однако купцы, которым было разрешено вывозить металл и другие «заповедные товары», злоупотребляли полученной ими льготой и способствовали вывозу в Дагестан, Закавказье большего количества металлов, чем это было разрешено. Поэтому таможенные власти дали указание в дальнейшем, до получения новых разрешений вышестоящих инстанций, не допускать вывоза металлов.⁵

Среди российских товаров, ввозимых из Астрахани в Дербент, далее в Закавказье также упоминаются «сукна, брусковая краска, кошениль, сандал и другие красильные материалы, сахар, юфть, железные, холщевые, шелковые и из металлов сделанные вещи, пицкая бумага, мягкая рухлядь, съестные припасы и всякий домашний скарб».⁶ Кроме всего перечисленного, из России в Дербент поступали и иностранные товары: «галанское, испанское сукно, бархат венецейский, полубархат,

¹ Кремский А.А. Указ. соч. С. 234.

² Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 143.

³ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 87.

⁴ РГАДА. Ф. 276. Д. 575. Л. 25.

⁵ РГАДА. Ф. 276. Д. 575. Лл. 26, 29 об.

⁶ Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. С. 234.

атлас, полуатлас, полотно вендерское..., сургуч, чай зеленый и черный»¹.

Со своей стороны российское правительство также было заинтересовано в укреплении и расширении торгово-экономических контактов с Дербентом. В целях поощрения торговли с Дербентом Сенат указом от 1756 г. отменил торговые пошлины на шелк-сырец. Об этом сказано в архивном документе пограничной таможни в Кизлярскую комендатуру. По тарифам 1757 и 1762 гг. с «привозимого из Персии (в том числе из Дербента, Закавказья) отколь бы то ни было шелку-сырцу по привозу... пошлин никаких не берется»².

Будучи заинтересованным в дальнейшем развитии торгово-экономических отношений с Дербентом и делая для этого все, царское правительство старалось взять под свой контроль этот процесс и извлечь из этого максимальные выгоды. Стараясь завоевать расположение и доверие владетеля Дербента, российская администрация в Кизляре проявляла внимание к его просьбам, стремилась удовлетворить его, предоставляя разного рода льготы дербентским торговцам. О том, что торговля с Дербентом принесла бы большие доходы, отмечал академик С.-Г. Гмелин. В Дербент, писал он, можно было бы ежегодно посылать два корабля с мукой, железом, сталью, свинцом и все это продавать «с великим барышом»³.

Улучшению торговых отношений с Россией способствовал и правитель Дербента и Кубы Фатали-хан. После вступления на престол он написал российскому правительству, что Дербент «был издревле портом и завсегда туда российские суда ходили и коммерция между российскими и тамошними купцами происходила», выражая надежду, что «российские купцы по примеру прежнему» будут ходить в Дербент, где и будут торговать. Со своей стороны дербентский и кубинский правитель обещал оказывать российским купцам «всякое благодеяние»⁴. Это послужило причиной секретного рескрипта Екатерины II, на основе чего и были посланы из Коллегии иностранных дел и от астраханского губернатора два письма Фатали-хану. В рескрипте императрицы политика правителя Дербента квалифицировалась как «доброхотство и благодеяние нашим (российским) подданным» и предлагалось проявить к нему «большого приласкания» и удержать его «к

¹ Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в. С. 235 – 237.

² ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 1157. Л. 80.

³ Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования трех царств. СПб., 1785. Ч. 3. С. 21 – 22.

⁴ Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 414. Л. 24.

здешней Российской стороне и дабы содержать его всегда при добротстве». Поэтому «повелели мы нашему сенатору... Панину, – писала Екатерина II астраханскому губернатору, – на вышеозначенное Фаталиханово письмо отправить в приласкательных терминах ответное...»¹. Далее она указала, чтобы «при отправлении из Астрахани в Персию с товарами для торгу в Дербент отправить»².

Покровительствуя российским купцам и способствуя созданию нормальных условий для них, Фатали-хан требовал такого же отношения к купцам из объединенного Дербентско-Кубинского ханства, торговавшим в разных городах России.

Протекционистская политика Российского государства способствовала расширению торговых связей России с Закавказьем. В торгово-экономических связях Российского государства со странами Закавказья наибольшую роль как транзитные пункты также играли города Решт, Шемаха, Баку.³ «В Баку производятся, – говорится в одном их архивных документов, – довольно значащие торги и наипаче транзитный торг российскими и европейскими товарами в Персию, Ширван и Грузию на российских судах, каковых приходит к бакинскому порту ежегодно около 60».⁴ По сведениям С. Броневского, «обороты бакинских торгов достигают до 500 000 привоза и отпуска»⁵. Внешняя торговля в основном шла шелком-сырцом, краской, мареной, шафраном, сарачинским пшеном, свежими и сухими плодами, нефтью, шерстяными и бумажными изделиями и прочими товарами.⁶

В первой половине XVIII в. через Баку вывозилось в год около 400 тюков шелка по 25 батманов каждый (30 тыс. кг).⁷ Торговля в Баку привлекала внимание различных стран, в том числе России, которые привозили туда свои товары на торг. Баку был главным пунктом торговли с Закавказьем. Достаточно отметить, что за 1716 – 1722 гг. всего в Баку было привезено товаров на сумму 1160 тыс. руб.

---

¹ Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. С. 270.

² Там же. С. 271.

³ Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Европы в XVII – XVIII вв. М., 1959. С. 99.

⁴ РГАДА. Ф. 100. Д. 1714. Л. 254.

⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1. С. 225.

⁶ Там же. С. 452.

⁷ Мамедов С.А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Баку, 1977. С. 99.

Россия, расширившая торговые связи со странами Закавказья в XVII – начале XVIII в., нуждалась в удобном порте для международной транзитной торговли на Каспийском море, каковым являлся Баку. По сведениям английского путешественника-купца Дж. Шпильмана, посетившего Иран и Азербайджан в 1739 г., российские купцы во время покорения Россией Прикаспийских областей вели торговлю с Азербайджаном через Астрахань по Каспийскому морю на своих торговых судах и доставляли всякого рода снабжения для российской армии. Но уже в 1739 г. торговые суда с товарами, доставляемые в Дербент, Баку и Решт, фрахтовались главным образом при посредстве армян, которые занимались перевозкой пассажиров из Баку в Решт. Они доставляли туда и нефть, а также провиант для российских гарнизонов в Терки.¹ Дж. Шпильман говорил о судах, прибывших в это время в Астрахань. На одном из них было 200 тюков товаров, предназначенных для России. Кроме того, там находился шелк, принадлежавший английским купцам. Другое судно приняло груз в Баку, состоящий из небольшого количества меди, шелку из Шемахи и вина из Дербента.²

О значительной торговле российских купцов через Баку свидетельствует большое количество российских монет, обнаруженных на территории старой крепости Баку, внутри бухты и в селах Апшерона, датированных XVIII в.³

В начале XVIII в. город Шемаха являлся одним из узловых пунктов международной торговли между Западом и Востоком. Именно благодаря своему географическому положению Шемаха привлекала внимание многих иностранных купцов, в частности российских. Как свидетельствуют первоисточники, Шемаха была одним из центров российско-закавказской торговли. Шемаха, издревле объединившая ремесленников и торговцев-купцов, славилась торговлей шелком-сырцом, пестрыми бумажными тканями, серебряной и золотой парчой, мехами, луками, стрелами, саблями, которые сбывались по недорогим ценам.⁴

Англичанин Артур Эдвард в письме из Шемахи на имя правления английской компании для торговли с Москвой дает полную картину и оценку рынков Шемахи. Здесь он закупил 11 вьюков сырого шелка по

---

¹ Цит. по: Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 224.

² Там же. С. 225 – 226.

³ Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1926. С. 68.

⁴ Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI – XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949. С. 287.

26 батманов в каждом вьюке за 7 или 6 фунтов каждый батман. Шемахинский шелк отличался высоким качеством.¹ Другой английский купец Антоний Дженкинсон, проезжавший через Шемаху, отмечал, что «... татары (дагестанцы – авт.) привозят сюда различные товары, выделанные из хлопка, шерсти, шелка: из Персии и именно из Шемахи привозят шелковые нитки..., краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи, иногда хлеб, грецкие орехи»².

Согласно реестру заморских товаров, привезенных в Астрахань из Азербайджана, шелк составлял более половины, а шелкотекстильные изделия, вместе взятые – более двух третей всего российского импорта из этих районов в 1723 г.³ По данным источников, в эти годы через Каспийское море в Россию было вывезено более 3 000 пудов шелка-сырца. В основном это был шемахинский и гянджинский шелк, потому что в тот период из Средней Азии в Астрахань шелк экспортировался в незначительном количестве.⁴

Шелковые и бумажные изделия составляли одну из самых значительных статей привоза товаров в Россию. Среди тканей и изделий из шелка чаще всего упоминаются шелк-сырец, бархат, кутник, кожа, суси, чары, а также фаты, шали, платки, дараи, кандяки, кружева, кушаки шелковые и полшелковые, наволоки бархатные и др.⁵ Все эти ткани и изделия привозились из Шемахи, Гянджи, Тебриза и других городов Азербайджана и Ирана.

Помимо всего прочего, из Дербента, Баку и восточных стран вывозились другие разнообразные товары: именно сарачинское (рис), чихирь (вино), различные фрукты (виноград, финики, инжир, абрикосы, сливы), грецкие орехи и миндальные (фисташки), перец (стручковый зеленый и красный), табак, воск, меха, медь и кожа.⁶

В период правления Петра I в политике Российского государства вопросы восточной торговли приобретают важное значение. В 1721 г. Петр I приказал «со временем умножить в коммерции те специи, которые родятся в Персии, а именно – шафран, изюм и прочие, как для

instituteofhistory.ru

¹ Тер-Аветисян С.В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джульфинских купцов в XV – XVII вв. Тифлис, 1937. С. 24.

² Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. С. 178.

³ РГАДА. Кабинет Петра Великого, отд. 2. Кн. 94. Лл. 310 – 312.

⁴ Алиев Ф.М. Торговля в Азербайджане в первой половине XVIII в. Баку, 1978. С. 85.

⁵ ЦГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 81. Лл., 214, 243а.

⁶ Юхт А. Указ. соч. С. 50.

употребления во все государство, так и для отпусков в Польшу».¹ В связи с этим астраханский воевода И. Кикин составил «экстракт» товаров, привозимых из Прикаспийских провинций в Россию через Астрахань. Из этого «экстракта» видно, что шафран можно было покупать в Дербенте, Баку, Мазандаране по цене 1 батман (10 фунтов) за 30 российских рублей. Кроме того, на рынках Дербента, Баку, Шемахи продавались привозимые из Ирана и Индии товары: кофе, перец, имбирь, корица, кардамон и другие пряности.²

Значительное внимание Петр I придавал развитию судоходства на Каспийском море, которое во время восстания Степана Разина (1667 – 1671 гг.) впало «как бы в зачаточное состояние»³. Еще не укрепившись на побережье Балтийского моря, император отдал распоряжение построить канал, соединяющий Балтийское море с Каспийским⁴. В 1703 г. был прорыт такой канал – Вышневолоцкая система, по которой было установлено водное сообщение между названными морями.⁵

Следует отметить, что наряду с российскими, на Каспийском море плавало большое количество судов дербентских и азербайджанских купцов. Так, голландский путешественник Корнелий де Брейн отмечал, что по Каспийскому морю в основном «плавают русские или магометане»⁶.

В транзитной торговле между Закавказьем, с одной стороны, и Россией, с другой, осуществляемой через Западный Прикаспий, помимо морского пути восточными купцами использовался сухопутный. Хотя морской путь использовался в большей мере и товарооборот по нему был крупнее, чем по наземному пути, но и по суше, вдоль морского берега совершался значительный товарооборот.

Приведем несколько примеров о ведении торговых дел Закавказья с Россией, с Астраханью. Во второй половине XVIII в. торговля осуществлялась сухим путем, транзитом через Западный Прикаспий. «Астраханский губернатор И.В. Якоби в апреле 1778 г. писал Г.А. Потемкину, что шелк поступает в Астрахань сухопутно и помимо тамо-

---

¹ РГАДА. Ф. 9 (Кабинет Петра I), от. 2. Кн. 60. Л. 456.

² Там же. Лл. 456 – 461.

³ Штылко А. Волжско-Каспийское судоходство в старину. СПб., 1896. С. 33.

⁴ Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. №. 3. 1868. С. 163.

⁵ Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре. М., 1942. С. 78.

⁶ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. Махачкала, 1992. С. 150.

жен. Его доставляли из Шеки, Шемахи, Дербента, Баку жители магометане (азербайджанцы – авт.), а также армяне и грузины... »¹.

Аналогичное свидетельство приведено в книге азербайджанского исследователя Г.Б. Абдуллаева.² Это объяснялось тем, что «Астраханский порт замерзал, движение через него закрывалось с ноября по март... Движение товаров по сухопутной дороге через Кизляр производилось круглый год, причем особенно интенсивно в зимний период... »³.

О том, что в Западном Прикаспии осуществлялась крупная транзитная торговля по сухопутной дороге, свидетельствуют и множество других фактов. Так, в частности, в описании Артемия Араратского читаем: «купец, с семьей проживающий в Тбилиси, в 1795 г. везет товар из Тавриза через Тбилиси для продажи в первом пограничном с Грузией городе Балакане с тем, чтобы там купить шелк и этот шелк отправить через Андреев-Эндери и Кизляр в Астрахань»⁴.

Архивные данные показывают, что и после ухода русских войск из Прикаспийских областей Азербайджана в середине и во второй половине XVIII в. русско-азербайджанская торговля не прекратилась. Таможенные выписки, составленные на основе астраханских архивных материалов⁵, свидетельствуют об оживленной торговле. Большинство вывозимых товаров из Баку в Астрахань были предметами местного производства – «бакинская бязь», «тебризский шелк», «шемахинский мов». Часть привозимых из Закавказья в Астрахань товаров либо продавалась или обменивалась, либо отправлялась в Москву, Петербург и через Архангельск в страны Западной Европы, особенно, в Англию и Голландию.

§ 3. Российско-иранские торговые отношения через Западный Прикаспий

Основной коммерческой артерией, связывающей Россию со странами Востока, в том числе и с Ираном, служил морской путь по Каспию. Петр I хорошо понимал и осознавал выгодность Волжско-Каспийского торгового пути как удобной торговой магистрали, по которой можно было направить всю восточную торговлю в Западную Европу через Россию,

---

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. С. 84.

² Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С. 288.

³ Там же. С. 288.

⁴ Цит. по: Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 75.

⁵ ЦГА АО. Ф. 394. Оп. 1. Д. 539. Лл. 4 об. – 5.

перехватив огромные доходы от шелкового транзита у Турции. «На восточной торговле, – отмечала Е.Н. Кушева, – складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию» Российского государства¹.

Помимо водного пути Россия в этот период была связана с восточными странами древней сухопутной транзитной трассой вдоль западного побережья Каспийского моря, связывающей страны Востока с Европой. Из Астрахани эта дорога вела степью в Терский городок, а далее «в находящийся в землях кумыков город Тарки». Последний был расположен от Терского городка в 100 км. по прямому пути. Но ввиду того, что в низовьях Терека имелось множество озер, протоков, плавней, в Тарки приходилось ехать в обход: из Терского городка путники с вьюками направлялись вверх по Тереку до места впадения в него р. Сунжи. Переправляясь через нее на пароме или стругах, обычно на арбах или телегах доезжали берегом моря до Тарков. Этот обходной путь от Терки до Тарков составлял около 240 км.², на это уходило около 5 дней, и около 8 дней до Дербента.³

Водный путь имел существенное преимущество перед сухопутным благодаря более быстрой и сохранной доставке товаров (при каждодневном перевыючивании неизбежно происходила порча товаров), перевозка товаров морским путем стоила меньше, размеры же клади были больше, чем при перевозке по суше.

Перевозка товаров сухим путем была сопряжена с большими расходами, так как каждый владелец, через территорию которого надо было проехать с товаром, взимал так называемый рахтарный сбор (торговую пошлину). Так, например, чтобы доставить товар из Дербента до Кизляра, надо было платить рахтарный сбор в Дербенте, Тарках и Казииурте в следующих размерах: с одной арбы товаров (от 40 до 50 пудов) в Дербенте – 2 руб. 50 коп., в Тарках – 5 руб. 20 коп., в Казииурте – 3 руб. серебром. Сверх того, во владениях шамхала Тарковского с каждого тая шелка – еще по 2 руб., а в Дербенте – по 1 руб. серебром. За наем арбы до Кизляра надо было заплатить около 10 руб. Таким образом, сухопутная торговля вызывала накладные расходы на

---

¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – XVII вв. М., 1963. С. 123.

² Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Махачкала, 1986. С. 40; Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 45.

³ Кушева Е.Н. Указ. соч. С. 297.

один пуд товара до 3 руб. 20 коп., в то время как морской фрахт обходился только в 1 руб. 40 коп. серебром.¹

Как отмечал Ю.П. Тушин, «степью ездить купцам... с товарами своими в Астрахань, а из Астрахани в Кизылбаш (Иран) становитца проторно, потому что емлют в горах кумыцкие и кабардинские и черкаские князи и мурзы с товаров их пошлину десятую, а верблюды и телеги наймут они под себя и под товары свои дорогою ценою»².

Вместе с тем водный путь являлся для купеческих караванов менее опасным от нападений. Хотя не следует забывать и тот факт, что остров Чечень снискал себе печальную славу пиратской базы казачьей вольницы на Каспии.

Связующим звеном России с Ираном являлась Астрахань. Морской путь из Москвы до Астрахани или из Ярославля до Астрахани продолжался в среднем 1,5 – 2 месяца. Правда, в некоторых городах купцы подолгу задерживались, то из-за неблагоприятной погоды, то, дожидаясь каравана, к которому они могли бы примкнуть. Если же отбросить остановки, то все это расстояние покрывалось за 30 – 40 дней.³

По прибытии купеческого каравана в Астрахань, он тотчас же распадался. Многие из приехавших оставались здесь торговать с тезиками, прибывшими из Дербента, Шемахи и Ирана. Те, которые собирались ехать в Прикаспийские страны, перегружали свои товары на морские суда и выходили в море. Из-за большого количества мелей в устье Волги перегрузка товаров на морские суда происходила чаще всего у острова Четырех Бугров при впадении Волги в море, куда товары доставлялись на паузках.⁴

Особая роль в развитии российско-иранских торгово-экономических отношений во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. принадлежал Терки, где шла оживленная торговля российскими, закавказскими и восточными товарами.⁵ О том, что Терки служил перевалочной базой для товаров, шедших из Ирана в Россию и обратно, писал Э. Челеби: «На берегу... залива Каспийского моря, как белый лебедь, виднелась Терская крепость... это крупный и наиболее отда-

---

¹ Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала, 1959. С. 93.

² Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М., 1978. С. 68.

³ Там же. С. 168, 188, 200 – 201, 216, 237, 264 – 265.

⁴ Веселовский Н.И. Указ. соч. Т. 1. С. 412.

⁵ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. С. 161.

ленный порт на границе Дагестана и Королевства Москвы. Все московские купцы сходят здесь с кораблей и направляются в Дагестан, Грузию и Иран».¹

Примерно в пяти верстах от города, при впадении Тюменки в море, была устроена пристань, у которой причаливали для разгрузки и погрузки товаров морские суда, поскольку из-за мелководья в Тюменке они не могли подходить к самому городу. Сообщение города с гаванью производилось на лодках по реке Тюменке, а также по грунтовой дороге. Э. Челеби сообщал, что Терская «крепость имеет также порт и пристань... Здесь имеется сорок судов, похожих на галеры и на русские чайки, есть и фрегаты».² Малые суда причаливали обычно в ближайшем Баклаковском устье, а более крупные – у главного устья Терека, где и разгружались товары.

Транзитом через Дербент и Тарки восточными купцами, а также перекупщиками – дагестанскими торговцами и российскими купцами, временно или постоянно обитавшими в Терках, поставлялись восточные товары разного ассортимента: хлопок, шелк, дорогие восточные ткани, пряности, рис, нефть, ковры, сафьян и т.п. Среди товаров, вывозившихся в Россию через Терский городок сухим путем и морем, главное место занимал шелк-сырец из Азербайджана и Ирана. Ассортимент товаров, вывозимых из России через Терки в Иран также был очень разнообразен.

Ведущая роль в этой торговле принадлежала армянским купцам, персидским подданным, основавшим Джумьфинскую торговую компанию, с которой еще в XVII в. был заключен договор о поставке в Россию шелка на льготных условиях. Политика Петра I была направлена на то, чтобы весь ввозимый из Персии шелк доставался России и «российские фабрики имели бы пользу». В 1711 г. этот договор был пересмотрен по указу императора Петра I, вследствие чего армянские купцы получили некоторые дополнительные льготы. В 1712 г. такие же права были предоставлены Россией и грузинским купцам.⁴

Крупным узловым пунктом транзитной торговли России с Ираном в Прикаспии служила крепость Святого Креста. Она, как и ее предшественница, Терская крепость, занималась реэкспортом восточных товаров в Россию. Торговые связи крепости Святого Креста с Ираном осуществлялись транзитом через Дербент. Эти два крупных торговых

¹ Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып. 2. С. 127.

² Там же.

³ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 332.

⁴ Гарунова Н.Н. Указ. соч. С. 166.

центра Прикаспия были связаны между собой как сухим путем, так и морем. Торговые связи между ними были очень регулярными. Как свидетельствуют архивные данные, 20 февраля 1735 г. был выдан паспорт дербентскому жителю Исмаилу Дедееву и двум его работникам до крепости Святого Креста «для торгу». Тогда же был выдан паспорт десяти музурам астраханского купца Андрея Ильина, следовавшим из Дербента в крепость Святого Креста. 3 апреля того же года из Дербента в крепость отправлялись для торговли 25 дербентских армян. Также имеются сведения о доставке в Дербент «ис крепости Святого Креста» астраханским юртовским татаринном с двумя работниками 57 верблюдов на продажу¹ Можно предположить, что эти верблюды были предназначены для продажи в страны Востока.

Функции важного транзитного узла в торговле России с Ираном с середины XVIII в. стал выполнять и Кизляр, возникший на древней сухопутной международной транзитной торговой трассе, связывающей Европу с восточными странами. Через него осуществлялись политические, дипломатические, торговые и культурные сношения России с Кавказом и Востоком.

Выгодное положение Кизляра сразу же привлекло сюда купечество, специализировавшееся на восточной торговле. Анализируя состав торговцев, отмечает Е.И. Иноземцева, следует заметить, что наряду с кизлярскими армянами, грузинами, тезиками, индийцами и другими «кизлярскими жителями» в первой половине XVIII в. в вывозе товаров из Кизляра и через него участвуют также астраханские купцы, как русские, так и обитатели восточных колоний Астрахани, а также купцы из Центральной России.²

Транзитом через Кизляр в Россию попадали персидский и закавказский шелк, хлопчатобумажные и шелковые изделия, индийские пряности и другие восточные товары, медь-лом из Ирана. Кроме того, в Россию через этот город шло важное для российской текстильной промышленности сырье. Также через Кизляр осуществлялся вывоз российских, в том числе западноевропейских, товаров в Иран.

С основанием Кизляра торговые связи России с Востоком значительно укрепились и расширились. Уже в 1731 г. был принят специальный морской пошлинный устав, направленный на борьбу с контрабандой и в целях упорядочения торговли по Каспию. А в Кизляре, как пограничном городе, была создана пограничная таможня для контроля

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 379. Оп. 1. Д. 5. Л. 100.

² Иноземцева Е.И. Указ. соч. С. 89.

над ввозимыми товарами из стран Востока и взимания с них торговой пошлины. Вначале таможня и карантин находились в самом Кизляре у городской переправы через Терек. В последующем «для большей безопасности от болезней», а также потому, что окрестности города в половодье часто затоплялись водами Терека, карантин и таможня были перенесены на правый берег реки в 10 верстах к югу от городской переправы у Лащуринского форпоста.¹ Здесь же были построены необходимые помещения для торговцев и их товаров, а также обслуживающих карантин и таможню чиновников и охранной команды. Стрельбища были обнесены земляным валом с бастиянами и рвом, наполненным водой, через который был переброшен подъемный мост, убирившийся в случае угрозы нападения. Охранную службу нес специальный отряд из солдат и казаков с артиллерией. Здесь товары подвергались таможенному досмотру и окуриванию (с целью дезинфекции), после чего их разрешали ввозить в Кизляр и далее в Россию или вывозить из Кизляра в восточные страны.

Россия, заинтересованная в торговле с Ираном, которая осуществлялась через Прикаспий, для поощрения торговли с Ираном и азиатскими народами создала торговую акционерную компанию, или «торгующее в Персии купеческое общество».² Всего было выпущено 4 тыс. акций, каждая стоимостью в 150 руб. Город Астрахань вложил в эту компанию 50 тыс. руб.³ Деятельность компании позже была подкреплена указом Сената в 1758 г. С этого времени она стала называться «Персидского торгу компания». Ей принадлежало монопольное право торговли российскими и иностранными товарами через Астрахань и Кизляр с Ираном.

Во второй половине XVIII в. в России раздавались призывы представителей передовой экономической мысли российского общества о необходимости дальнейшего развития «коммерции для благополучия общества»⁴. В это же время в экономической политике России произошли коренные изменения. Новые принципы этой политики были ясно и полно изложены в протоколе заседания Конференции при высочайшем дворе от 5 января 1761 г. Они в первую очередь касались та-

---

¹ Там же. С. 120.

² Куканова И.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. Т. 57. 1956. С. 253.

³ Там же.

⁴ Записка сенатора Н.Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.) // Историческая география России XII – начало XX в. М., 1975. С. 234 – 247.

моженной политики России. Там же предлагалось правительствующему Сенату пересмотреть вопрос о целесообразности сохранения Персидской торговой компании, так как вследствие их деятельности ухудшился сбыт российских товаров на внешнем рынке. Позже была ликвидирована большая часть казенных монополий и отдельных компаний в торговле и промышленности.¹

Не менее важным прикаспийским узлом транзитной торговли России с Ираном в изучаемый период являлся Тарки. Это обстоятельство заставило царское правительство привлечь к участию в торговом договоре шамхала Тарковского, контролировавшего участок торгового пути между Дербентом и Терским городом. Торговый договор, заключенный в 1667 г. между Россией и Армянской торговой компанией Новая Джульфа, даровал не только привилегию свободной торговли в России, но и право транзита через Россию в Западную Европу армянским купцам, подданным Ирана.² Российское правительство поставило шамхала Тарковского в известность и просило его заключить с армянскими купцами договор «о пошлинах и о подводах... и тот договор закрепить верою, чтоб им до Терки и от Терки до Тарков проезд был вольный со всяким сбереженьем для того, что под товары их многое число юков учнут быти от Вас верблюды и лошади и в подвозе...»³.

В Тарках можно было приобрести как иранские, так и русские товары, а через Россию и западноевропейские. Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили в Астрахань, Москву с посольствами, имея в таком случае определенные таможенные льготы. Таркинцы везли в Россию наряду с собственными изделиями и продуктами и восточные товары в широком ассортименте, которые они перекупали у проезжих купцов или в Дербенте, Шемахе, Баку и с большой выгодой перепродавали на рынках Терки, Астрахани и Москвы.

В Тарки по торговым делам приезжали не только восточные купцы, но и российские транзитом из России в страны Закавказья, в Иран, которые следовали с товаром через Тарки, где и оставались временно жить «для купечества»⁴. Как отмечал В.Г. Гаджиев, в Тарках в изучае-

---

¹Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 182.

² История армянского народа. Ереван, 1950. Ч. 1. С. 240.

³ Армяно-русские отношения в XVII в. Сборник документов / Под ред. В.А. Парсамяна. Ереван, 1953. Т. 1. С. 58.

⁴ Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. С. 109.

мый период уже дает о себе знать небольшая пока, но собственно купеческая прослойка, постоянно ведущая торговлю в России и Иране.¹

В развитии транзитной торговли России с Ираном важное место занимал Дербент – одним из древнейших городов на Кавказе. Его военно-стратегическое положение на самом узком месте, где горы Кавказа почти вплотную подходят к Каспийскому морю, привлекало издревле к нему внимание многих правителей соседних стран и разных завоевателей, проходивших из Азии в Европу и наоборот.²

Прохождение через него функционировавшего издревле мирового шелкового пути из стран Закавказья и Ирана в Россию и далее в Европу привело к тому, что Дербент стал играть важную роль не только военно-стратегического назначения крепости с мощнейшей на Кавказе оборонительной системой, но и важной торгово-перевалочной базы, морского порта, рынка сбыта товаров купцов многих стран.

Как описывал турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, Дербент – большой торговый город и морской порт, где было много базаров и ежегодно из разных стран стекалось большое количество купеческих судов и караванов. Совершенно ясно, что не менее тесно был связан Дербент с Ираном и играл роль транзитного центра в российско-иранских торгово-экономических отношениях. Далее он отмечал, что дербентская «городская крепость была полна повозками бакинских и гялянских купцов»³. Однако Эвлия Челеби ничего не упоминает о том, какого рода товары поступали на дербентский рынок.

Относительно того, какую роль играл Дербент в российско-иранской торговле, Е.И. Козубский писал, что с начала XVII в. «возобновились торговые сношения Дербента с Астраханью. Шах Аббас II в 1664 г. дозволил русским купцам торговать беспошлинно в приморских городах его государства. Персия имела выгоду в развитии этой торговли, так как она могла получать товары из Европы только через Россию. Средоточием персидской торговли была Астрахань, которая вела ее главным образом через Дербент. Персидские купцы прибывали на государевых бусах, приспособленных к морскому плаванью судам, которые московское правительство держало для торговли по Каспию.

---

¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С. 109.

² Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала, 1973. С. 19 – 20.

³ Анчабадзе Г.З. Сведения турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби о Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Т.3. С. 245.

Бусы приставали к Дербенту и Баку, откуда купцы ездили в Шемаху, где происходил главный торг персиян с русскими»¹.

Из пристаней на побережье Каспия видное место в развитии российско-иранских торгово-экономических отношений принадлежал также Низабаду, где «была непрерывная ярмарка между российскими и персидскими купцами...., знатнейший торг» которых «состоит в шелку сырцу»².

В начале XVIII в. в торгово-экономических отношениях между Россией и восточными странами произошли некоторые изменения. Экономическая политика Петра I способствовала расширению внешней торговли с Востоком, увеличению торгового оборота, изменению структуры экспорта и импорта России, в частности увеличению вывоза изделий мануфактурного и ремесленного производства.

Петр I рассматривал внешнюю торговлю как один из важнейших источников государственных доходов: таможенные пошлины составляли не малую часть бюджета страны. Для России вопросы восточной торговли, в частности с Ираном, в петровское время приобрели особое значение. Как отмечают исследователи, «Если в допетровское время русская торговля с Ираном носила потребительский характер, то с начала XVIII в. иранское сырье (шелк, сырец, хлопок) уже вывозится для удовлетворения промышленных нужд».

С развитием в России текстильной промышленности все большее значение приобретал вопрос о сырьевой базе и в правительствующих кругах России Иран стал рассматриваться как возможный источник снабжения нарождавшейся российской текстильной промышленности хлопком и шелком-сырцом, мареной и другим сырьем. В то же время Россия нуждалась в новых рынках сбыта своей продукции. В этом отношении Дербент, считавшийся «воротом» в страны Востока, в том числе и в Иран, имел важное значение. Как отмечал А.И. Ахвердов, «Большая часть жителей (Дербента – авт.) занимаются в купеческом промысле... Знатнейшие из них, имеющие большие торги, ездят в дальнейшие места в Персию и с тамошними персиянами имеют связи торговые, привозя их товары»⁴.

О том, что Дербент в изучаемый период являлся крупным узловым центром международной транзитной торговли в Прикаспии свидетель-

¹ Козубский Е.И. История города Дербента. С. 156.

² Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 38.

³ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. Т. 57. М., 1956. С. 232.

⁴ Ахвердов А.И. Указ. соч. С. 219.

ствуется то, что здесь широкое хождение имели голландские червонцы, русские серебряные рубли, мелкие медные деньги и ассигнации, «которые охотно принимаются теми из купцов, кои торгуют с Астраханью», а также ширванские и кубинские абазы, «имеющие ход единственно по недостатку мелких серебряных денег»¹.

Российское правительство также преследовало цель устранить зависимость турецких купцов на шелковом рынке Ирана, установить транзитную торговлю Ирана с Западной Европой через Россию, учредив в устье Куры новый центр кавказско-русской торговли. Россия стремилась выступать на международной арене в качестве посредника между Европой и Востоком. А это имело для России огромное экономическое и политическое значение: с одной стороны, будут расширяться внешние рынки России за счет торговли между Западом и Востоком и увеличиваться пошлины, с другой стороны, западноевропейские и восточные страны будут находиться в постоянной зависимости от России, через которую будет осуществляться транзитная торговля. Поэтому Петр I стремился любыми путями захватить торговлю через Каспийское море и укрепиться в прикаспийских городах.

Как заметил Ф.И. Соймонов, экономическая политика Петра I в данном регионе была направлена на то, чтобы весь вывозимый из Ирана шелк доставался России и «российские фабрики... имели бы от того пользу»². С этой целью российское правительство в 1711 и 1713 гг. заключило соглашение с компанией джувльфинских купцов о торговле иранским шелком только через Россию, а не через Турцию.

Однако армянская торговая компания не выполняла взятые на себя обязательства и поэтому была лишена представленных ей льгот.³ В 1717 г. посольство А.П. Волынского с шахом Хусейном заключило торговый договор, имевший выгодные условия для российского купечества. Согласно договору, российские купцы получили право свободной и беспошлинной закупки шелка в Иране, а пошлина на другие товары была снижена в два раза.

Российская развивающаяся суконная промышленность в начале XVIII в. в основном была обеспечена отечественным сырьем. Однако увеличение спроса на высококачественное тонкое сукно диктовало повышенные требования к сырью. А.П. Волынскому было поручено осведомиться о возможности покупки «испанской шерсти в Персии,

¹ Обзорение Российских владений за Кавказом. Ч. 4. СПб., 1836.

² Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 332.

³ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 74.

что заставило его и сопровождавшего его А. Лопухина серьезно ознакомиться с шерстяным рынком кавказских владений Персии»¹. Один из современников, относительно сырьевой базы Дербента, отмечал, что «в Дербентском уезде, а особливо к горам, имеются многочисленные овечьи заводы, шерсть оных весьма хороша..., а сие и было одним из главнейших и нашего Ироя (Петра I) попечений, то есть, чтобы употребить оную в пользу своих суконных и шерстяных мануфактур»².

С каждым годом нарождавшаяся текстильная промышленность России нуждалась также и в красителях. Из восточных стран сюда поступали многие красящие вещества, которые широко применялись в текстильной промышленности. Наиболее распространенными предметами восточной торговли были краски – лавра, сандал и чернильные орешки, вывозившиеся из Ирана и Индии.

В посреднической торговле через Прикаспий между Россией и Ираном активное участие принимали грузинские и армянские купцы. Их посредническая роль в торговле послужила даже поводом для трений в российско-иранских торговых отношениях с середины 30-х гг. XVIII в. Так, согласно п.3 Рештского договора 1732 г. российское купечество получило право беспошлинной торговли в Иране.³ Такая привилегия российским купцам побуждала нероссийских купцов выдавать себя за российских подданных или поручать свой товар для провоза кому-либо из российских купцов. Видимо, подобные факты имели место и были случаи принудительного взыскания пошлин иранскими властями; задеты были права и подлинно российскоподданных купцов.

На этой почве через два года после подписания Рештского договора возникли взаимные трения и претензии с российской и иранской стороны. Иранская сторона добивалась равной привилегии иранским купцам в России или отмены привилегии российским купцам в Иране. Ген. Левашов, чтобы не вызывать раздражения иранской стороны, в инструкции консулу Арапову в 1735 г. писал «чтобы российские купцы под жестоким истязанием под свою протекцию и под охранение беспошлинной продажи чужих (имеется ввиду нероссийскоподданных армян, грузин и др. – Авт.) товаров отнюдь бы не брали...»⁴.

---

¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г.//ИГЭД. С. 55–56.

² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Ч. 8. М., 1780. С. 290 – 291.

³ Юзефович Т. Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 198.

⁴ Ульяницкий В.А. Русские консульства за границею в XVIII в. Ч. 2. М., 1899. С. СССХIV.

В 1735 г. между чрезвычайным посланником в Персии кн. С. Голицыным и персидским уполномоченным Хулефамирзою шли официальные переговоры о торговых делах. О ходе этих переговоров Голицын писал: «Персидское правительство жаловалось, что от платежа пошлин с товаров освобождены одни лишь русские купцы, а между тем в Персию приезжает много армян, грузинцев и индийцев, которые под именем российских поданных пользуются тою же привилегиею, что персидскому государству весьма предосудительно. Поэтому великий Тахмас-хан приказал выговорить, что дозволение беспошлинной торговли разумеется лишь о натуральных российской нации купцах, и что из него все грузинцы и армяне, торгующие в персидское государство под именем российским выключаются»¹.

С. Голицын признавал, «что ни десятой части российского купечества природного в оном торгу не обходится, а весь оный торг большая часть состоит в руках армян и других»². От России требовали разграничения российскоподданных грузин и армян от нероссийскоподданных и лишь временно проживавших и торговавших в России.³ В 1738г. российский резидент в Иране Калушкин и консул Арапов, исходя из такого деления грузин и армян, дали указания кизлярскому коменданту.

Они писали в Кизляр «чтоб всем перешедшим из Персии в Россию не токмо басурманам, но и армянам и грузинцам для торгу выезд (в Иран) запретить на некоторое время из чего в купечестве своем не имеют препятствия понести, но могут через природных российских купцов свои промыслы отправлять»⁴, т.е. российскоподданным армянским и грузинским купцам рекомендуют сбыт своих товаров в Иране поручить русским купцам, вследствие спорности правового положения грузин и армянам (так как иранские власти их не считали российскими подданными и требовали с них уплаты пошлин).

30 января 1739 г. консул С. Арапов писал вновь кизлярскому коменданту ссылкой на императорский указ, чтобы «тех магометанцев, грузинцев и армян, которые... в подданстве е.и.в. действительно обретаются с товарами их самих в персидскую сторону не отпускать; но чтоб они товары свои отправляли в Персию с российскими купцами

---

¹ Там же. С. СССІ.

² Там же. С. СССІІ.

³ Там же. С. CDXC.

⁴ ГУ «ЦГА РД». Ф. Кизлярский комендант за 1738 г. Д. 3946. Лл. 27 – 27 об.

под их именами... и пашпорты давать, изъясняя в оных именно, что те российские купцы отпущены с их собственным товаром»¹.

Российские власти решили, таким путем отделив российскоподданных грузин и армян от нероссийскоподданных, защитить торговые интересы первых и вместе с тем сохранить в силе п. 3 Рештского договора 1732 г. Однако на практике составление фиктивных документов продолжалось до 60-х гг. XVIII в. Астраханские власти смотрели на это сквозь пальцы, руководствуясь интересами фиска, пошлинными доходами от торговли нероссийскоподданных армян и грузин².

Российское правительство и во второй половине XVIII в. продолжало уделять большое значение Прикаспийскому региону как транзитному пункту в осуществлении торгово-экономических связей с Ираном. Россия старалась поднять экономическое, в частности, торговое значение изучаемого региона, подорванное нашествиями Надир-шаха.

Говоря о правлении Надир-шаха, отметим, что в 1741 – 1742 гг. в связи с его войнами в Дагестане и напряженностью в российско-иранских отношениях должны были вызвать перебой и некоторое снижение в торговле. В этом плане утвердительно высказался А.И. Юхт: «Ухудшение русско-персидских отношений в 1741 – 1742 гг. привело к резкому сокращению торговых оборотов России с Персией и Закавказьем. Однако в последующие два года (1743 – 1744) в среднем был достигнут прежний уровень торговли»³.

В трудные годы своего правления Надир-шах стремился восстановить ремесло и торговлю, поощрял иностранных купцов. Он «хотел создать в Персии независимую от чужеземного влияния торговлю, в особенности коммерческий флот, основание которому он положил в Персидском заливе...». Однако ему мешала Англия, а на Каспийском море – сильное торговое влияние России.⁴ По словам некоторых авторов, Надир-шах намеревался создать такой же сильный флот и на Каспийском море.⁵

Нельзя обойти молчанием интересные документы, относящиеся к периоду правления Надир-шаха. Речь идет о его фирманах, которые свидетельствуют о стремлении к поддержанию дружбы с Россией и

---

¹ Там же. Ф. Кизлярский комендант за 1739 г. Д. 3931. Лл. 9 – 10.

² Ульяницкий В.А. Указ. соч. Ч. 1. С. 609 – 612.

³ Журн. История СССР. № 1. 1961. С. 141.

⁴ Кишмишев С.С. Походы Надир-шаха и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889. С. 218.

⁵ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958. С. 243.

развитию с ней торговли. Так, в одном из фирманов шах предписывает дербентскому и гиланскому правителям всячески содействовать и помогать российским купцам «без задержания и промедления в нужном направлении и смотреть, чтобы никто не притеснял их и не причинял обид». В другом месте отмечается, что шах приказывал везиру Решта компенсировать стоимость товаров российским купцам, ограбленным в этой провинции.¹

В то же время было бы ошибкой преувеличивать значение деятельности Надир-шаха, как это делал в свое время С.С. Кишмишев, который писал в связи с его смертью: «Кончилась замечательная деятельность великого человека...» тем более что никто не может оспаривать тот факт, что из года в год уменьшалось количество иностранных купцов, посещавших Иран, в связи с усилением притеснений, насилия и грабежей, которые были в стране повсеместным явлением в последние годы жизни Надир-шаха. Безусловно, по приказу самого шаха с российских купцов в Дербенте, Шемахе и других городах взимались значительные денежные «штрафы», а товары отбирались и разграблялись.

instituteofhistory.ru

§ 4. Роль восточного купечества в транзитной торговле через Западно-прикаспийский регион

В Прикаспии в рассматриваемый период находилось значительное количество восточного купечества, основным занятием которого была региональная и посредническая торговля между Россией и странами Востока. История возникновения восточных колоний в прикаспийских городах связана с давними контактами, существовавшими между этими районами и восточными странами.

В первой половине XVII в., когда Русское государство после пережитых внутренних и внешних потрясений остро нуждалось в финансах и когда Балтийское побережье было для него потеряно, царское правительство всячески стремилось стимулировать связи с восточными государствами. Видя в восточной торговле один из важных источников дохода, оно активно поощряло приезды восточных купцов и проводило в отношении их покровительственную политику. В документах 20-х гг. XVII в. не раз подчеркивалось, чтобы местные воеводы хорошо устраивали приезжих восточных купцов, «которые учнут при-

¹ Атаев Х.А. Указ. соч. С. 66.

² Кишмишев С.С. Указ. соч. С. 218.

езжать в Астрахань с всякими товары», говорили им «накрепко», чтобы они и впредь «в Астрахань торговать ездили» и беспрепятственно пропускали их вверх по Волге и в другие места.¹

Из всех прикаспийских городов много восточных купцов в то время было в Астрахани. К 30-м гг. XVII в. здесь уже существовал Армянский двор. Одновременно складывалась и индийская колония. Значительное влияние на развитие астраханских колоний оказывала политика Петра I. Считая торговлю одним из важнейших источников укрепления экономики страны, Петр I стремился достичь максимального расширения связей России с ее соседями и укрепления торговых позиций не только на Западе, но и на Востоке. Поощряя крупное купечество, подталкивая его на организацию торговых компаний и поездки за рубеж, он обратил внимание и на астраханские колонии. Хорошо знакомые с обстановкой в Иране и Закавказье, в Средней Азии и Индии, сохранявшие там родственные, деловые и дружеские отношения, они могли оказать большое позитивное влияние на взаимоотношения России с Востоком.

Император распорядился также, чтобы в Астрахани начали строить для перевозки товаров по Каспийскому морю усовершенствованные морские суда, конструкция которых уменьшала опасность кораблекрушений. Российский посол в Иране А. Волынский защищал там интересы всех живших в России купцов независимо от их национальности.

Особенно благоприятствовала политика императора в отношении армянской колонии. Поощряя приток армян в Россию, Петр I в 1711 г. при создании Сената особо выделил, что новый орган должен «персидский торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего приезда»². Следствием указа был пересмотр Джульфинского договора и армяне получили некоторые дополнительные льготы. В 1712 г. такие же права были даны грузинским армянам. Все они пользовались свободой торговли с уплатой «обыкновенных пошлин», правом «суда по своим законам», правом свободного вероисповедания. Их было запрещено записывать в посад и определять в какие бы то ни было службы. Представители местной власти обязаны были по отношению к восточным куп-

---

¹ РГАДА. Ф. 109. Оп. 2. Д. 3а.

² Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – XVIII вв. М., 1982. С. 169.

цам «держать ласку и привет доброй... оберегать, чтобы им ни от кого никаких обид не было»¹.

Наиболее тесные контакты купцы восточных колоний имели с теми странами, выходцами из которых они были. Исключением являлись лишь индийцы, отрезанные от родины огромным расстоянием. Из-за сложности поездок в Индию астраханские индийцы торговали товарами индийского и иранского производства, которые закупали в индийских колониях Дербента, Шемахи, Баку и у иранских купцов. Индийцы Л. Кирдуев и Д. Раздворкаев в 1704 г. сообщили, что торгуют заморскими товарами, которые берут «покабально и по распискам, и бескабально и без расписок... за морем у своей братьи, у индийцев, да у армян, которые живут за морем в Шемахе, да за морем же мусульманские веры у перс»².

Значительная часть товаров индийскими купцами доставлялась из Астрахани в Дербент. Они везли обычно большие партии товаров, имели работных людей, но в отличие от дербентских купцов, имевших свои суда, индийцы перебрасывали свои товары на наемных дербентских или российских судах. Как полагает Н.Б. Голикова, «индийские купцы предпочитали пестроте ассортимента вывоз основных, находивших широкий спрос товаров, и не распыляли средств на второстепенные предметы и мелкие изделия, в то время как армяне отдавали предпочтение широте ассортимента, а дербентцы, не имевшие крупных капиталов, старались покупать ходкие и дешевые товары»³. У индийских купцов наблюдалась известная специализация, проявлявшаяся в том, что они закупали главным образом один вид товара. Другие товары в их явках или отсутствовали, или имелись в небольшом количестве.

По сведениям архивных документов конца XVII в. индийскими купцами было вывезено из Астрахани в Дербент 29 партий товаров. Чтобы не быть голословными приведем некоторые примеры. Так, 9 ноября 1680 г. индийский купец Четайка Дегнеев вывез из Астрахани в Дербент «товару: 10 сороков соболей, 93 связки мишуры, 40 000 булавок, мех заячинной, 14 курдей белых черевьих, 13 курдей корсачьих, 3 шубы корсачьих душатых. А тот товар в двух узлах за таможенною печатью»⁴.

¹ Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. № 3. 1957. С. 138.

² Армяно-русские отношения в XVIII в. сборник документов. Ереван, 1964. № 9.

³ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 193.

⁴ Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М., 1958. № 196.

В тот же день из Астрахани в Дербент был отпущен товар другого индийского торгового человека Мал Чанда в следующем ассортименте: «10 сороков соболей, 6 шапок собольих, вершки красные, 2 зеркала большой руки, 4 зеркала средней руки, 8 зеркал малой руки, 150 связок белых хрептовых, 2 фунта струи бобровой, 8 шапок белых, мех белей хрептовой. А тот товар в одной коробке да в узлу за таможенною печатью»¹.

В выписи Астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Дербент индийского купца Лала Манги от 19 июня 1687 г. перечисляются следующие товары: «9 половинок красного сукна полукармазину, 23 косяка стамеду гарусу, 10 пуд зеленой меди, 10 половинок аглинского сукна, полшерсты юфти красного товару, 33 топы бумаги пищевой, 30 литр мишуры, 10 зеркал малой руки, 40 соболей, 21 книга неписаных, 25 шапок белых, полдевяти половинок сукна кармазину, 11 стамедов гарусу, 5 пуд перцу русского, 10 пуд зеленой меди, 100 топ белок, 4 шубы белых хрептовых. С ним же работных людей 3 человека»².

Исходя из количества вывозимых в отдельно взятой одной партии товаров и их качества, можно сделать вывод, что данные индийцы – крупные профессиональные купцы, подолгу живущие в Астрахани, Дербенте и других городах Прикаспия, и обслуживающие транзитную торговлю по Волжско-Каспийской международной торговой трассе. Товары они доставляли как из глубин России: Москвы, Казани, Сибири через Астрахань и Дербент дальше на Восток, так и в обратном направлении, реэкспортируя восточные товары в центральные губернии России.

Обосновавшиеся в Прикаспийских городах индийские купцы владели значительными денежными средствами и наряду с посреднической торговлей между Россией и народами Кавказа и Востоком выступали в роли ростовщиков, ссужая крупные суммы денег под большие проценты местным феодалам и торговцам. По архивным данным, в 1724 – 1725 гг. индийские купцы только гилянцам и дербентцам выдали 27 ссуд, терским тезикам – 4 ссуды. В астраханской индийской колонии насчитывалось 19 человек, ведущих широкую ростовщическую деятельность. Индийский купец Жадумов Перу, имевший постоянные торговые связи с Дербентом, в 1724 г. дал 26 ссуды на сумму 2374 руб. 90 коп., в 1725 г. – 18 ссуд на сумму 2861 руб. 36 коп., а все его капиталовложения в торговые и кредитные операции в торговле России с

---

¹ Там же. № 197.

² Там же. № 230.

Прикаспийскими областями выражались суммой: в 1724 г. – 11326 руб., в 1725 г. – 15193 руб. Другой индеец Сатариев Премры, также связавший свои коммерческие интересы с Дербентом вложил 3970 руб. в торговый оборот и 100 руб. – в кредит.¹

Активное участие в транзитной торговле через Прикаспий принимали также проживающие в Кизляре индийские купцы, имевшие в нем свою колонию, возникшая здесь сразу же после основания Кизляра и просуществовавшая до начала XIX в.² Индийская колония в Кизляре была второй после астраханской. По своему характеру она почти не отличалась от астраханской и выполняла ту же роль посредницы в торговле России со странами Востока, в том числе и с самой Индией. Проживающие в Кизляре индийские купцы поддерживали тесные связи с астраханскими и вместе очень часто посещали восточные и российские города. По книге 1746 г., в Астрахань было доставлено индийскими купцами 37 партий товаров на сумму 40 695 руб., в том числе 8 партий из Кизляра.³

Индийцы вывозили в восточные страны главным образом кожи, меха, холст, полотно, москательные-химические товары, металлические изделия, разнообразный набор галантереи, колониально-бакалейные товары, а также различные сукна русского и европейского производства. Москательных товаров индийцы вывозили немного, отдавая предпочтение красному и синему сандалу, которого отправили в августе – октябре 1725 г. из Астрахани в Дербент и Баку 256 пудов.⁴ В некоторых явках встречались и продукты питания: мед и патока. Из восточных стран в Россию через Прикаспий индийские купцы ввозили шелк, шелковые, полушелковые, хлопчатобумажные ткани, хлопчатую бумагу, меха, медь, ковры, шерсть, чернильные орешки, драгоценные камни, фрукты, вина и ладан. Кроме того, они ввозили золото и серебро в иранских и индийских монетах и слитках.⁵

Индийские купцы Прикаспия поддерживали торговые отношения с Закавказьем, Ираном, Индией и Средней Азией. Центральное место в торговле индийцев занимали Закавказье и Иран, в меньшей степени Индия. Что касается торговых связей со Средней Азией, то в первой половине XVIII в. они не получили широкого развития. По подсчетам

---

¹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 202 – 203.

² Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 5. Махачкала, 1974. С. 164 – 167.

³ Юхт А.И. Указ. соч. С. 140.

⁴ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 193.

⁵ Юхт А.И. Указ. соч. С. 139 – 140.

А.И. Юхта, в 30 – 40-х гг. XVIII в. индийцы играли крупную роль в торговле России с Ираном и Закавказьем через Прикаспийские области. На их долю приходилось в ценностном отношении более 1/4 привоза и несколько менее 2/5 вывоза товаров, а их обороты в среднем составляли около 1/3 общей суммы оборотов.

Все же основная роль в торгово-посреднической деятельности в Прикаспии принадлежала армянам. Они же были лидерами в производстве вина и водки, инициаторами и создателями крупнейших торговых компаний и объединений. Благодаря их неутомимой предпринимательской деятельности, Прикаспийские области имели торговые связи с Востоком, Россией и Европой.²

Армян и грузин Петр I приказал «содержать... в крепком охранении и поступать с ними, таким образом, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»³. Всего в 1735 г. в Прикаспийских областях армян и грузин насчитывалось 450 семей.⁴ Их переселение сюда поощрялось российским правительством с целью оживить экономику края, наладить торговлю важным для России сырьем – шелком-сырцом, хлопком, «чтобы они (армянские и грузинские купцы) к размножению коммерции с российскими купцами имели старание, и для того шелк и другие персидские товары, которые от них прежде всего отпускаемые в европейские государства, привозили б в Россию...»⁵.

В то же время российское правительство стремилось создать благоприятные условия для заселения Прикаспийских областей христианами армянского, грузинского и русского происхождения, с целью иметь в Прикаспии социальную опору, жизненные интересы которой совпали бы с политическими интересами России. Ген.-лейтенанту Матюшкину было предписано принимать армянских купцов, ремесленников и крестьян и отводить им земли для поселения у крепости Святого Креста, в Дербенте и Баку, «дабы они имели купечество»⁶. В результате подобной политики уже в 1725 г. в Дербенте была иная этническая картина. Здесь были созданы слободы армян и грузин со своими церквями, самоуправлением. На карте Дербента в то время указано, что в «третьем городе» живут «обитатели армянские и индийские купцы,

¹ Там же. С. 140 – 141.

² Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Указ. соч. С. 186 – 188.

³ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения // Исторические записки. Т. 57. 1956. С. 253.

⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. С. 507.

⁵ Куканова Н.Г. Указ. соч. С. 253.

⁶ Комаров В. Указ. соч. С. 58 – 59.

евреи и прочие»¹. Там же близ моря была расположена слобода грузинская.

Как отмечал хронограф Петра I, в Дербенте «... находилось тогда многое число персидских, грузинских, армянских и индийских купцов и художников (ремесленников). Любопытство Великого монарха не оставило также рассмотреть всех их состояние и узнать все обстоятельства, до торговли их касающиеся... торговля была из первейших предметов сего его в Персию походу...»². По свидетельству И.-Г. Гербера, «... обретаются в Дербенте много купецких людей из персиянов, армянов, грузинцов и индийцов»³, многие из которых жили в Дербенте постоянно со своими семьями.

Исследование данных о коммерческой деятельности армянских и других восточных купцов и их торговых оборотах в Прикаспии показывает, что они проявляли в этой области большую активность. Чтобы не быть голословными относительно участия армян и грузин в торгово-экономической жизни региона, приведем некоторые архивные документы. Так, «грузинский армянин Артемий Абуев» 29 апреля 1729 г. просит в канцелярии гражданского суда «пашпорт для поездки водяным путем в Астрахань для торгового промыслу»⁴. «Желаю я нижеименованный ехать ис крепости Святого креста сухим путем в Дербент для своих нужд, да при мне работников грузинцов... 5 человек»⁵. По этому же адресу обращаются 29 сентября того же года «грузинский армянин Мартын Папов», с работником с просьбой дать разрешение на поездку «сухим путем до казачьих городков для торгу»⁶.

По сведениям Ф.И. Соймонова, «армяне издавна вдалились в купечество, и может быть жили между булгарами, не для какой другой причины, как чтоб скупать у них россиян драгоценную рухлядь и юфти...»⁷. Армяне являлись крупными потребителями изделий русского мануфактурного производства, в то же время являлись посредниками в

---

¹ Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический сборник за 1963 г. М., 1964. С. 127.

² Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Т. 6. М., 1839. С. 258.

³ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С. 86.

⁴ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. Ч. 1. Тбилиси, 1968. С. 76.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ Соймонов Ф.И. Указ. соч. С. 258.

торговле народов Кавказа с Русским государством, так как «... оные наиболее знают в тамошних странах и как прибыточные торги отправлять...» следует.¹

Деятельность армянских купцов в Прикаспии способствовала развитию и процветанию таких крупных центров региональной и международной торговли как Астрахань, Терки, крепость Святого Креста, Кизляр, Дербент, а также обеспечению первоочередных потребностей населения Прикаспия в местной и привозной продукции сельскохозяйственного и ремесленного производства. Армянские купцы в поисках новых рынков сбыта товаров выезжали на российские ярмарки, где приобретали суконные, льняные, хлопчатобумажные, шелковые ткани, железные и другие мелкие товары, которые привозили на Северный Кавказ и продавали в основном в Кизляре, казачьих станицах и русских поселках на кавказской линии, а также в аулах горцев.²

Немаловажное значение в торговле армян имели торговые связи с горцами. Как отмечал А.Ю. Чирг, некоторые дореволюционные русские авторы придерживались мнения, что горцы относились к торговле как к презренному делу, поэтому вся горская торговля сосредоточилась в руках армянского торгового сословия.³

Армянские купцы играли немалую роль в торговле с кумыками. Они ездили по селениям и скупали различные товары, а многие из них жили подолгу в кумыкских селениях, занимаясь торговлей. По этому поводу А.М. Буцковский писал: «кумыки, любящие праздность и воинские занятия, не занимаются торговлею, коя вся в руках армян...»⁴. Знание местных языков и куначеские отношения позволяли армянам в течение долгого времени находиться по торговым делам в горских селениях.

Армянские купцы выезжали в торговых целях и в другие районы Северного Кавказа, в частности, в Чечню. Особенно часто посещали они селение Брагуны, в котором проживали их соотечественники-армяне. Армянские купцы Кизляра активно торговали также с Большой и Малой Кабардой, где большим спросом пользовались льняная и хлопчатая ткань, соль, серебряные изделия армянских ремесленников и

---

¹ Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Указ. соч. С. 207.

² Там же. С. 189.

³ Чирг А.Ю. К вопросу о торговле Османской империи на Северо-Западном Кавказе (1829 – 1864 гг.) // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985. с. 32.

⁴ Буцковский А.М. Указ. соч. С. 244.

др. товары. Купцы-армяне взаимодействовали и с калмыками, нанимая их к себе на службу в качестве приказчиков.

Архивные данные Дербентской таможни показывают, что в Дербент и через Дербент в Астрахань в первой половине XVIII в. проследовали ширванские, ереванские, нахичеванские, джувльфинские, гянджинские армяне. Ассортимент товаров, ввозимых ими, очень пестрый и показывает значительность торговых операций, проводимых ими в регионе. Основной удельный вес приходился на ценнейший по тем временам товар – шелк-сырец пряженный и изделия из него¹, так как армяне пользовались льготными условиями ввоза шелка в Россию. Шелк-сырец, шелковые ткани, производимые в Прикаспийских областях, Закавказье и Иране потреблялись как на месте, так и вывозились в Астрахань и другие российские города. В 1767 г. из Ирана армянами было привезено 1255 пудов шелка, а в следующем году – 1284 пуда. В 1769 г. количество завезенного шелка превысило 2000 пудов.²

Среди товаров, вывозимых армянами из России в Прикаспийские города и страны Востока упоминаются разные сорта холста (например, в августе – сентябре 1725 г. армяне вывезли 8370 аршин холста), крашенина и пестрядь-белоглазка, красные кожи, савры и овчинки, изделия из кожи, складные ножи, всяческие замки, иголки, наперстки, гребни, фарфоровые кувшинчики, нательные кресты, деревянная посуда, писчая бумага, икра, рыба и др.³ Из общего перечня товаров видно, что армяне отдавали предпочтение широте ассортимента.

В нашем распоряжении имеются ряд документов, свидетельствующих об участии в прикаспийской торговле грузинских купцов. Так, из 263 явок на вывоз или провоз товаров через Дербент – 28 случаев провоза шелка приходится на грузинских купцов. По неполным данным, в 1726 г. было вывезено через Дербент «рященской» или «шемахинской» покупки шелка 2764 пуда. Из них грузинские купцы вывезли 6555 пудов. Помимо этого, ими произведено было еще 7 тай весом 36,8 пудов.⁴

---

¹ Иноземцева Е.И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Иран и Кавказ. Т. 2. Ереван, 1998. С. 9.

² Гильденштедт И.А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на акад. И.А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1700, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809. С. 25.

³ Голикова Н.Б. Указ. соч. С. 192 – 193.

⁴ Магомедов Н.А. Торговые связи Дагестана с Россией в конце XVII – начале XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982. С. 72.

Коммерческая деятельность грузинских купцов в прикаспийской торговле была весьма разнообразной. В.Н. Гамрекели отмечает, что, наблюдая торговую деятельность грузинского купечества в прикаспийском ареале Северного Кавказа, можно различить в ней следующие группы торговых операций: 1. Экспорт и импорт товаров между Восточной Грузией и прикаспийским ареалом Северного Кавказа; 2. Транзит сухим и морским путем товаров экспорта и импорта между Грузией и Россией; 3. Транзит сухим и морским путем товаров посреднической торговли между Ираном – Азербайджаном и Россией; 4. Участие во внутренней торговле Приморского и Низменного Дагестана и в их внешней торговле, помимо торговли с Грузией.¹

Все же основная роль грузинского купечества в Прикаспии заключалась в посреднической торговле между Россией и Закавказьем, восточными странами. Среди документов 30-х гг. XVIII в. встречаются такие, которые фиксируют конкретные случаи поездок грузинских торговых людей по делам посреднической торговли. Так, в одном из архивных документов последних дней 1738 г. или первых дней 1739 г., составленном в Астрахани, перечислены 22 «тефлиских армян», ведших торговлю между Шемахой, Баку и Астраханью.² В карантине они были все по отдельности опрошены. Для примера приведем начало записи допроса одного из них: «тефлиский житель армянин Гаврила Бежанов купечество имел в том своем жительстве Тифлисе и в Шемахе и в Баке...»³.

Приведем ряд документов 1770 – 1790-х гг., подтверждающих, что грузинское купечество продолжало в Прикаспии транзитную посредническую торговлю. Осенью 1775 г. в море вблизи Дербента погибло купеческое судно Скворцова, шедшее из Энзели в Астрахань. «На судне было товаров принадлежащих разным астраханским купцам и подданным грузинского царя Ираклия на знатную сумму и именно на 700 тыс. рублей»⁴.

Судя по регистрационным записям, среди лиц, приезжающих в Дербент, незначительное место занимали азербайджанские (шемахинские, ширванские, нахичеванские, гянджинские) купцы. Так, в таможенной книге есть запись о том, что 14 ноября 1728 г. шемахинец Ис-

---

¹ Гамрекели В.Н. Указ. соч. С. 58.

² РГАДА. Ф. ГАРИ (Государственный архив Российской империи). Оп. 1. Д. 255. Л. 16 – 19.

³ Там же. Л. 25 об.

⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Ч. 2. С. 29.

маил Исрафилов привез из Шемахи в Дербент «шелку чистого 15 тай. Во оных Таях весу 232 батмана и пол Шемахинской покупки. Пошлин с батмана по 36 копеек и пол с третью деньгою. Итого 85 руб. 24 коп. Самсарей с батмана по 16 коп. Гушей с таи по 12 коп. и пол. За перевес того шелку 10 коп. Всего 125 руб. 64 коп.»¹.

Однако степень участия грузинских, азербайджанских, дагестанских купцов в региональной и транзитной торговле через Прикаспий была незначительной. Здесь практически монопольное положение занимали армяне.

Таким образом, восточное купечество, представленное индийцами, армянами, грузинами, азербайджанцами и др., играло значительную роль в коммерческой деятельности Западного Прикаспия. На их долю приходилась большая часть торговых оборотов в регионе, благодаря их предпринимательской деятельности Прикаспий превратился в крупный узел региональной и международной транзитной торговли России с восточными странами. Через западно-прикаспийские торговые центры восточные купцы реэкспортировали в Россию восточные товары, пользовавшиеся там большим спросом, а также доставляли в регион и на Восток товары русского и западноевропейского производства.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

---

¹ ГУ «ЦГА РД». Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ и обобщение приведенного в работе фактического материала позволяет нам сделать определенные выводы.

Западный Прикаспий благодаря своему выгодному географическому положению являлся ареной российско-ирано-турецкого противоборства. С середины XVI в. Россия, присоединив Астрахань, приближает свои южные границы к Прикаспию. Для того чтобы быть в курсе событий в регионе и укрепить свои позиции, в 1588 г. она основала здесь город Терки, впоследствии ставший военно-административным и торгово-экономическим центром всего Северо-Восточного Кавказа.

С начала XVII в. экономические контакты народов, населявших Западно-прикаспийские области с Россией начинают приобретать более тесный и устойчивый характер. Этому во многом способствовала политика покровительства царских властей по отношению купцам из Кавказа. Царские власти товары этих «купчин» или правителей, посланные с ними для продажи, освобождали от довольно высоких для того времени таможенных пошлин.

Со второй половины XVII в. в связи с определенной стабилизацией политической обстановки в Западном Прикаспии торговля с Россией становилась более тесной и доходной. Однако развитию торговли мешала политическая раздробленность региона. Так, например, при провозе товаров по прикаспийской дороге из Астрахани и Терков в Дербент и обратно приходилось платить пошлины каждому феодалу, через владения которого проезжали купцы. В то же время царские власти также не упускали возможности пополнить казну своего государя за счет пошлинных сборов с торговцев, учредив таможи в Терках и Астрахани, а также взимая пошлину за перевоз товаров через р. Сунжу. Несмотря на все эти препятствия, экономические связи Западноприкаспийских областей с Россией в течение XVII в. становились более регулярными.

С приходом к власти Петра I Западный Прикаспий в планах кавказской политики России приобретает одно из ведущих мест. В отношении западного побережья Каспийского моря у Петра I были грандиозные планы и прежде чем приступить к их осуществлению, следовало детально обследовать и изучить регион. С этой целью в Прикаспий и были посланы несколько групп российских офицеров и ученых, которые занимались изучением и сбором разного рода сведений географического и экономического характера. Его богатые природные ресурсы,

продукты хозяйственной деятельности народов региона, выгодное стратегическое положение занимали экономические и политические интересы России. Присоединив Прикаспий к России, Петр I надеялся обеспечить все возрастающие потребности мануфактурной промышленности сырьем. Стремление российского правительства освободить российскую мануфактурную промышленность от зависимости иностранного сырья и обеспечить ее сырьем Прикаспия объективно способствовали развитию экономики региона. Правительство Петра I издало ряд указов об использовании природных богатств приморских областей, принимало меры для развития шелководства, хлопководства, мареноводства, шафрана, табака, шерсти, лова рыбы, увеличения добычи нефти, разрабатывало меры по расширению судоходства на Каспии.

Одной из важных причин, требовавшей присоединения Западно-прикаспийских областей к России, являлась оборона границ, так как положение на юго-восточных границах в то время представляло собой едва ли не самое слабое место Российского государства. Исходя из этого, Россия предприняла ряд мер по укреплению юго-восточных границ государства.

Петр I стремился сделать Прикаспий узлом торговли всего Востока. Цель его торговой политики заключалась в том, чтобы направить всю восточную торговлю по Волжско-Каспийскому пути и сделать Россию посредницей в торговле между Западом и Востоком. Пути восточной торговли должны были проходить через гавани и торговые пункты кавказского побережья Каспийского моря. Позицию России на Каспийском море упрочил Персидский поход Петра I 1722 – 1723 гг. В то время Каспий представлял собой как бы заброшенный бассейн, хотя и составлял часть водного пути из Москвы в Иран и Среднюю Азию. Петр I, уделяя серьезное внимание торговле с югом, мечтал о повороте Амударьи в сторону Каспийского моря. Император хорошо понимал, что не пассивная внешняя торговля с Европой через Петербург, а развитие промышленности страны и активная внешняя торговля с Востоком помогут достичь богатства и могущества России. И Каспийское море представлялось ему наиболее удобным для такой активной торговли.

В Западно-прикаспийских областях Кавказа более чем где-либо на Северном Кавказе были развиты товарное и денежное обращение. Кроме местной продукции в обращении было много товаров из России, стран Закавказья и Востока. В хождении были российские, голландские, иранские, турецкие, дербентские и шемахинские монеты.

Приведенный выше фактический материал свидетельствует о том, что Западный Прикаспий в изучаемый период постепенно втягивался в сферу экономического развития России, что положительно сказывалось на развитии экономики региона. Как крупный и важный центр в торговли между Россией и народами Кавказа выделился – Терский город Прикаспия, в котором имелись торговые ряды, гостинные дворы, таможня и караван-сарай. У главного устья Терека разгружались товары, присылавшиеся из Астрахани, военное снаряжение, разные припасы и хлеб на жалованье служилым людям. Из России сюда ввозили также шубы, шапки, сукно, иглы, наперстки, медные котлы, бумагу писчую и др. Северокавказские горцы поставляли в Терки просо, ячмень, мед, овчины, марену, шелк, фрукты. Активное участие в торговле с Россией через Терский городок принимали феодальные владельцы Северного Кавказа. За соблюдение верности Российскому государству им разрешалось свободно торговать с Россией.

После упразднения Терки средоточием российско-кавказской торговли становится крепость Святого Креста, куда были переселены выходцы народов Северо-Восточного Кавказа, а также армяне, грузины, российские и персидские купцы. Сообщение крепости Святого Креста с морем стало возможным благодаря строительству на Сулаке плотины. Это позволило установить более регулярное морское сообщение с портами на Каспии, способствовало развитию торговли, увеличению товарооборота и росту рынка крепости Святого Креста. В крепости определенная часть населения обслуживала приезжих купцов, занимаясь погрузкой, выгрузкой и перевозкой товаров в места назначения. За стенами крепости Святого Креста постоянно жили местные купцы и торговцы, покупавшие у горцев излишки продуктов и ремесленные изделия. Здесь же, по свидетельству И.-Г. Гербера, «имеется торгование с приездными туда купцами российскими, армянскими, горскими, чеченцами, татары и прочие». Активное участие в торговле принимали и русские маркитанты – торговцы, обслуживающие русские войска. Они вступали в торговые связи и с горцами Северо-Восточного Кавказа.

В крепости Святого Креста существовали гражданская канцелярия и таможня, строго следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей, выдававшие им письменные разрешения на выезд в другие города и государства. Из местных товаров через Святой Крест в Россию шли меха диких зверей, олени шкуры, воск, чихирь (вино), марена, ремесленные изделия. Из Астрахани в крепость, а оттуда и к северокавказским горцам поступали традиционные российские товары: железо, железные

и деревянные изделия, российские и европейские ткани, кожа и кожаные изделия. Из России в крепость поступало и продовольствие.

С середины 30-х гг. XVIII в. функции транзитного пункта в торговле России с народами Кавказа переходят Кизляру, так как крепость Святого Креста в силу сложившихся политических обстоятельств в регионе была снесена. В Кизляре были созданы все условия для развития торговли: выстроены караван-сарай, возникли русский, армянский и татарский рынки. На базары Кизляра съезжались представители всех народов Северо-Восточного Кавказа, привозя с собой на продажу продукты сельского хозяйства, ремесленные изделия и скот.

Российское правительство отводило Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая его как оплот для укрепления своего влияния в регионе. С основанием Кизляра вывоз товаров из России на Северо-Восточный Кавказ постоянно увеличивается. Из России транзитом через Кизляр в регион шли главным образом промышленные товары широкого потребления русского производства.

Со второй половины XVIII в. Кизляр стал играть особую роль в жизни народов Северо-Восточного Кавказа, превратившись в крупнейший для своего времени экономический центр региона и центр торговли с русскими торговцами. Расширение границ Российского государства на Кавказе втягивало горцев в торгово-экономическую интеграцию с русскими. Торговля с казачеством и русскими купцами постепенно перерастала из меновой в денежную, деньги становились средством расчета, вытеснив холст, который раньше служил эквивалентом в торговле.

Немаловажное место в торгово-экономических связях горцев с Кизляром и другими приграничными городами принадлежал армянским купцам. Деятельность армянских купцов способствовала обеспечению первоочередных потребностей населения в местной и привозной продукции сельскохозяйственного и ремесленного производства. Армянские купцы в поисках новых рынков сбыта товаров выезжали на российские ярмарки, где приобретали суконные, льняные, хлопчатобумажные, шелковые ткани, железные и другие мелкие товары, которые привозили на Северный Кавказ и продавали в основном в Кизляре.

Не менее важную роль в экономических контактах народов Дагестана с Россией играли торговые центры Прикаспийского Дагестана. В XVII – XVIII вв. Здесь исторически сложилась целая система торговых центров, в которых собирались традиционно базары, где жители окрестных и отдаленных сел продавая продукцию своего хозяйства,

приобретали необходимые им товары. Одним из таких центров являлся Тарки, который выполнял и роль морского порта на северокавказском побережье Каспия. Таркинские купцы совершали поездки в торговых целях в Астрахань, Москву, Кизляр, Терский городок, Дербент. Таркинские купцы нередко обслуживали торговлю на Каспийском море, перевозя товары дагестанских купцов.

В развитии российско-дагестанских торгово-экономических отношений в XVII – XVIII вв. значительное место занимали такие торговые центры Дагестана, как Эндирей, Аксай, Костек и др., расположенные на трассе прикаспийского торгового пути. В Эндирее сосредотачивалась торговля между Кизляром и Нагорным Дагестаном, Чечней. Эндирей вел обширную торговлю с Черкесией, Кабардой и даже Крымом. В Эндирей каждую пятницу съезжались горцы почти со всего Северного Кавказа, где совершались крупные торговые сделки между северокавказскими народами. Из Эндирея, Аксая и Костека транзитом через Кизляр в Россию вывозили в больших количествах марену, шелк-сырец, рис, фрукты, мед, воск, сыр, изделия из шерсти, шелковые и бумажные ткани, горское сукно, таркалы для виноградников. Постоянно увеличивался и становился более разнообразным ассортимент товаров как ввозимых из России в регион, так и вывозимых.

Другим крупным центром торговли России с народами Восточного Кавказа являлся крупнейший торгово-ремесленный центр Кавказа – Дербент, куда съезжались торговцы почти со всех районов Северо-Восточного Кавказа со своими изделиями и товарами собственного производства. В обмен и на деньги они приобретали здесь как дагестанские, так российские и восточные товары повседневного спроса и длительного пользования.

Дербент и Дербентское владение являлись одним из поставщиков марены для текстильной промышленности России. В больших количествах из Дербента в Астрахань вывозился и шелк. Транзитом через Дербент в Россию шли также товары из стран Закавказья. Велика была роль Дербента в торговых связях России с народами Дагестана и Азербайджана. В свою очередь, Дербент нуждался в российских товарах, особенно в железе и металлических изделиях.

Со своей стороны российское правительство также было заинтересовано в укреплении и расширении торгово-экономических контактов с Дербентом. Стараясь завоевать расположение и доверие владельца Дербента, российская администрация в Кизляре проявляла внимание к его просьбам, стремилась удовлетворить его, предоставляя разного рода льготы дербентским торговцам. О том, что торговля с Дербентом

принесла бы большие доходы, отмечал академик С.-Г. Гмелин. В Дербент, писал он, можно было бы ежегодно посылать два корабля с мукой, железом, сталью, свинцом и все это продавать «с великим барышом».

Улучшению торговых отношений с Россией способствовал и правитель дербентский и кубинский Фатали-хан. Его старания направить торговлю России с Ираном через Дербент вытекали из стремления поднять экономическое, в частности, торговое значение Дербента, подорванное как нашествиями Надир-шаха, так и длительными междоусобицами в Дербентском ханстве.

Территория Прикаспия служила основной коммерческой артерией, связывающей Россию и со странами Востока. Торговля велась по морскому пути и сухопутной трассой вдоль западного побережья Каспийского моря, связывающей страны Востока с Европой. Особая роль в развитии российско-восточных торгово-экономических отношений в изучаемый период принадлежала российским городам Западного Прикаспия. Купцы из этих городов занимались реэкспортом восточных товаров в Россию. А из Астрахани сюда поступали российские товары, предназначенные для экспорта в страны Востока.

Выгодное положение торговых центров Западного Прикаспия привлекло сюда купечество, специализировавшееся на восточной торговле. Наряду с армянами, грузинами, тезиками, индийцами и другими купцами в вывозе товаров из торговых центров Прикаспия и через них участвовали обитатели восточных колоний Астрахани, а также купцы из Центральной России. Все же основная роль в российско-восточной торговой деятельности принадлежала армянам. Они же были лидерами в производстве вина и водки, инициаторами и создателями крупнейших торговых компаний и объединений. Благодаря их неутомимой предпринимательской деятельности, Россия имела торговые связи с народами Кавказа и со странами Востока.

В начале XVIII в. в торгово-экономических отношениях между Россией и восточными странами произошли некоторые изменения. Экономическая политика Петра I способствовала расширению внешней торговли с Востоком, увеличению торгового оборота, изменению структуры экспорта и импорта России, в частности увеличению вывоза изделий мануфактурного и ремесленного производства. Петр I рассматривал внешнюю торговлю как один из важнейших источников государственных доходов; таможенные пошлины составляли не малую часть бюджета страны. Для России вопросы восточной торговли в петровское время приобрели особое значение. В правительствующих кру-

гах России Кавказ, Закавказье, Иран стали рассматриваться как возможный источник снабжения нарождавшейся российской текстильной промышленности хлопком и шелком-сырцом, мареной и другим сырьем. В то же время Россия нуждалась в новых рынках сбыта своей продукции. В этом плане Дербенту, который считался «воротами» в страны Востока и обладал крупным морским портом на Каспии, придавалось большое значение.

Видя в восточной торговле один из важных источников дохода, российское правительство активно поощряло приезд восточных купцов в Россию и проводило в отношении их политику покровительства. Много восточных купцов в то время было и в торговых центрах Западного Прикаспия.

В торгово-экономических связях Российского государства со странами Востока наибольшую роль как транзитный пункт играл и Баку. Россия, расширившая торговые связи с Ираном и Азербайджаном в XVII – начале XVIII в., нуждалась в удобном порте для международной транзитной торговли на Каспийском море, каковым являлся Баку. Внешняя торговля здесь шла шелком-сырцом, краской, мареной, шафраном, сарачинским пшеном, свежими и сухими плодами, нефтью, шерстяными и бумажными изделиями и прочими товарами. Торговля в Баку привлекала внимание различных стран, в том числе России, которые привозили туда свои товары на торг.

Подводя итог всему сказанному, следует отметить, что Западно-прикаспийский регион являлся крупным узловым пунктом, связующим звеном в торгово-экономических отношениях России с народами Кавказа и со странами Востока в XVII – XVIII вв. Включение Западного Прикаспия в сферу экономического развития России, способствовало развитию и углублению здесь раньше, чем в других регионах Северо-Восточного Кавказа, процесса товарно-денежных отношений. Благодаря этому народы, населявшие западное побережье Каспия, приспособивали свое хозяйство к потребностям развивающейся мануфактурной промышленности России.

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Источники

а) Архивные материалы

Центральный государственный архив Республики Дагестан» («ЦГА РД»)

1. Ф. 18. Дербентский комендант. Оп. 1. Д. 31, Д. 37, Д. 147, Д. 173, Д. 189, Д. 214; Оп. 3. Д. 95.
2. Ф. 335. Комендант крепости Терки. Оп. 1. Д. 5, Д. 9, Д. 10, Д. 12, Д. 13.
3. Ф. 379. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 5, Д. 8, Д. 259, Д. 532, Д. 556, Д. 590, Д. 750, Д. 854, Д. 873, Д. 1157, Д. 3263, Д. 3625, Д. 3931, Д. 3946, Д. 3952.
4. Ф. 389. Комендант крепости Святой Крест. Оп. 1. Д. 22, Д. 25, Д. 26, Д. 30, Д. 33.

Центральный государственный архив Астраханской области (ЦГА АО)

1. Ф. 394. Астраханская губернская канцелярия. Оп. 1. Д. 81, Д. 111, Д. 259, Д. 320. Д. 638, Д. 883, Д. 1038, Д. 1235.
2. Ф. 599. Астраханская воеводческая канцелярия. Оп. 1. Д. 259.
3. Ф. 679. Начальник Астраханского таможенного округа. Оп. 1. Д. 48, Д. 61.
4. Ф. 681. Астраханская таможня. Оп. 1. Д. 3070; Оп. 6. Д. 3, Д. 6, Д. 25.

Архив внешней политики России (АВПР)

1. Ф. 110. Сношения России с Грузией. Оп. 110. Д. 5.
2. Ф. Кумыцкие дела. 1756 – 1758 гг. Оп. 121. Д. 2.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Ф. 9. Кабинет Петра Великого, отд. 2. Кн. 60, Кн. 94.

б) Материалы Научного архива ИИАЭ ДНЦ РАН.

1. Выписки из материалов Архива внешней политики России, сделанные научным сотрудником А.И. Тамаем по истории Дагестана XVIII века. Ф. 1. Оп. 1. Д. 389.
2. Гашимов Ч.М. Взаимоотношения Дагестана с народами Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 87.
3. Документы по истории Дагестана XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 551.

4. Документы по русско-дагестанским отношениям (1614 – 1724). Ф. 1. Оп. 1. Д. 434.
5. Иноземцева Е.И. Взаимоотношения народов Дагестана с народами Северного Кавказа в XVII в. (торгово-экономический аспект). Ф. 3. Оп. 1. Д. 722.
6. Иноземцева Е.И. Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в конце XVII – XVIII вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 536.
7. Копии документов из АВПР. Ф. Сношения России с Персией, извлеченные В.Г. Гаджиевым. Ф. 1. Оп. 1. Д. 560.
8. Копии документов из РГВИА по истории Дагестана XVIII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.
9. Копии документов из РГАДА. Ф. Сношения России с Персией. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378.
10. Кушева Е.Н. Материалы по истории Дагестана XVII в. Ф. 1. Оп. 1. Д. 449.
11. Магомедов Н.А. Развитие торговли в Дербентском ханстве в первой половине XVIII в. Ф. 3. Оп. 1. Д. 358.
12. Материалы Астраханского архива. Ф. 1. Оп. 1. Д. 590.
13. Материалы по истории Дагестана XVII – XIX вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.
14. Материалы по истории русско-дагестанских отношений XVII в., собранные Е.Н. Кушевой. Ф. 1. Оп. 1. Д. 305.
15. Материалы по русско-дагестанским отношениям XVI – XVII вв. Ф. 1. Оп. 1. Д. 355.
16. Микрофильмы архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым из АВПР МИД. Ф. Сношения России с Персией, 1790 г. Ф. 6. Оп. 1. Д. 52.
17. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в. Документы и материалы. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322.
18. Умаханов М.-С.К. Торгово-экономические связи народов Дагестана в XVII – XVIII вв. Ф. 3. Оп. 1. Д. 291.

в) Опубликованные документы и материалы

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. Готье. Л.: Соцэкгиз, 1938. – 308 с.
2. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. II. Тифлис, 1868; Т. XII. Тифлис, 1904.
3. Армяно-русские отношения в первой трети XVIII в. / Под ред. А. Иоаннисяна Т. 2. Ч. 1. Ереван, 1964.

4. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 213 – 221.
5. Бель Дж. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли; а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевод с франц. М. Попова. СПб., 1776. Ч. I – III.
6. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 200 – 208.
7. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 239 – 246.
8. Гаджиев В.Г. Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.
9. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60 – 120.
10. Гильденштедт И.А. Географическое и историческое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на акад. И.А. Гильденштедта через Россию и по кавказским горам в 1700, 1771, 1772 и 1773 годах. СПб., 1809.
11. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1789. Ч. VI.
12. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII – XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. – 304 с.
13. Договоры России с Востоком, политические и торговые / Сост. Т.Д. Юзефович. СПб., Тип. Бакста, 1869. – 234 с.
14. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958.
15. Из путешествия Иоганна Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. Ч. 43. СПб., 1790.
16. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 1 – 2. М., 1957.
17. Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис, 1899.
18. Кремский А.А. Выдержки из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 233 – 236.
19. Котов Федот. Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958.

20. Лерх И.Я. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790 – 1791. Ч. 48 – 62.

21. Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 6 – 59.

22. Олеарий А. Описание путешествия в Московию через Московию в Персию и обратно / Пер. с немец. П. Барсов. СПб., 1906.

23. Памятники дипломатических и торговых отношений Московской Руси с Персией. Сборник документов / Под ред. Н.И. Веселовского. Т. 1. СПб., 1890.

24. Полиевктов Н.А. Европейские путешественники XIII – XVIII вв. по Кавказу. Тифлис: Изд-во АН Груз. ССР, 1935. – 222 с.

25. Полное собрание законов Российской империи с 1649 по 1825 гг. Т. I, IV, V. СПб., 1830.

26. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: Документы и материалы / Сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала, 1958.

27. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сборник документов / Сост. В.Г. Гаджиев, Д.-М.С. Габиев, Н.А. Магомедов и др. М.: Наука, 1988.

28. Русско-индийские отношения в XVII в. Сборник документов. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958. – 455 с.

29. Серебров А.Г. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 173 – 196.

30. Симонович Ф.Ф. Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 138 – 156.

31. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763.

32. Стрейс Я. Три путешествия / Пер. Э. Бородиной. М.: Соцэкгиз, 1935. – 415 с.

33. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958.

34. Чулков М. Историческое описание российской коммерции, при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений. СПб.: Тип.при императ. АН, 1781 – 1788. Т. 1. Кн. 2. – 618 с.; Т. 2. Кн. 2. – 638 с.

35. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) / Пер. и комментарии. М.: Наука, 1979. Вып. 2.

II. Книги

1. Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией. Баку: Изд-во АН АзССР, 1965. – 611 с.
2. Абдуллаев Ю.Н. Астрабад и русско-иранские отношения. Ташкент, 1975.
3. Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С. Из истории средневеково Дагестана. Махачкала, 1970. – 235 с.
4. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Кн. I. Махачкала: ДНЦ РАН, 1999. – 275 с.
5. Алиев Б.Г., Умаханов М.-С.К. Историческая география Дагестана XVII – начала XIX в. Книга II. (Историческая география Южного Дагестана). Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 324 с.
6. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV – XIX вв.). Ч. I. Баку: Изд-во «Элм», 1985. – 173 с.
7. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII – XIX вв. Махачкала: «Народы Дагестана», 2007. – 244 с.
8. Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в. Махачкала, 1998.
9. Амиров З.Я., Джафаров Н.С. Таможенные службы России в Дагестане XVIII – XIX вв. М.: Изд-во ЦПП, 1996. – 160 с.
10. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30 – 40-х гг. XVIII в. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1956. – 283 с.
11. Атаев Х.А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII – XIX вв. М.: Наука, 1991. – 392 с.
12. Ахмадов Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – XIX века (Очерки истории социально-экономического и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии). Грозный, 2002.
13. Ахмадов Я.З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI – XVII вв. Грозный, 1988.
14. Ашурбейли С.Б. Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964.
15. Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1. – 362 с.; Ч. 2. – 471 с.
16. Бурнашов С. Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния. Курск, 1793.

17. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип.имп. АН, 1869. Ч. 1. – 548 с.; Ч. 2. – 602 с.; Ч. 3. – 602 с.
18. Васильев Д.С. Очерки низовьев Терека (Досоветский период). Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986.
19. Вульфсон Э.С. Персы в их прошлом и настоящем. М., 1909.
20. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Изд-во «Наука», 1965. – 392 с.
21. Гаджиева С.Ш. Дагестанские терекеменцы XIX – нач. XXв.: Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1990. – 212 с.
22. Гаджиева С.Ш. Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 387 с.
23. Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1968. – 112 с.
24. Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. Махачкала, 2007. – 275 с.
25. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. – 256 с.
26. Гасанов М.Р. История Дагестана с древнейших времен до конца XVIII в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1994. – 216 с.
27. Гасанов М.Р. Дагестан в истории Кавказа и России (проблемы, поиски и этюды). Махачкала: Тип. ДНЦ РАН, 2004. – 608 с.
28. Гмелин С.-Г. Путешествие по России для исследования трех царств в природе естества. Ч. 3. СПб.: Иждивением Имп. АН, 1785. – 336 с.
29. Голикова Н.Б. Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Моск. университета, 1982. – 216 с.
30. Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соймонов. М., 1966. – 262 с.
31. Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1984.
32. Гусейнов А.Н. Из истории азербайджано-русских отношений XV – XVIII вв. Баку, 1958. – 138 с.
33. Гусейнов А.С. Азербайджано-русские отношения XV – XVII вв. Баку, 1963. – 237 с.
34. Зубов П. Картина Закавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом и этно-

графическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 3. СПб., 1835. – 268 с.

35. Ильенко И. Очерки Персии. СПб., 1902.

36. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 226 с.

37. История армянского народа. Ч. 1. Ереван, 1950.

38. История Дагестана. Т. 1. М.: Наука, 1967. – 431 с.

39. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. 1. История Дагестана с древнейших времен до XX в. М.: Наука, 2004. – 632 с.

40. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. – 544 с.

41. Ихиллов М.М. Значение Персидского похода Петра I (1722 – 1723 гг.) для Дагестана. Махачкала, 1954. – 19 с.

42. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 8. СПб., 1892.

43. Кафенгауз Б.Б. Внешняя политика России при Петре. М., 1942.

44. Кидирниязов Д.С. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII в. Махачкала, 2000.

45. Кидирниязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северо-Восточного Кавказа в XVI – начале XX в. Махачкала: Изд. дом «Народы Дагестана», 2008. – 296 с.

46. Кишмишев С.С. Походы Надир-шаха и события в Персии после его смерти. Тифлис, 1889.

47. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. – 468 с.

48. Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг. М., 1867.

49. Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1862.

50. Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI – XVII вв. Махачкала: Тип. ДФ АН СССР, 1954. – 26 с.

51. Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи Россией. Вторая половина XVI – 30-е годы XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 372 с.

52. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722 – 1723 гг. М.: МГУ, 1951. – 248 с.

53. Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. – 248 с.

54. Магомедов Н.А. Взаимоотношения народов Южного Дагестана и России в XVIII – XIX вв. (экономический, политический и культурный аспекты). Махачкала, 2008. – 256 с.
55. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX в. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 408 с.
56. Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до начала XIX в. Махачкала: Дагучпедгиз, 1961. – 292 с.
57. Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. – 272 с.
58. Мамедов С.А. Исторические связи азербайджанского и армянского народов во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Баку: Изд-во «Элм», 1977. – 264 с.
59. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. – 322 с.
60. Мельгунов П. Очерки по истории русской торговли XI – XVIII вв. М., 1905.
61. Михавлевский Ф.И. Деньги в феодальном хозяйстве. М., 1948.
62. Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956. – 157 с.
63. Новосельцев А.П. Города Азербайджана и Восточной Европы в XVII – XVIII вв. М., 1959.
64. Обзорение Российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношениях. СПб.: Тип.внеш. торговли, 1836. Ч. 4. – 246 с.
65. Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991.
66. Остапенко С. Внешние рынки России. Киев, 1903.
67. Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957. – 392 с.
68. Очерки истории СССР. XVIII век. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954.
69. Очерки истории СССР. XVIII в. Вторая четверть. М., 1957.
70. Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990.
71. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана. Вып. 3. Баку, 1926.
72. Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура) / Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2008. – 392 с.
73. Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.

74. Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до начала XX в. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1964. – 278 с.

75. Семенов А. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII в. по 1858 г. Ч. I – II. СПб., 1859.

76. Скитский Б.В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972.

77. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.

78. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского главного архива МИД С.А. Белокуровым (1518 – 1613). Вып. 1. М., 1889.

79. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. I – XXIX. 2-е изд. М., 1851 – 1879.

80. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3. Т. 5 – 6. М., 1961.

81. Тер-Аветисян С.В. Город Джуга. Материалы по истории торговых сношений джувльфинских купцов в XV – XVII вв. Тифлис, 1937.

82. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966.

83. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. – 183 с.

84. Ульяницкий В.А. Русские консульства за границей в XVIII в. Ч. 1. М., 1899.

85. Уляницкий В.А. Сношения России со Средней Азией и Индией в XVI – XVIII вв. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел. Без места и года издания.

86. Умаханов М.-С.К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII в. Махачкала: Тип. ДФ АН ССР, 1973. – 252 с.

87. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во «Таус», 2008. – 294 с.

88. Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. / Под ред. акад. М.Н. Тихомирова. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1956. – 122 с.

89. Хашаев Х.-М.О. Занятия населения Дагестана в XIX в. Махачкала: Даг. филиал АН СССР, 1959. – 116 с.

90. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX в. М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 262 с.

91. Чекулаев Н.Д. Российские войска в Дагестане в контексте кавказской политики России (1722 – 1735 гг.). Махачкала: ДНЦ РАН, 2008. – 208 с.

92. Шавров Н.А. Путь в Центральную Азию по направлению, указанную Петром Великим. СПб., 1871.

93. Шавров Н.А. Судходство и торговля в южной части Каспия. СПб., 1912.

94. Шавров Н.Н. Описание кавказского шелководства. Тифлис, 1891.

95. Шавров Н.О. О современном положении русского торгового мореходства на юге России. М., 1887.

96. Шихсаидов А.Р. Дагестан в X – XV вв. Опыт социально-экономической характеристики. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1975. – 176 с.

97. Штейнберг Е.Л. Первые исследования Каспия (XVIII – XIX вв.). М., 1949.

98. Штылко А. Волжско-Каспийское судходство в старину. СПб., 1896.

99. Шубин И.А. Волга и Волжское судходство. М., 1927.

100. Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.

101. Юдин П. Россия и Персия в конце 1742 г. СПб., 1899. – 408 с.

102. Юзефович Т. Договоры России с востоком, политические и торговые. СПб., 1869.

instituteofhistory.ru

III. Статьи и тезисы

1. Абдулвахабова Б.Б. Роль Кизляра в интеграции чеченских обществ в экономическую систему России (вторая половина XVIII – нач. XIX в.) // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 223 – 229.

2. Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. // Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988.

3. Анчабадзе Г.З. Сведения турецкого путешественника XVII века Эвлия Челеби о Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Т. 3. Махачкала, 1975.

4. Ахмадов Ш.Б. Кизляр как главный торгово-экономический центр на Северо-Восточном Кавказе в XVIII в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы

Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 205 – 215.

5. Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. М., 1958. С. 239 – 246.

6. Васильев Д.С. Загадка Старого Кизляра // Вопросы истории Дагестана. Вып. 1. Махачкала, 1974. С. 35 – 38.

7. Гаджиева С.М., Ибадов Р.Г. О роли и месте Кизляра в азербайджано-дагестанской и азербайджано-русской торговле во второй половине XVIII в. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 215 – 217.

8. Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в истории российско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. № 2 – 3. Ростов-на-Дону, 1995. С. 67 – 72.

9. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический сборник за 1963 г. М., 1964.

10. Записка сенатора Н.Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е годы XVIII в.) // Историческая география России XII – начало XX в. М., 1975.

11. Зевакин Е.С. Азербайджан в начале XVIII в. // Труды общества по исследованию и изучению Азербайджана. Вып. 4. Баку, 1929.

12. Иноземцева Е.И. Кизляр как центр транзитной торговли России со странами Востока в XVIII в. // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». Махачкала, 1991. С. 117 – 118.

13. Иноземцева Е.И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Iran&Caucasus (Иран и Кавказ). Vol. 2. Yerevan, 1998. С. 5 – 12.

14. Иноземцева Е.И. Роль и место морской торговли в экономическом развитии Дагестана (с древнейших времен по XVIII в.) // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва – Ставрополь, 2001. С. 28 – 31.

15. Иноземцева Е.И. Торговля в Терском городе и крепости Святого Креста – важный фактор экономической интеграции народов Северо-Восточного Кавказа и России (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.) // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 75 – 83.

16. Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Россия на Кавказе на рубеже XVIII – XIX вв.: взгляд с Запада // Гюлистанский мирный договор 1813 г.: основные итоги и последствия для судеб народов Кавказа. Махачкала, 2013. С. 105-108.

17. Иноземцева Е.И., Лысенко Ю.М. Осознанный путь сквозь столетия или еще раз о вхождении de jure народов Дагестана в состав Российской империи // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VI Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 2013. С. 157-164.

18. Кидирниязов Д.С. Роль северокавказских городов в развитии торгово-экономических связей местных народов с Россией в XVIII – XIX вв. // Провинциальный город в XVIII – XXI вв. (история, экономика, культура). Материалы Международной научно-практической конференции. Махачкала, 2008. С. 99 – 115.

19. Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII – начало XVIII в.) // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1970. Т. 20. С. 205 – 220.

20. Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – первая половина XVIII в.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 151 – 167.

21. Комаров В. Персидская война 1722 – 1725 гг.: Материалы для истории царствования Петра Великого // Русский вестник. Т. 68. 1867.

22. Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII в. // Исторические записки / Отв. ред. А.А. Сидоров. Т. 57. М., 1956. С. 232 – 254.

23. Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30 – 40-х гг. XVIII в. // Исторические записки. Т. 23. М., 1947.

24. Лебедев В.И. Посольство А. Волынского в Персию // Известия АН СССР. № 6. М., 1948.

25. Лысенко Ю.М. История российско-кавказских взаимоотношений в трудах ряда российских исследователей кон. XIX – нач. XX вв. // Кубанские исторические чтения Материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. Краснодар, 2012. С. 259-263.

26. Магомедов Н.А. Торгово-экономические связи Дербента с Россией в XVIII в. // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа XVIII – 70-х гг. XIX в. Грозный, 1982. С. 284 – 287.

27. Магомедов Н.А. Торговые связи Дагестана с Россией в конце XVII – начале XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа. Махачкала, 1982.

28. Магомедов Н.А. Дербент – восточный торговый центр // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». Махачкала, 1991. С. 146 – 147.

29. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. К вопросу о торговле в Дербенте в XVII – XVIII вв. по материалам Е.И. Козубского «История города Дербента» // Материалы научной сессии, посвященной 100-летию со дня выхода в свет работы Е.И. Козубского «История города Дербента». Дербент, 2006. С. 48 – 55.

30. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII в. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее. Материалы II Международной конференции. Ростов-на-Дону, 2015. С. 43-49.

31. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Роль Дербента в развитии русско-персидской торговли XVII в. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. №3(43). 2015. С. 5-19.

32. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А., Абдусаламов М.-П.Б. Развитие торговли Дагестана с Азербайджаном через Дербент в (XVIII – первая половина XIX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведения. Вопросы теории и практики. № 11. Тамбов, 2015. С. 96-103.

33. Магарамов Ш.А. Экономическая политика Петра I в Прикаспийском Дагестане // Материалы Международной научной конференции «Кавказ и Ближний Восток: от Каспийского похода Петра I до распада державы Надир-шаха». Махачкала, 2012. С. 149-156.

34. Малачиханов Б. К вопросу о хазарском Семендере в Дагестане // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Т. 14. Махачкала, 1965.

35. Петрушевский И.П. Азербайджан в XVI – XVII вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Вып. 1. Баку, 1949.

36. Соловьев С.М. Петр Великий на Каспийском море // Вестник Европы. №. 3. 1868.

37. Умаханов М.-С.К. Торговые пути в средневековом Дагестане // Древние промыслы, ремесло и торговля в средневековом Дагестане. Махачкала, 1984. С. 26 – 38.

38. Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984.

39. Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII – XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане / Тематический сборник. Махачкала, 1992. С. 9 – 20.

40. Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во второй половине XVIII в. // Ученые записки Института ИЯЛ ДФ АН СССР. Махачкала, 1965. Т. 14. С. 155 – 174.

41. Феодаева Ф.З. Кизляр – экономический и административный центр России на Северном Кавказе в XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Материалы региональной научной конференции. Махачкала, 1980. С. 82 – 83.

42. Чирг А.Ю. К вопросу о торговле Османской империи на Северо-Западном Кавказе (1829 – 1864 гг.) // Некоторые вопросы общественно-политических отношений на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. Майкоп, 1985.

43. Юхт А.И. Восточная торговля России в 30 – 40-е годы XVIII в. // Известия АН Арм. ССР. 1956. № 8.

44. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135 – 143.

45. Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII в. // История СССР. № 1. М., 1961. С. 131 – 146.

46. Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х гг. XVIII в. // Историческая география России. XII – начало XX в. М., 1975. С. 177 – 192.

IV. Диссертации и авторефераты

1. Аганесова Д.В. Армянская диаспора Нижнего Терека (XVIII – XIX вв.): Дисс... канд. Ист. Наук. Махачкала, 1999. – 170 с.

2. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX вв. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.

3. Ахмадов Я.З. Взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в XVIII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1977. – 170 с.

4. Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 24 с.

5. Иноземцева Е.И. Русско-дагестанские торгово-экономические отношения в XVIII в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1996. – 172 с.
6. Касумов Н.К. Дербент – центр региональной и международной транзитной торговли в XVIII – первой половине XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. – 182 с.
7. Касумов Р.М. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIII в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1999. – 27 с.
8. Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (По материалам Астраханской таможни): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1977. – 13 с.
9. Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло. Торговля. Налого-финансовая система): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1985. – 12 с.
10. Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов): Дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1994. – 441 с.
11. Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские экономические отношения во второй половине XVIII – начале XIX в.: Дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 1971. – 303 с.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ФИЦ РАН**

instituteofhistory.ru